НАРОДНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2020 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/narodnaiaentsikl91unse

ХАРЬКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
РАСПРОСТРАНЕНІЯ ВЪ НАРОДѢ ГРАМОТНОСТИ.

НАРОДНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

НАУЧНЫХЪ И ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ.

Томъ IX.

ФИЛОСОФІЯ И ПЕДАГОГИКА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1911.

PRINTED IN RUSSIA

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

(КРУГЪ ЗНАНІЙ).

Томъ IX.

ФИЛОСОФІЯ И ПЕДАГОГИКА.

ПРЕДМЕТЫ:

ПСИХОЛОГІЯ.
ЛОГИКА.
ФИЛОСОФІЯ.
ЭТИКА.
ПЕДАГОГИКА.

Въ составленіи статей принимали участіе: проф. Н. А. ГРЕДЕСКУЛЪ, Н. П. ЖИНКИНЪ, проф. Н. Н. ЛАНГЕ, Д. П. МАКСИМЕНКО, А. Ф. МУЗЫЧЕНКО.

Предисловіе къ IX тому „Народной Энциклопедіи".

Настоящій выпускъ посвященъ такъ называемымъ философскимъ наукамъ, въ кругъ которыхъ входятъ, кромѣ философіи въ собственномъ смыслѣ, — психологія, логика, этика и педагогика.

Слово *философія* — греческое и значитъ буквально — *любомудріе*. Раньше, чѣмъ сложились отдѣльныя науки, изучающія строго систематически ту или другую область явленій, у древнихъ грековъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр. возникла философская мысль, т.-е. зародились въ умѣ наиболѣе общіе вопросы, какіе только могутъ явиться у человѣка: что такое окружающій человѣка міръ, какое мѣсто въ этомъ мірѣ занимаетъ человѣкъ, каково отношеніе духа и матеріи (т.-е. тѣлеснаго, вещества), откуда произошла жизнь, есть ли Божество и каково его отношеніе къ міру?

Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ и составило содержаніе философіи, которую можно опредѣлить по отношенію къ отдѣльнымъ наукамъ, какъ «общую мудрость», какъ *общее міровоззрѣніе*, т.-е. пониманіе міра въ его цѣломъ.

Первоначально человѣческая мысль, ставя себѣ задачей понять окружающій міръ, имѣла въ виду познать его сущность, его основное начало, опредѣлить, что представляетъ онъ собою въ дѣйствительности, независимо отъ познающаго его человѣка. Точно такъ же первоначальная философія пыталась опредѣлить *сущность* человѣческой души и взаимное отношеніе между основными началами міра и своей душевной жизни.

Съ теченіемъ времени, однако, философская мысль пришла къ выводу, что такое познаніе міра — *самого по себѣ* такъ же, какъ и познаніе *сущности* душевныхъ явленій,—невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, окружающій міръ воспринимается нами, какъ рядъ нашихъ ощущеній: ощущеній зрѣнія, слуха, вкуса, обоянія, осязанія. Намъ даны эти ощущенія, но то, что вызываетъ ихъ, намъ неизвѣстно. Намъ извѣстенъ міръ *такимъ, какимъ онъ*

является нашимъ чувствамъ, но что представляетъ онъ *самъ по себѣ*, помимо нашихъ воспріятій, мы не знаемъ. Изучая явленія научно, мы также не можемъ познать *сущности* вещей, т.-е. вещей самихъ по себѣ, внѣ насъ: химическія и физическія свойства вещей тоже суть явленія, какими они *намъ* представляются, какъ *мы* ихъ понимаемъ. А эти представленія, это пониманіе явленій опредѣляется устройствомъ нашего ума, нашего сознанія. Точно такъ же мы можемъ наблюдать явленія нашей душевной жизни, можемъ изучать ихъ, но сущности ихъ мы познать не можемъ.

Такимъ образомъ, *философія*, какъ познаніе *сущности вещей*, съ теченіемъ времени потеряла интересъ, и самая задача философіи и значеніе этого названія стали пониматься иначе.

Такъ какъ міръ данъ намъ, такъ сказать, въ обработкѣ нашего сознанія, такъ какъ ни сущности явленій внѣшняго міра, ни сущности нашихъ душевныхъ явленій мы познать не можемъ, то философія занялась изученіемъ самаго процесса познанія,— выясненіемъ того, въ чемъ состоитъ этотъ процессъ, откуда въ немъ матеріалъ, и какъ этотъ матеріалъ перерабатывается нашимъ разумомъ, какова природа нашего разума, и гдѣ границы доступнаго нашему познанію. Точно такъ же, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о сущности души, стали заниматься исключительно изученіемъ *явленій* нашей душевной жизни, стремясь опредѣлить *законы*, управляющіе этой жизнью.

Наука, изучающая явленія душевной жизни, выдѣлилась въ особую философскую отрасль, называемую *психологіей*, что значитъ, по-гречески, *ученіе (или наука) о душѣ*.

Тотъ отдѣлъ философіи, который изучаетъ наше *мышленіе, его пріемы и условія*, въ которыхъ мышленіе приводитъ къ истиннымъ положеніямъ,— носитъ названіе *логики*, т.-е. науки о мышленіи.

Изученіе познающимъ, т.-е. человѣкомъ своей собственной душевной жизни, законовъ, ею управляющихъ, и пріемовъ мышленія является, очевидно, исходнымъ пунктомъ въ построеніи опредѣленнаго міропониманія; міръ доступенъ намъ не самъ по себѣ, а лишь такимъ, какимъ онъ является нашему сознанію; очевидно, чтобы понять его, мы должны прежде всего изучить самую природу познающаго.

Въ связи съ общими философскими вопросами, возникшими въ человѣческой мысли въ глубокой древности,— вопросами объ отношеніи духа и тѣла, о смыслѣ человѣческой жизни, Божествѣ и т. п. стоитъ и вопросъ о нравственности, о мотивахъ нравственнаго дѣйствія, о происхожденіи нравственности и ея высшей цѣли. На всѣ эти вопросы отвѣты давались въ различ-

ное время различные, и именно, въ зависимости отъ общаго міропониманія, отъ той или другой философской системы.

Наука, разсматривающая эти вопросы, носитъ названіе *этики* (по-гречески, значитъ — *нравственность*).

Наконецъ въ тѣсной связи съ философскими предметами находится новая наука—*педагогика*, т.-е. *наука о воспитаніи дѣтей*[1]). Суть эта ясна: для того, чтобы вліять на душу ребенка, необходимо быть хорошо знакомымъ съ законами душевной жизни человѣка; это же знакомство необходимо и для правильной постановки обученія дѣтей тому или другому предмету; такъ, напримѣръ, психологическій законъ ассоціаціи, т.-е. связи въ нашемъ сознаніи представленій, въ силу сходства или одновременности воспріятія, даетъ педагогу очень важныя указанія, какъ закрѣпить въ сознаніи ребенка тѣ или другія знанія. Наконецъ въ основѣ всякаго воспитанія лежитъ то или другое міропониманіе воспитателя, а широкое міропониманіе лучше всего вырабатывается изученіемъ философскихъ предметовъ.

Предшествующія замѣчанія въ общихъ чертахъ выяснили содержаніе и взаимное отношеніе предметовъ, входящихъ въ настоящій выпускъ Энциклопедіи.

Эти предметы не даны здѣсь въ полномъ объемѣ, такъ какъ являются особенно трудными для усвоенія читателемъ, котораго имѣетъ въ виду наше изданіе. Въ настоящемъ выпускѣ разсмотрѣны въ краткихъ чертахъ лишь важнѣйшіе вопросы психологіи, логики, философіи, этики и педагогики; желающіе познакомиться съ философскими предметами подробнѣе найдутъ въ концѣ статей указанія, гдѣ искать болѣе полнаго знанія.

И изъ тѣхъ вопросовъ, которые вошли въ настоящій выпускъ, иные, быть-можетъ, окажутся трудны и потребуютъ нѣкотораго напряженія отъ читателя, приступающаго къ нимъ безъ достаточной общей подготовки. Но причина лежитъ въ самомъ предметѣ. Наиболѣе доступными для читателя явятся, безъ сомнѣнія, статьи по педагогикѣ.

Въ составленіи статей принимали участіе: проф. Н. Н. Ланге, проф. Н. А. Гредескулъ, пр.-доц. А. Ф. Музыченко, Д. П. Максименко, Н. П. Жинкинъ. Общая редакція принадлежитъ С. М. Кульбакину.

Проф. *С. М. Кульбакинъ.*

---

[1]) Греческое слово *педагогъ* значило—дядька, воспитатель.

Психологія.

1. Задачи психологіи.

Каждый изъ насъ не только переживаетъ свою душевную жизнь, но и составляетъ постоянно сужденія о ней и о душевной жизни другихъ. Мы говоримъ, напр., о твердой или слабой волѣ, о живомъ или вяломъ умѣ, о яркой или блѣдной фантазіи, о страстности, капризности, вдумчивости людей. Во всѣхъ такихъ разсужденіяхъ мы занимаемся психологическими задачами, рѣшаемъ психологическіе вопросы, именно стараемся указать *характерныя черты* душевной жизни даннаго человѣка, найти общій для нея *законъ*. Когда мы говоримъ, что у какого-нибудь человѣка твердая воля, мы не просто описываемъ его поведеніе въ отдѣльныхъ случаяхъ его жизни, но указываемъ, что въ этомъ поведеніи, въ этихъ отдѣльныхъ частныхъ событіяхъ выражается нѣкоторая общая постоянная закономѣрность, и ожидаемъ отъ него и въ будущемъ такого же характера. Если бы поступки, мысли и желанія людей были совершенно случайны, если бы въ нихъ не было извѣстной закономѣрности, то мы не могли бы, конечно, сколько-нибудь полагаться на людей, разсчитывать на постоянство ихъ характеровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможны стали бы и всякія наши психологическія сужденія о нихъ. Но мы твердо увѣрены, что люди имѣютъ нѣкоторые опредѣленные душевные характеры, такъ же, какъ опредѣленна ихъ внѣшняя физіономія, несмотря на все разнообразіе игры выраженій на ней; мы убѣждены, что даже случайныя выходки, капризы, быстрыя смѣны настроеній могутъ, въ свою очередь, составлять постоянную черту характера, что они тоже извѣстнымъ образомъ зависятъ отъ опредѣленныхъ причинъ. На этомъ убѣжденіи въ *закономѣрности* душевныхъ (психическихъ) явленій основываются всѣ наши практическіе расчеты на людей, какъ

въ семейной и частной жизни, такъ и въ политикѣ, педагогикѣ, уголовномъ правѣ и проч.

Однако эта, такъ сказать, житейская (или популярная) психологія оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, явно недостаточной, весьма несовершенной въ смыслѣ научномъ. Ея главныя несовершенства состоятъ, во-первыхъ, въ недостаточномъ количествѣ фактовъ, на которыхъ она строитъ свои выводы (поэтому эти выводы оказываются очень часто случайными и не подтверждаются впослѣдствіи дѣйствительностью); во-вторыхъ, эта популярная психологія обыкновенно упускаетъ изъ виду тѣ физіологическія условія, заложенныя въ нервной системѣ человѣка, отъ которыхъ особенно сильно зависитъ его душевная жизнь; наконецъ, въ-третьихъ, житейская психологія довольствуется словесными и поверхностными указаніями на *душевныя способности* человѣка, не выясняя точнѣе его душевныхъ явленій. Оставляя пока въ сторонѣ первые два недостатка житейской психологіи, остановимся на послѣднемъ, ибо именно на этомъ вопросѣ легче всего понять, въ чемъ состоятъ задачи современной *научной* психологіи, въ ея отличіи отъ обыденной [1]).

Когда мы наблюдаемъ во внѣшней природѣ или въ нашей душевной жизни нѣкоторыя постоянныя смѣны или послѣдовательности явленій, мы естественно бываемъ склонны называть эти постоянныя связи явленій силами (если рѣчь идетъ о внѣшней природѣ) или способностями (когда рѣчь идетъ о душевной жизни). Однако, строго говоря, мы самыхъ этихъ силъ или способностей не наблюдаемъ и не знаемъ. Это только неправильное или неточное выраженіе для закономѣрностей явленій. Напримѣръ, наблюдая, что тѣла падаютъ на землю съ извѣстнымъ строго опредѣленнымъ ускореніемъ, что въ первую секунду падающее тѣло проходитъ 16 футовъ, во вторую — 16×2^2 футовъ, т.-е. 64 фута, въ третью — 16×3^2, т.-е. 144 фута и т. д., мы говоримъ о *силѣ притяженія* тѣлъ землею. Въ чемъ, однако, состоитъ въ сущности эта сила, никто не знаетъ; это слово «сила притяженія» обозначаетъ въ дѣйствительности лишь то, что при извѣстныхъ условіяхъ или предшествующихъ явленіяхъ наступаютъ затѣмъ всегда извѣстныя опредѣленныя другія явленія: напримѣръ, при извѣстной массѣ земли падающее тѣло во вторую секунду паденія пройдетъ 64 фута, и больше ничего. Таковы же и всѣ другія, такъ называемыя, физическія, химическія и прочія «силы» природы. Но въ житейскомъ обиходѣ,

[1]) О душевной дѣятельности см. еще томъ V. стр. 365.

недостаточно вдумываясь въ смыслъ словъ, мы воображаемъ, что эти «силы» есть что-то особенное, то, что производитъ или творитъ явленія, и что мы будто ихъ знаемъ. Такимъ образомъ некритическая мысль надѣлила природу воображаемыми «силами».

То же самое произошло и въ житейской (популярной) психологіи. Мы то же и въ нашихъ психологическихъ разсужденіяхъ говоримъ о способностяхъ (т.-е. душевныхъ силахъ) памяти, воображенія, воли, любви, вниманія и проч. Въ дѣйствительности, однако, и всѣ эти слова надо понимать только какъ обозначенія *закономѣрностей душевныхъ явленій*, а въ чемъ состоятъ самыя сущности этихъ способностей, никто не знаетъ. Возьмемъ, напримѣръ, такъ называемую способность памяти; имѣть способность памяти означаетъ въ дѣйствительности лишь то, что въ нашемъ сознаніи могутъ возникать представленія о предметѣ (напримѣръ, какомъ-нибудь зданіи) и въ отсутствіи этого предмета, если, однако, я его уже раньше видѣлъ: этотъ предметъ вновь рисуется передъ моими глазами въ томъ видѣ, въ какомъ я раньше его наблюдалъ. Но какъ сохранялось это представленіе въ теченіе всего протекшаго прежняго времени, когда я и не думалъ объ этомъ зданіи, гдѣ оно сохранялось, сохранялось ли оно вообще или нѣтъ, кто и что его сохранялъ, обо всемъ этомъ мы ничего ровно не знаемъ. Память есть, значитъ, лишь законъ или закономѣрность самихъ душевныхъ явленій, и болѣе ничего. Никакой душевной силы, способности мы не знаемъ, какъ не знаемъ и силы тяготѣнія земли. Существуетъ ли одна общая способность памяти, или есть у каждаго нѣсколько такихъ способностей (напримѣръ, способности памяти слуховой, зрительной и т. под., и далѣе, способности памяти зрительной къ цвѣтамъ, къ формамъ и т. д., способности памяти чиселъ, словъ, иностранныхъ языковъ, стиховъ и т. д.) все это не имѣетъ никакого значенія, ибо самую способность памяти никто не знаетъ, а мы можемъ знать и знаемъ лишь закономѣрности душевныхъ *явленій*. Если же допустить въ душѣ особыя душевныя силы и способности, то, кромѣ того, что ихъ можно будетъ, какъ просто слова, найти сколько угодно, сверхъ того, передъ нами тогда вновь явятся неразрѣшимые вопросы: какъ относятся между собою эти самостоятельныя душевныя силы — способности памяти, воображенія, ума, находчивости, ловкости, остроумія и т. д.? Тогда придется говорить, что, напримѣръ, способность ума направляетъ способность остроумія, и, значитъ, есть еще особая способность направлять одною способностью другую, и т. д., что уже явно нелѣпо.

Итакъ, сводя въ цѣлое то, что было сказано, мы можемъ слѣдующимъ образомъ выразить результатъ нашихъ разсужденій. Уже обыденная, житейская психологія признаетъ обусловленность, закономѣрность душевныхъ переживаній и пытается найти эти постоянства въ различныхъ такъ называемыхъ «душевныхъ способностяхъ». Однако при этомъ она запутывается въ многочисленныя противорѣчія и неясности, потому что принимаетъ способности за самостоятельныя и творческія отдѣльныя силы. Въ дѣйствительности этихъ силъ мы не знаемъ, въ дѣйствительности способности суть только закономѣрности самихъ душевныхъ явленій или переживаній. Психологическая наука отказывается поэтому говорить и разыскивать сущность души и ея силы. Она ограничивается изученіемъ лишь душевныхъ явленій, поскольку они переживаются нами въ нашемъ сознаніи, и пытается установить законы этихъ переживаній, условія ихъ возникновенія и теченія. *Задача научной психологіи состоитъ въ изученіи не силъ души, а душевныхъ состояній и явленій*, такъ же, какъ задача физики состоитъ въ изученіи не силъ природы, а физическихъ явленій въ ихъ закономѣрностяхъ.

Разсмотримъ вкратцѣ, въ чемъ психологическая наука видитъ свою главную задачу при изученіи душевныхъ явленій. Эту главную задачу можно назвать *психологическимъ анализомъ*, т.-е. разложеніемъ сложныхъ душевныхъ явленій и процессовъ на основные, простые. Душевные явленія и процессы необычайно разнообразны и сложны. Одни наши мысли, чувства, желанія ежеминутно смѣняются другими, они зависятъ отъ прежняго нашего опыта, отъ воспитанія, отъ настроенія, отъ усталости, отъ окружающей среды, отъ времени дня и т. д., у каждаго человѣка они до нѣкоторой степени иныя, однимъ словомъ, на первый взглядъ душевная жизнь представляетъ намъ прямо необозримое множество различій. Психологія должна прежде всего попытаться свести это множество явленій къ нѣкоторымъ основнымъ фактамъ и изучить основные процессы измѣненія этихъ фактовъ. Такъ же какъ химическій анализъ обнаруживаетъ, что всевозможныя вещества на землѣ представляютъ лишь закономѣрныя соединенія изъ нѣсколькихъ десятковъ основныхъ элементовъ, вступающихъ между собою въ сложныя химическія реакціи, такъ и психологическій анализъ долженъ сдѣлать то же съ многообразіемъ явленій душевныхъ. Въ частности, задача психологическаго анализа распадается на двѣ: на анализъ состава всевозможныхъ психическихъ *явленій* и анализъ всевозможныхъ психическихъ *процессовъ*. Анализъ состава психическихъ явленій состоитъ въ указаніи простѣйшихъ психиче-

скихъ состояній, изъ состава которыхъ возникаетъ данное сложное психическое явленіе. Въ этомъ отношеніи всѣ психическія состоянія раздѣляются обыкновенно на три разряда:

а) ощущенія, вызываемыя воздѣйствіями впечатлѣній на насъ, напримѣръ, ощущенія зрительныя, слуховыя, вкусовыя, двигательныя, осязательныя и др.;

б) представленія, т.-е. разнообразныя воспоминанія прошлыхъ ощущеній, являющіяся, такъ сказать, ихъ копіями;

в) душевныя эмоціи (эмоція — движеніе) или волненія, иначе называемыя чувствованіями, какъ-то: удовольствіе, страданіе, гнѣвъ, радость, удивленіе, любовь и т. п.

Изъ этихъ трехъ разрядовъ психическихъ явленій ощущенія прямо зависятъ отъ впечатлѣній, и потому должны считаться первичными. Могутъ быть, разумѣется, и сложныя ощущенія, напримѣръ, сложныя ощущенія вкуса, но они разлагаются тоже на ощущенія и дальнѣйшимъ образомъ неразложимы. Къ ощущеніямъ же, по современнымъ взглядамъ, должны быть отнесены и простѣйшія сознанія протяженія, времени, сходствъ и различій. Представленія, напротивъ, всѣ подлежатъ анализу, и именно надо показать, копіями какихъ ощущеній являются какъ сложныя, такъ и простыя представленія. Иногда такой анализъ бываетъ чрезвычайно сложнымъ и труднымъ. Наконецъ относительно эмоцій обыкновенно предполагается, что есть двѣ основныя, простыя эмоціи — удовольствіе и страданіе. Задача анализа всѣхъ прочихъ эмоцій сводится къ обнаруженію, какъ изъ этихъ простыхъ эмоцій при помощи различныхъ представленій могутъ образоваться сложныя.

Что касается анализа психическихъ *процессовъ*, то основными и элементарными (т.-е. простыми) процессами считаются въ настоящее время четыре: взаимное *угнетеніе* психическихъ явленій другъ другомъ, *ассоціація* представленій, *упражненіе* и *утомленіе* (нѣкоторые психологи, однако, признаютъ еще и другіе процессы тоже за элементарные, напримѣръ, такъ называемое *сліяніе* представленій). Психическія явленія, такъ сказать, мѣшаютъ другъ другу въ сознаніи даннаго индивидуума: мы не можемъ одновременно думать о разныхъ вещахъ, дѣлать сразу нѣсколько дѣлъ и т. д. Въ каждый данный моментъ въ нашемъ сознаніи господствуетъ лишь опредѣленная группа представленій или чувствованій, прочія же ею оттѣсняются на задній планъ, т.-е. *угнетаются*. Второй основной процессъ, ассоціація представленій, есть собственно общій законъ памяти: представленія чередуются въ нашемъ сознаніи не случайно, но вообще въ томъ порядкѣ, въ которомъ раньше мы имѣли соотвѣтственныя имъ

дѣйствительныя впечатлѣнія; иначе говоря, если, напримѣръ, мы одновременно или въ ближайшей временной послѣдовательности испытали впечатлѣнія *A* и *B*, то между соотвѣтственными имъ представленіями (воспоминаніями) *a* и *b* образуется какъ бы связь, т.-е. ассоціація такого рода, что *a* напоминаетъ намъ о *b*. Третій основной процессъ, *упражненіе*, состоитъ въ томъ, что всякая душевная дѣятельность становится тѣмъ быстрѣе и легче, чѣмъ чаще она повторялась. Наконецъ *утомленіемъ* называется тотъ процессъ, которымъ душа, такъ сказать, защищается отъ чрезмѣрныхъ и продолжительныхъ впечатлѣній: они оттого слабѣютъ и дѣлаются все менѣе замѣтными, пока за ними не послѣдуетъ достаточнаго отдыха. Изъ этихъ четырехъ основныхъ душевныхъ процессовъ возможно объяснить всѣ болѣе сложные, какъ-то: вниманіе, память, волю, размышленіе и проч. Такова основная задача психологіи: разложеніе сложныхъ психическихъ явленій и сложныхъ процессовъ на простыя. Разложеніе это производится въ нашемъ же сознаніи, если мы достаточно тонко умѣемъ наблюдать свои душевныя переживанія. Его полноту и правильность мы провѣряемъ тѣмъ, что сравниваемъ въ сознаніи сумму найденныхъ нами элементовъ съ даннымъ сложнымъ психическимъ фактомъ: если они вполнѣ совпадаютъ другъ съ другомъ, значитъ, анализъ (разложеніе) былъ правильнымъ, исчерпалъ все содержаніе анализируемаго нами сложнаго психическаго явленія или процесса.

Въ такомъ приблизительно видѣ выяснилась основная задача психологіи — психологическій анализъ — уже въ XVII вѣкѣ, т.-е. когда психологія впервые вступила на путь наблюденія и опыта и покончила со старымъ ученіемъ о способностяхъ души. Съ тѣхъ поръ, однако, особенно же въ XIX вѣкѣ, методы, а отчасти и задачи этой науки чрезвычайно расширились. Простой психологическій анализъ того, что мы находимъ черезъ самонаблюденіе въ нашемъ сознаніи, оказался слишкомъ узкимъ, результаты его слишкомъ неточными, и были выдвинуты новыя задачи и новые пріемы ихъ рѣшенія. Такъ, возникли: 1) экспериментальная, т.-е. опытная психологія, 2) физіологическая психологія, 3) біологическая психологія, 4) патологическая психологія, 5) педологическая психологія (дѣтскаго возраста) и 6) соціальная (общественная) психологія. Мы теперь, въ заключеніе, дадимъ краткую характеристику каждаго изъ этихъ, современныхъ намъ направленій психологической науки.

1) Экспериментъ въ психологіи. Экспериментомъ (опытомъ) называется такой научный пріемъ, при которомъ мы, не довольствуясь наблюденіемъ случайно встрѣчающихся явленій, сами

искусственно вызываемъ или создаемъ эти явленія. Напримѣръ, химикъ не только наблюдаетъ попадающіяся въ природѣ готовыя вещества, но самъ въ своихъ колбахъ и ретортахъ ихъ составляетъ и мѣняетъ по надобностямъ изслѣдованія, или физикъ, не ограничиваясь явленіями грозы въ природѣ, изобрѣтаетъ электрическую машину и производитъ электрическія явленія. Понятно, какое громадное преимущество представляетъ экспериментъ сравнительно съ простымъ наблюденіемъ: ученый можетъ произвольно измѣнять наблюдаемое явленіе и такимъ образомъ найти его существенныя особенности и причины, онъ можетъ произвести изучаемое явленіе сколько угодно разъ и въ то именно время, когда это ему нужно.

Психологія, начиная съ половины XIX вѣка, тоже стала все болѣе и болѣе пользоваться этимъ могущественнымъ научнымъ способомъ, и, можно сказать, что именно въ тѣхъ вопросахъ, къ которымъ удалось уже примѣнить психологическій опытъ, получились наиболѣе важныя открытія, такъ что справедливо назвать современную психологію именно прежде всего экспериментальною. Но, конечно, экспериментъ въ психологіи существенно отличается по пріемамъ отъ эксперимента, напримѣръ, въ химіи или физикѣ, такъ какъ въ ней (въ психологіи) наблюдатель и наблюдаемое обыкновенно совпадаютъ въ одной личности. Объяснимъ на одномъ простомъ примѣрѣ, въ чемъ состоитъ психологическій экспериментъ. Положимъ, мы желаемъ изучать процессъ забыванія. Мы могли бы при этомъ ограничиться собираніемъ случайныхъ фактовъ о томъ, какъ люди постепенно забываютъ прошлое; изъ разсмотрѣнія этихъ фактовъ мы могли бы, напримѣръ, сдѣлать выводъ, что чѣмъ болѣе прошло времени съ момента заучиванія, тѣмъ больше забыто. Но точнаго закона намъ при этомъ установить не удалось бы: для этого надо уже прибѣгнуть къ эксперименту слѣдующаго рода. Мы возьмемъ ряды, напримѣръ, изъ 13 одинаковыхъ и безсмысленныхъ слоговъ (пер, коп, наз, выт и т. под.) и выучимъ, во-первыхъ, одинъ изъ этихъ рядовъ до того, чтобы могли правильно повторить его наизустъ, и замѣтимъ, сколько разъ пришлось его для этого повторять. Затѣмъ ровно черезъ сутки, въ теченіе которыхъ часть выученныхъ слоговъ, конечно, забудется, вновь будемъ доучивать этотъ рядъ и замѣтимъ, сколько разъ для этого надобно было вновь его повторить. Очевидно, число это покажетъ, сколько за сутки забылось. Во-вторыхъ, сдѣлаемъ такой же опытъ (съ другимъ рядомъ) и съ промежуткомъ въ двое сутокъ, и опять опредѣлимъ, сколько, такимъ образомъ, забыто въ 48 часовъ. Далѣе сдѣлаемъ такіе же опыты съ промежуткомъ въ недѣлю, въ мѣ-

сяцъ (30 дней). Производя подобные эксперименты, психологъ Эббингаузъ нашелъ слѣдующія величины:

послѣ $^1/_3$ 1 9 24 2×24 7×24 31×24 часовъ
забыто 42% 56% 64% 67% 68% 75% 79% выученныхъ словъ.

Изъ этого видно не только то, что вообще съ теченіемъ времени увеличивается количество забытаго, но и *какъ* оно увеличивается со временемъ, именно сначала очень быстро, а затѣмъ все медленнѣе.

Въ настоящее время способовъ экспериментальнаго изученія разнообразныхъ душевныхъ явленій изобрѣтено огромное количество. Законы ощущеній, представленій, памяти, вниманія, привычки, утомленія, упражненія, эмоцій, волевыхъ движеній — все это можетъ быть экспериментально изучаемо помощью чрезвычайно остроумныхъ и тонкихъ пріемовъ. Основаны при университетахъ и другихъ учрежденіяхъ особыя *психологическія лабораторіи*, въ которыхъ производятся такія изслѣдованія всевозможныхъ душевныхъ явленій; цѣлый рядъ ученыхъ журналовъ спеціально посвященъ этимъ изслѣдованіямъ, необычайно обогатившимъ психологію. Въ этихъ лабораторіяхъ существуетъ множество спеціальныхъ аппаратовъ, облегчающихъ точное производство психологическихъ экспериментовъ. Эти аппараты, главнымъ образомъ, двухъ назначеній. Одни служатъ тому, чтобы давать изслѣдуемому лицу *точно опредѣленныя* впечатлѣнія (зрительныя, слуховыя, осязательныя, вкусовыя, эмоціональныя, напримѣръ, эстетическія и т. под.) и тѣмъ возбуждать въ немъ опредѣленныя душевныя состоянія. Другіе служатъ для точнаго наблюденія, отчасти и записыванья (или зарисовыванья) всѣхъ *выраженій*, которыми изучаемое лицо отвѣчаетъ на данныя ему впечатлѣнія — его движенія, рѣчь, измѣненія глазъ, измѣненія пульса, дыханія, силы кровяного давленія въ артеріяхъ и проч. и проч.

Изъ приведеннаго эксперимента относительно памяти мы видимъ, что экспериментальная психологія отличается, кромѣ указанныхъ, еще однимъ важнымъ преимуществомъ: численнымъ *измѣреніемъ* явленій. Это измѣреніе нынѣ возможно уже относительно многихъ душевныхъ явленій, и оно ставитъ психологію въ разрядъ точныхъ наукъ, не ограничивающихся только описаніемъ.

2) Физіологическая психологія. По мѣрѣ роста психологіи, физіологіи и медицины все яснѣе становилась зависимость душевныхъ явленій отъ нервной системы и въ частности отъ головного мозга. Въ настоящее время мы знаемъ, что нѣтъ такого душев-

наго явленія, которое не зависѣло бы отъ физіологическихъ причинъ въ нервной системѣ. Точное изученіе этихъ зависимостей и составляетъ содержаніе физіологической психологіи (объ этомъ см. подробнѣе въ статьѣ «Душа и мозгъ»).

3) Біологическая психологія. Не только человѣкъ, но и животныя (во всякомъ случаѣ, позвоночныя) имѣютъ сознаніе или душу. Постепенно расширяя кругъ своихъ наблюденій, новая психологія занялась изученіемъ и этой области, и такимъ образомъ стала слагаться *зоологическая психологія*. При этомъ выяснились не только совершенно новые факты, но расширились и основныя воззрѣнія науки: психическая жизнь оказалась важнымъ жизненнымъ приспособленіемъ всѣхъ животныхъ организмовъ, и обнаружилась возможность изучать ее въ ея общемъ развитіи или эволюціи. Жизнь каждаго животнаго организма, въ томъ числѣ и человѣческаго, есть постоянное взаимодѣйствіе съ окружающей его средою, въ которой онъ долженъ прежде всего искать пищи и избѣгать опасностей. Чѣмъ совершеннѣе исполняется эта задача, тѣмъ организмъ жизнеспособнѣе, болѣе выдержитъ борьбу за существованіе, и, слѣдовательно, скорѣе можетъ оставить свое потомство, которому передастъ свои полезныя для жизни особенности. На этой основѣ — борьбѣ за существованіе, переживаніи лучше организованныхъ и наслѣдственности и основано, какъ показалъ *Дарвинъ*, общая эволюція (развитіе) животныхъ видовъ отъ простѣйшихъ до самыхъ сложныхъ. Эта эволюція есть постепенное усложненіе организма полезными пріобрѣтеніями.

Среди этихъ приспособленій важное мѣсто занимаютъ душевныя явленія въ ихъ постепенномъ усложненіи. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія душевная жизнь есть съ одной стороны процессъ воспріятія измѣненій въ окружающей животнаго средѣ, съ другой — цѣлесообразное воздѣйствіе на эту среду, главнымъ образомъ черезъ движеніе, имѣющее цѣлью захватить добычу или удалиться отъ опасности. Развитіе съ одной стороны способовъ воспріятія измѣненій окружающей среды, съ другой — способовъ цѣлесообразнаго воздѣйствія на эту среду и составляетъ общую біологическую (жизненную) причину психическаго развитія. Ради именно этого возникли изъ первоначальной осязательной чувствительности высшіе органы чувства — зрѣнія и слуха, какъ дающіе животному возможность наблюдать отдаленное, а не только то, что уже соприкасается съ нимъ, и такимъ образомъ расширить сферу своего приспособленія въ *пространствѣ*. Такъ именно, далѣе, развились память и умъ, какъ способности приспособляться къ будущимъ явленіямъ, поскольку они подобны уже ранѣе испытаннымъ. Развитіе этого *предвидѣнія* и связаннаго съ

нимъ расширенія благоразумія, въ широкомъ смыслѣ слова, составляетъ главное содержаніе умственнаго прогресса не только у животнаго, но и у человѣка: достаточно въ этомъ отношеніи сравнить неразумнаго ребенка со взрослымъ или дикаря, который живетъ изо дня въ день, съ осѣдлымъ цивилизованнымъ земледѣльцемъ, предпринимающимъ работу, напримѣръ, осушенія болотъ или орошенія пустыни, которая принесетъ плоды лишь черезъ много лѣтъ.

4 и 5) Педологическая (относящаяся къ ребенку) и патологическая (относящаяся къ больному) психологія. Начавъ съ самонаблюденія, психологъ все дальше распространялъ кругъ своихъ наблюденій, благодаря чему не только исправлялась неизбѣжная ограниченность личнаго опыта и открывались вполнѣ новые факты въ психологіи, но расширялись и задачи. Такимъ важнымъ расширеніемъ явилось изученіе душевной жизни ребенка — педологическая психологія. То, что у взрослаго мы находимъ уже сложившимся, то у ребенка мы можемъ наблюдать въ процессѣ возникновенія, и изученіе этого развитія бросаетъ нерѣдко яркій свѣтъ на возникновеніе и ростъ душевной жизни у человѣка вообще. Какъ начинается и развивается рѣчь, какія первыя по времени происхожденія чувствованія, какъ, когда и въ какой формѣ происходятъ первыя разсужденія и отвлеченныя понятія, какъ развивается и изъ чего воля — таковы главныя задачи педологической психологіи, нынѣ слагающейся уже въ самостоятельную научную отрасль, на которой можно строить научную педагогію, т.-е. теорію воспитанія.

Изученіе душевныхъ болѣзней съ ихъ психологической стороны составляетъ содержаніе *патологической* психологіи. Это изученіе не только открываетъ намъ совершенно своеобразныя и новыя душевныя состоянія, но тоже дало важные результаты относительно пониманія самой нормальной (здоровой) душевной жизни; напримѣръ, изученіе болѣзней воли, памяти, болѣзненныхъ измѣненій чувствованій и самосознанія бросило яркій свѣтъ на составъ и развитіе этихъ фактовъ у здоровыхъ лицъ, и въ настоящее время ни одинъ психологъ не можетъ игнорировать этой области, также какъ обратно, для психіатра (врача по душевнымъ болѣзнямъ) важна общая психологія.

6) Общественная (соціальная) психологія. Вглядываясь глубже въ наши личныя убѣжденія, вкусы, мысли, чувствованія, мы убѣждаемся, что почти все ихъ содержаніе нами почерпнуто изъ общенія съ другими людьми, изъ подражанія имъ, изъ литературы и обученія: человѣческая душа, въ своемъ главномъ составѣ,—общественнаго или историческаго происхожденія, и если

бы человѣкъ жилъ одинъ и не имѣлъ бы, слѣдовательно, и рѣчи, врядъ ли онъ отличался бы многимъ отъ высшихъ изъ животныхъ. Изученіе происхожденія тѣхъ психическихъ фактовъ, которые произошли именно въ общественной средѣ, прежде всего языка, нравовъ и мнѣнія, и составляетъ содержаніе соціальной (общественной) психологіи. Для рѣшенія своихъ вопросовъ она можетъ пользоваться главнымъ образомъ двумя методами: сравнительнымъ и историческимъ: въ первомъ случаѣ сравниваются разные общественные союзы, стоящіе на одинаковомъ уровнѣ развитія, съ цѣлью опредѣлить, какія психическія явленія имъ свойственны; во второмъ — сравнивается тотъ же общественный союзъ на разныхъ ступеняхъ своего развитія, съ цѣлью опредѣлить, какъ измѣнились въ немъ общественно-психическія явленія вмѣстѣ съ измѣненіемъ и развитіемъ въ немъ общественнаго строя.

Такими представляются въ настоящее время задачи психологіи. Изъ сказаннаго видно, что эти задачи нынѣ быстро и широко растутъ, охватывая все новыя области и внося все болѣе точные методы, такъ что каждый отдѣльный психологъ нынѣ лишь съ большимъ трудомъ можетъ разобраться во всей массѣ этихъ фактовъ, методовъ и теорій: психологія, еще сравнительно недавно всецѣло сводившаяся къ самонаблюденію и простому психическому анализу, быстро выросла въ огромную научную область, соприкасающуюся съ анатоміей, физіологіей, медициной, зоологіей, педагогіей, исторіей, лингвистикой, соціологіей. Она готовится стать *общей основной наукой о душѣ*, или, точнѣе, о душевныхъ явленіяхъ какъ человѣка, такъ и животныхъ, какъ индивидуальнаго существа, такъ и общественнаго, какъ здороваго, такъ и больного, какъ взрослаго, такъ и ребенка.

2. Душа и мозгъ.

Въ статьѣ «Задачи психологіи» было указано, что однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ этой науки является выясненіе зависимости между душевными состояніями и процессами, съ одной стороны, и физіологическими явленіями въ мозгѣ — съ другой. Дѣйствительно, существованіе этой связи совершенно очевидно, и на нее указываетъ множество фактовъ. *Во-первыхъ*, ростъ и развитіе души находится въ явной связи съ величиной и развитіемъ мозга. Наибольшее развитіе душевной жизни находимъ мы у человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ же имѣетъ изъ всѣхъ животныхъ самый крупный мозгъ, конечно, если брать его *относительный* вѣсъ къ вѣсу всего тѣла.

Абсолютный вѣсъ мозга большихъ животныхъ, напр., кита, правда, больше мозга человѣка, но относительный несравненно меньше. Даже у высшихъ животныхъ, напр., человѣкообразныхъ обезьянъ, относительный вѣсъ мозга составляетъ всего $^1/_3$ человѣческаго, у крупныхъ собакъ, несмотря на все ихъ умственное развитіе, даже въ 8—10 разъ меньше, чѣмъ у человѣка. Равнымъ образомъ, въ *среднемъ*, и среди людей относительный вѣсъ мозга тѣмъ выше, чѣмъ выше умственное развитіе соотвѣтственной человѣческой расы [1]). Особенно замѣтна связь между высотой душевной жизни и развитіемъ большихъ полушарій мозга, въ частности ихъ внѣшней поверхности (такъ называемой *сѣрой корки* большихъ полушарій). *Во-вторыхъ*, зависимость души отъ мозга доказывается фактами душевныхъ болѣзней, которыя суть, въ сущности, болѣзни мозга. Напр., въ случаѣ, когда кости черепа плотно срастаются у ребенка слишкомъ рано, т.-е. пока мозгъ еще увеличивается, это ведетъ къ остановкѣ этого роста, слѣдствіемъ чего бываетъ *идіотизмъ*. Та душевная болѣзнь, которая называется прогрессивнымъ параличомъ умалишенныхъ и которая состоитъ въ совершенномъ и постепенномъ разрушеніи душевной жизни, зависитъ отъ воспаленія сѣрой корки полушарій и т. д. Правда, донынѣ далеко еще не во всѣхъ случаяхъ душевныхъ болѣзней открыты ихъ физическія причины, но это зависитъ отъ того, что эти болѣзненныя измѣненія не имѣютъ часто видимаго характера, и потому не могутъ быть открыты микроскопомъ при посмертномъ изслѣдованіи мозга. Но во всякомъ случаѣ, душевныя болѣзни показываютъ, что нѣтъ такой группы психическихъ явленій, которая не разрушалась бы при болѣзненномъ разрушеніи мозга: умъ, фантазія, всевозможныя чувствованія (любви, вражды, красоты и проч.), вниманіе, воля, — все это измѣняется при заболѣваніяхъ мозга. *Въ-третьихъ*, на зависимость душевной жизни отъ мозга ясно указываютъ всевозможные случаи временнаго отравленія тканей его разными веществами, напр., алкоголемъ, хлороформомъ, эѳиромъ, морфіемъ, коканномъ, спорыньею и мн. др. Вещества эти, проникая въ мозгъ, порождаютъ, какъ извѣстно, всевозможныя временныя измѣненія въ душевной жизни то въ видѣ сна и совершенной безчувственности, то разныхъ чрезвычайно типичныхъ душев-

[1]) Связь между развитіемъ и величиной мозга и душевной жизнью отчасти менѣе замѣтна вслѣдствіе того, что не одинъ вѣсъ его важенъ, но и тонкость строенія, отчасти же оттого, что не всѣ части мозга имѣютъ отношеніе къ душевной жизни, но многіе органы его завѣдуютъ движеніями, такъ что для установленія этого параллелизма надо брать лишь нѣкоторыя части мозга.

ныхъ состояній — возбужденія, успокоенія, галлюцинацій, измѣненій чувствованій, идей, воли, весьма схожихъ съ разными видами помѣшательства. Наконецъ, *въ-четвертыхъ*, укажемъ на факты постепеннаго роста и развитія мозга у дѣтей, ведущаго за собою и постепенный ростъ и развитіе ихъ душевной жизни, а также на явленія *сна*, періодически прерывающаго душевную нормальную жизнь и представляющаго особыя физіологическія (впрочемъ, еще мало извѣстныя намъ) явленія мозга [1]).

Всѣ эти факты, число которыхъ легко было бы увеличить, дѣлаютъ совершенно явною связь нашей души съ состояніями и измѣненіями мозга, и задачей физіологической психологіи является точно изучить, какіе душевные факты связаны съ какими физіологическими состояніями и какихъ именно частей мозга. Но въ этой статьѣ мы предполагаемъ главнымъ образомъ нѣсколько разъяснить одинъ *общій* вопросъ, именно, *какъ* должны мы представлять себѣ *вообще* эту связь. Мы не будемъ, однако, изслѣдовать здѣсь, въ чемъ состоитъ сущность души и тѣла, не составляютъ ли они въ своей основѣ чего-либо одного или, напротивъ, двухъ разныхъ сущностей, возможно ли познать эти сущности или нѣтъ и т. д. Психологія, и въ частности, физіологическая психологія, можетъ ограничиться *фактическимъ* изученіемъ отношеній между *явленіями*, именно физіологическими, съ одной стороны, и психическими явленіями—съ другой. При этомъ физическими или физіологическими явленіями мозга мы называемъ тѣ его состоянія, которыя доступны объективному изслѣдованію, т.-е. изслѣдованію каждаго, кто имѣетъ передъ собою это тѣло — мозгъ: его вѣсъ, температура, электрическія состоянія, химическія измѣненія, цвѣтъ, фигура и т. д. Подъ душевными же или психическими состояніями будемъ разумѣть субъективныя явленія, т.-е. тѣ, которыя, хотя бы и зависятъ отъ мозга, однако доступны сознанію *лишь даннаго индивидуума*, котораго мозгъ составляетъ нормальную часть его организма, *его мозгъ*. Въ этомъ смыслѣ каждый изъ насъ имѣетъ *свои* ощущенія, *свои* мысли, *свои* чувствованія, которыя прямо и непосредственно доступны только ему, другіе же люди могутъ лишь видѣть и слышать движенія его тѣла, его голосъ, крики и т. д.

Ограничивъ такъ нашу задачу — изслѣдованіемъ связи между явленіями психическими и физіологическими, мы можемъ сказать, что есть два взгляда, *двѣ общія теоріи*, различно понимающія связь души и мозга. Одну изъ нихъ можно назвать теоріей *взаимодѣйствія* души и тѣла, другую — теоріей *паралле-*

---

[1]) См. еще томъ V, стр. 365.

лизма ихъ. Согласно первой, какъ физическія явленія оказываются причинами психическихъ, такъ и психическія — причинами физическихъ, согласно же второй физическія явленія составляютъ цѣльный непрерывный рядъ, каждый членъ котораго обусловленъ предыдущимъ физическимъ же явленіемъ, а весь ихъ рядъ могъ бы существовать и мыслиться безъ всякихъ психическихъ явленій, эти же послѣднія не составляютъ своего цѣлаго и независимаго ряда и не объяснимы другъ изъ друга, но параллельно *нѣкоторымъ* членамъ физическаго протекаютъ *всѣ* члены ряда психическаго, являясь обусловленными первыми. Схематически можно это изобразить слѣдующимъ образомъ, если большими буквами изобразить физическія явленія, а малыми — психическія. По теоріи взаимодѣйствія уществуетъ одинъ общій рядъ или послѣдовательность явленій (физическихъ и психическихъ), напримѣръ:

A есть причина *B*, *B* — причина *C*, *C*—*D*, *D*—*E*, *E*—*F* и т. д. По теоріи же параллелизма есть два ряда явленій, одинъ цѣльный — физическій, другой прерывистый — психическій, члены котораго возникаютъ параллельно нѣкоторымъ членамъ физическаго ряда:

Физическій рядъ явленій: A—B—C—D—E—F и т. д.
Психическій рядъ явленій: b e и т. д. [1])

Эти двѣ теоріи суть въ дѣйствительности лишь гипотезы, и сказать, которая изъ нихъ окажется, въ концѣ-концовъ, болѣе соотвѣтствующей фактамъ, заранѣе нельзя: сами по себѣ обѣ онѣ возможны. Однако поставить ихъ на ряду все же нельзя: физіологическая психологія должна исходить нынѣ изъ гипотезы параллелизма и только въ томъ случаѣ, если окажется слишкомъ труднымъ или невозможнымъ объяснить ею всѣ факты, обратиться къ теоріи взаимодѣйствія. То, что въ душев-

[1]) Теорію параллелизма обыкновенно изображаютъ нѣсколько иначе, именно какъ параллелизмъ двухъ непрерывныхъ и самозаконныхъ рядовъ явленій, изъ которыхъ каждый членъ каждаго ряда имѣетъ причиной предыдущій членъ того же ряда. Тогда схема будетъ такова:

Физическій рядъ: A—B—C—D—E—F и т. д.
Психическій рядъ: k—l—m—n—o—p и т. д.

Такой видъ теорія параллелизма имѣетъ, напр., у *Спинозы*, въ наше время у *Фехнера*, *Паульсена*, даже *Эббингауза*. Однако въ такомъ случаѣ возникаетъ *панпсихизмъ: каждому* физическому явленію (по крайней мѣрѣ, мозга) должно быть соотвѣтственное психическое, что, очевидно, обращаетъ *рабочую гипотезу* параллелизма въ *метафизическую теорію*. Въ нашемъ изложеніи теорія параллелизма является, очевидно, отрицаніемъ самостоятельной причинности психическаго ряда, но *не матеріализмомъ*, если только разумѣть подъ послѣднимъ бо́льшую реальность физическаго ряда, сравнительно съ психическимъ. По-нашему, оба они равно феноменальны, матеріализмъ же есть метафизика.

ной жизни *можетъ* быть объяснено физіологическими причинами, должно быть объясняемо именно такимъ образомъ. Такое *предварительное* предпочтеніе теоріи параллелизма должно быть отдано потому, что 1) самостоятельные ряды физическихъ причинъ, независимые отъ душевныхъ явленій, наблюдаются повсюду, именно въ неорганической природѣ, 2) предположеніе существованія особыхъ именно духовныхъ причинъ въ органической природѣ, т.-е. въ растеніяхъ и животныхъ, до сихъ поръ всегда оказывалось, при ближайшемъ изслѣдованіи, ненужнымъ и лишнимъ, и прогрессъ физіологіи всегда состоялъ до сихъ поръ именно въ исключеніи такихъ причинъ, которыя, однако, въ старой наукѣ допускались въ большомъ числѣ (способности роста, сна, питанія и т. д.), и, наконецъ, 3) потому, что общій законъ сохраненія энергіи, примѣнимый ко всей физической природѣ, въ томъ числѣ и къ организмамъ, весьма трудно согласимъ съ допущеніемъ духовныхъ причинъ физическихъ явленій, т.-е. съ теоріей взаимодѣйствія.

Энергіей называется способность даннаго тѣла, данной машины производить механическую работу. Согласно закону сохраненія энергіи, эта способность не можетъ въ физическомъ мірѣ вообще (слѣдовательно, и въ организмахъ животныхъ и растительныхъ) количественно измѣняться, напр., увеличиваться, а только измѣняетъ свой видъ: энергія механическая переходитъ въ тепловую, или электрическую, или химическую, или обратно. Такъ что, если въ данномъ мѣстѣ возникаетъ, напримѣръ, механическая энергія (совершается данной машиною извѣстная механическая работа), то значитъ, соотвѣтственное количество такой же механической энергіи или какого-нибудь другого ея вида исчезло, употребилось въ другомъ мѣстѣ: то, что данная машина производитъ въ смыслѣ энергіи всякаго рода (отдача ею тепла, электричества, свѣта, механической работы), то самое (хотя бы въ видѣ другого сорта энергіи) она должна была получить раньше извнѣ. Если, напр., сложить всѣ виды энергіи, даваемой человѣческимъ тѣломъ въ видѣ выдѣленія тепла, механической работы и остатковъ химической энергіи, сохраняющейся во всѣхъ выдѣленіяхъ, то сумма получится совершенно равная той, которая составляется изъ энергій введенныхъ въ тѣло человѣка въ видѣ химическихъ энергій пищи и тепла, полученнаго извнѣ. Конечно, въ каждый короткій промежутокъ времени эти суммы вводимыхъ и выводимыхъ энергій могутъ не совпадать, такъ же, какъ локомотивъ можетъ двигаться между двумя станціями, не получая новаго запаса химической энергіи дровъ. Но это только потому, что такой запасъ

былъ данъ ему на станціи отправленія и употребляется имъ въ дѣло постепенно. Такъ и человѣческое тѣло можетъ временно сохранять энергію принятой ранѣе пищи, и изъ этого запаса производить всѣ свои движенія (т.-е. механическую работу) на счетъ этого, ранѣе полученнаго запаса энергіи. Однако въ болѣе продолжительный періодъ времени сумма отданныхъ и полученныхъ энергій все же должна оказаться равной, и дѣйствительно, точныя измѣренія (Рубнера, Альтфатера и др.) показали, что если сдѣлать этотъ подсчетъ за нѣсколько недѣль, то обнаружится развѣ самая ничтожная разница между принятой и произведенной энергіею, меньшая чѣмъ въ 1 %.

Вотъ этотъ-то великій законъ сохраненія энергіи врядъ ли можно согласовать съ теоріей взаимодѣйствія души и тѣла. Теорія эта обыкновенно излагается приблизительно такъ: внѣшнія физическія впечатлѣнія производятъ душевныя явленія — ощущенія; далѣе, эти ощущенія переходятъ въ другія психическія же явленія — представленія, мысли, чувствованія, и дѣло заканчивается психическимъ рѣшеніемъ воли, которая опять вызываетъ физическія движенія тѣла. Но въ такомъ случаѣ послѣдняя механическая работа представляла бы *созданіе новой энергіи*, еще не бывшей въ мірѣ, и, слѣдовательно, нарушала бы разсмотрѣнный нами законъ [1]).

Теорія параллелизма, правда, тоже представляетъ не малыя затрудненія. Важнѣйшимъ изъ нихъ является то, что изъ нея вытекаетъ, какъ необходимое ея слѣдствіе, весьма странный на первый взглядъ выводъ о *полномъ автоматизмѣ тѣла:* если теорія параллелизма вѣрна, то всѣ измѣненія въ нашемъ тѣлѣ, въ томъ числѣ и волевыя его движенія и рѣчь наша, обусловлены въ немъ вполнѣ механически, какъ въ автоматахъ, не зависятъ вовсе отъ нашего сознанія, такъ что если бы въ какой-нибудь данный моментъ это внутреннее сознаніе, душа, погасло, исчезло бы у даннаго индивидуума, этого никто изъ его окружающихъ ни въ чемъ не могъ бы замѣтить: автоматъ безъ

---

[1]) Сторонники теоріи воздѣйствія стараются избѣжать этого вывода разными дополнительными гипотезами, напр., допуская, что психическая жизнь представляетъ тоже своеобразную энергію, на ряду съ химической, механической и проч. Такъ что на происхожденіе ея затрачивается какая-нибудь физическая энергія, а душевная жизнь, приходя къ волевому рѣшенію, въ свою очередь, переходитъ обратно въ физическую энергію. Это, однако, едва ли допустимо, во-первыхъ, потому, что тогда надо бы указать механическій эквивалентъ душевной энергіи, помощью котораго было бы возможно ее измѣрять, чего, однако, до сихъ поръ никому не удалось; во-вторыхъ, указанныя психическія переходныя явленія—ощущеній, представленій, чувствованій и рѣшеній воли — въ свою очередь, вовсе не свободны отъ прямой обусловленности физіологическими процессами мозга, какъ это было уже указано выше.

сознанія продолжалъ бы такъ же ходить, дѣйствовать, говорить, двигать глазами, какъ раньше это дѣлалъ автоматъ съ сознаніемъ. Иначе говоря, никакихъ объективныхъ (доступныхъ наблюденію постороннихъ) признаковъ душевной жизни не существуетъ: мы *вѣримъ*, что другіе люди и животныя имѣютъ сознаніе, но точно доказать это не въ состояніи.

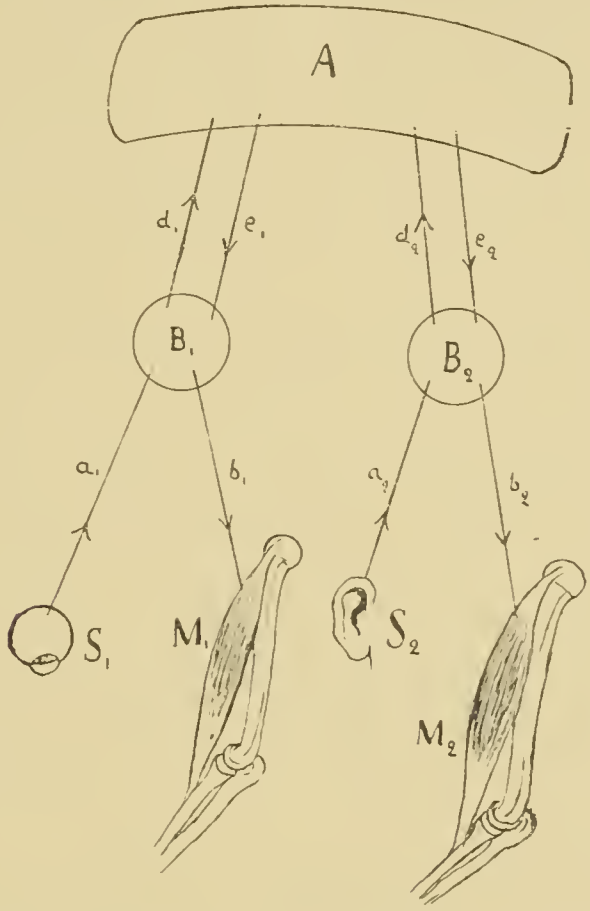
Этотъ выводъ о полномъ автоматизмѣ тѣлесныхъ движеній, хотя и можетъ казаться страннымъ, но однако все же допустимъ, да и странность его можетъ быть уменьшена при ближайшемъ изученіи. Противники теоріи автоматизма тѣла въ опроверженіе ея обыкновенно выставляютъ какой-нибудь примѣръ, особенно рѣзко, по ихъ мнѣнію, показывающій странность этой теоріи. Представимъ, говорятъ, напр., они, что мы получаемъ двѣ телеграммы, въ одной стоятъ слова: «ваша мать опасно заболѣла», а въ другой — какое-нибудь пустое поздравленіе съ именинами. Вторая не вызоветъ въ тѣлѣ никакого дѣйствія, первая же побудитъ къ совершенію сложныхъ, продолжительныхъ и огромныхъ движеній — поѣздки къ больной, ухаживанья за ней, безсонныхъ ночей и т. д. А между тѣмъ *физически* оба впечатлѣнія, т.-е. образы на сѣтчаткѣ глаза въ обоихъ случаяхъ крайне *малы* и *ничтожно различаются* физически другъ отъ друга. Однако надо на это отвѣтить слѣдующимъ образомъ. Если бы человѣкъ, какъ тѣло, состоялъ лишь изъ глаза и затѣмъ органовъ движенія, различіе было бы дѣйствительно незначительно, но у него есть еще физическій мозгъ, черезъ который проходитъ зрительное впечатлѣніе, и въ этомъ мозгѣ оно физически можетъ вызывать или не вызывать, смотря по направленію, которое приметъ нервный токъ — обширныя или, напротивъ, малыя, быстро затухающія превращенія заложенныхъ въ мозгѣ запасовъ энергіи. Малость внѣшняго толчка ничего не значитъ: одна искра можетъ взорвать, если она правильно приложена, пороховой погребъ. Одинаковость впечатлѣній здѣсь лишь кажущаяся: въ случаѣ первой телеграммы это впечатлѣніе направится на сложные пути въ мозгѣ, гдѣ заложены огромные запасы физической энергіи, соотвѣтствующія группамъ воспоминаній о матери, о любви къ ней, нашей жизни съ нею и т. д., во второмъ же вызываетъ ничтожные и слабые разряды въ мозгу, соотвѣтствующіе психически ничтожнымъ и слабымъ представленіямъ. Теорія автоматизма и параллелизма непремѣнно должна допускать, что физическое устройство мозга точно соотвѣтствуетъ характеру связанной съ нимъ психической жизни (параллельно ей); что это строеніе поэтому крайне сложно; что оно у каждаго зависитъ отъ его предыдущаго опыта жизни, оставляющаго въ

немъ особые слѣды или измѣненія; что въ этомъ смыслѣ у каждаго особый мозгъ, какъ своеобразна и психика каждаго.

Физіологическая психологія, исходя изъ теоріи параллелизма и автоматизма, обладаетъ въ настоящее время чрезвычайно остроумными гипотезами относительно физическаго механизма мозга, основанными на большомъ числѣ точно изученныхъ фактовъ. Въ нашемъ очеркѣ мы можемъ лишь бѣгло коснуться нѣкоторыхъ изъ этихъ гипотезъ и фактовъ.

Вся нервная система построена по одному типу: отъ внѣшнихъ органовъ чувствъ идутъ къ центральной нервной системѣ (спинному и головному мозгу) чувствующіе или приносящіе нервы, — если ихъ перерѣзать, животное теряетъ чувствительность соотвѣтствующаго органа чувства. Отъ мозга же идутъ къ органамъ движенія, т.-е. мышцамъ, двигательные или относящіе нервы: ихъ перерѣзъ производитъ неподвижность соотвѣтственной группы мышцъ — двигательный параличъ. Общій смыслъ всего этого строенія нервной системы состоитъ, очевидно, въ томъ, что животное, благодаря ей, можетъ отвѣчать дѣлесообразными для себя движеніями на разныя внѣшнія впечатлѣнія; эти движенія можно вообще назвать отраженными (рефлексами), ибо они вызываются нервнымъ токомъ, который, возникнувъ изъ органа чувства и переработанный (отраженный) мозгомъ, приводитъ въ сокращеніе извѣстныя мышцы. Эти рефлексы представляютъ *врожденные* механизмы въ нервной системѣ, которымъ животное и человѣкъ не учится, которые независимы отъ личнаго опыта его жизни и одинаковы для всякаго существа данной породы. Но, кромѣ этихъ врожденныхъ механизмовъ, въ высшихъ частяхъ нервной системы — полушаріяхъ головного мозга развиваются, подъ вліяніемъ индивидуальнаго опыта жизни существа, особые высшіе нервные механизмы, достигающіе у человѣка чрезвычайной величины и значенія. Они тоже построены по типу рефлексовъ, но отличаются отъ нихъ: 1) тѣмъ, что не прирождены, а развиваются индивидуальнымъ опытомъ жизни и 2) тѣмъ, что ихъ исходные пункты суть не прямо органы чувствъ и мышцы, а низшіе рефлекторные центры, такъ что они получаютъ отъ нихъ впечатлѣнія и ихъ возбуждаютъ къ дѣятельности. Можно поэтому сравнить эти высшіе центры съ высшимъ правительствомъ въ государствѣ, которое и свѣдѣнія получаетъ, и управляетъ дѣйствіями черезъ низшихъ агентовъ, систематизируя и регулируя ихъ функціи. Эти отношенія можно изобразить слѣдующимъ чертежомъ, въ которомъ A представляетъ нѣкоторый высшій мозговой центръ, B_1 и B_2 — два низшихъ рефлективныхъ, соединенныхъ чувстви-

тельными нервами (a_1, a_2) съ внѣшними органами чувствъ (S_1 и S_2) и двигательными нервами (b_1, b_2) съ мускулами (M_1, M_2). Высшіе нервные центры соединены съ низшими тоже двумя путями, изъ которыхъ одни (d_1, d_2) переносятъ впечатлѣнія отъ низшихъ центровъ къ высшимъ, другіе (e_1, e_2) передаютъ двигательные импульсы въ обратномъ направленіи — отъ высшихъ центровъ къ низшимъ. Благодаря этому существо, обладающее



лишь низшими рефлекторными центрами, отвѣчаетъ на впечатлѣнія S_1 движеніями M_1, и на впечатлѣнія S_2 движеніями M_2, существо же съ высшими центрами можетъ отвѣчать на впечатлѣнія S_1 и движеніями M_2 и на впечатлѣнія S_2 — движеніями M_1, если именно въ высшемъ центрѣ A есть сообщеніе между путемъ d_1 и e_2 и путемъ d_2 и e_1. Эти послѣднія сообщенія, однако, въ высшемъ центрѣ, называемыя ассоціаціонными путями, не прирождены, но развиваются въ мозгѣ лишь подъ вліяніемъ индивидуальнаго опыта жизни существа; именно, если существо *одновременно* испытываетъ впечатлѣнія и отъ S_1, и отъ S_2, то возникаютъ указанные ассоціаціонные пути. Для лучшаго пониманія возьмемъ какой-нибудь дѣйствительный примѣръ.

Пусть, напр., S_1 есть глазъ, S_2 — чувствительная поверхность пальцевъ руки, M_1 — мускулы, протягивающіе руку, M_2 — мускулы, оттягивающіе руку назадъ. Маленькій ребенокъ, когда онъ видитъ передъ собою свѣтъ свѣчи, рефлекторно протягиваетъ къ ней руку, такъ же невольно, какъ мы кашляемъ, когда дымъ попадаетъ намъ въ горло: это движеніе невольное и прирожденное. Обжегшись о свѣчу, ребенокъ такъ же рефлекторно оттянетъ руку, благодаря низшему центру B_2. Но если онъ не обладаетъ высшимъ мозговымъ центромъ A, этотъ его опытъ жизни не оставитъ въ его нервной системѣ никакого слѣда, ничему его не научитъ (какъ то и происходитъ, напр., у полнаго идіота): увидѣвъ свѣчу, онъ вновь протянетъ руку, вновь обожжется, вновь оттянетъ руку и т. д. безъ конца. Такое существо не имѣетъ никакой личной памяти, для него невозможно никакое обученіе опытомъ, никакое развитіе благоразумія или предусмотрительности. У животнаго, если вырѣзать въ его мозгѣ высшіе центры, развивается тоже такой полный идіотизмъ, т.-е. сохраняются лишь рефлексы. Но если ребенокъ обладаетъ высшимъ центромъ A, то разъ онъ испыталъ одновременно рядъ явленій: свѣтъ свѣчи, протягиваніе руки, обжогъ, оттягиваніе руки, у него въ этомъ высшемъ центрѣ остаются слѣды этого его личнаго опыта, въ видѣ образовавшихся ассоціаціонныхъ связей, такъ что, увидѣвъ *во второй* разъ свѣчу, онъ *вспомнитъ* обжогъ и оттягиваніе руки, и это поведетъ къ возбужденію отъ центра A по двигательному пути e_2, къ возбужденію центра B_2 и далѣе къ самому оттягиванію руки, т.-е. сокращенію мускуловъ M_2. Иначе говоря, хотя свѣтъ свѣчи побудитъ его протягивать опять руку, воспоминаніе о *прежнемъ* обжогѣ повлечетъ одновременно ея оттягиваніе, и если это послѣднее сильнѣе, рука вмѣсто схватыванія огня оттянется назадъ.

Итакъ, существо, обладающее высшими центрами, способно руководиться благоразуміемъ, т.-е. предвидѣніемъ будущихъ фактовъ, еще не наступившихъ, но вспоминаемыхъ по ассоціаціямъ изъ прежняго опыта. Такое существо имѣетъ *личный опытъ*, личное благоразуміе, личную память, личное предвидѣніе. Все важнѣйшее умственное развитіе человѣка состоитъ именно въ этомъ: въ расширеніи предвидѣнія все болѣе отдаленныхъ слѣдствій нашего поведенія и связанномъ съ тѣмъ увеличеніи нашего благоразумія. Такимъ образомъ физіологическая психологія разрѣшаетъ самую важную свою задачу: происхожденіе высшихъ нервныхъ механизмовъ, какъ приспособленій къ окружающей средѣ, развивающихся черезъ личный опытъ существа.

3. Ощущенія.

Психическая жизнь слагается изъ воспріятія впечатлѣній отъ внѣшняго міра, затѣмъ слѣдуетъ разнообразная душевная переработка этого содержанія и наконецъ, какъ результатъ, волевое движеніе, т.-е. опредѣленная работа органовъ движенія, воздѣйствующихъ цѣлесообразно на окружающую организмъ среду. Первая ступень въ этомъ рядѣ послѣдовательныхъ душевныхъ процессовъ, именно воспріятіе впечатлѣній отъ внѣшняго міра (и притомъ какъ отъ окружающей насъ природы, такъ и измѣненій въ нашемъ собственномъ тѣлѣ) и называется ощущеніемъ. Ощущеніе, значитъ, всегда предполагаетъ, что какой-нибудь внѣшній раздражитель оказываетъ впечатлѣніе на опредѣленный органъ чувства — глазъ, ухо, окончанія осязательныхъ нервовъ и т. п. Это впечатлѣніе вызываетъ въ окончаніяхъ чувствительныхъ нервовъ, заложенныхъ въ органахъ чувствъ, особый нервный процессъ, такъ называемое нервное раздраженіе, который затѣмъ быстро распространяется по чувственному нерву вплоть до мозга, въ частности до полушарій головного мозга: это *физическое* возбужденіе опредѣленныхъ частей полушарій по внѣшнему впечатлѣнію и вызываетъ въ нашей душѣ, нашемъ сознаніи тѣ особыя *психическія* состоянія, которыя именуются ощущеніями. (О томъ, какъ мы должны представлять себѣ эту связь физическаго нервнаго раздраженія съ душевнымъ состояніемъ см. статью «Душа и мозгъ».) Итакъ, процессъ ощущенія слагается изъ слѣдующаго ряда послѣдовательныхъ явленій:

а) Внѣшній раздражитель.

б) Его впечатлѣніе на органъ чувства.

в) Распространеніе этого впечатлѣнія въ видѣ нервнаго тока по чувственному нерву до мозга.

г) Распространеніе нервнаго тока по мозгу до опредѣленныхъ участковъ въ полушаріяхъ головного мозга.

д) Возникновеніе *психическаго* явленія: сознаваемаго ощущенія.

Мы скажемъ вкратцѣ о первыхъ четырехъ явленіяхъ (физическихъ), и затѣмъ остановимся нѣсколько подробнѣе на послѣднемъ пятомъ явленіи, собственно психическомъ.

Внѣшніе раздражители, которые могутъ вызывать въ разныхъ органахъ чувствъ нервныя раздраженія, весьма разнообразны, но ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: раздражители химическіе и раздражители механико-физическіе. Къ первымъ от-

носятся раздраженія вкусовыя и обонятельныя: для обоняніе летучія частицы пахучаго вещества должны попасть на чувствительную слизистую оболочку носа, для вкуса раздражитель долженъ раствориться въ слюнѣ полости рта и такимъ образомъ оказать какое-то химическое дѣйствіе на окончанія вкусового нерва. Всѣ остальныя раздражители второго рода. Такъ на чувствительную нервную оболочку глаза, т.-е. на ретину, оказываютъ (главнымъ образомъ) впечатлѣніе *колебательныя движенія* того невѣсомаго тѣла-эѳира, который физики считаютъ основой свѣтовыхъ и цвѣтовыхъ явленій. На окончанія слухового нерва въ ухѣ вліяютъ главнымъ образомъ тѣ колебательныя движенія воздуха и вообще вѣсомыхъ тѣлъ, которыя являются физической причиной звука. Впечатлѣнія тепла, дѣйствующія на кожу, тоже, по мнѣнію физиковъ, суть колебательныя движенія. Ощущенія осязанія причиняются механическимъ давленіемъ на кожу же.

Вообразимъ металлическій стержень, который можетъ быть приведенъ въ колебательное движеніе любой скорости какимъ-нибудь механизмомъ. Если бы этотъ стержень качался не болѣе 5—8 разъ въ одну секунду, мы могли бы чувствовать эти движенія осязаніемъ, именно въ видѣ ощущеній *сотрясенія*. Когда стержень сталъ бы дѣлать въ 1 секунду 16 колебаній, мы услышали бы ухомъ это движеніе, и именно въ видѣ очень низкаго тона. Чѣмъ чаще колебался бы этотъ стержень, тѣмъ тонъ становился бы выше, проходя послѣдовательно всѣ октавы. Затѣмъ, когда скорость движенія стала бы больше 40—50.000 колебаній въ секунду, наше ухо перестало бы уловлять звукъ. Однако это періодическое движеніе, при дальнѣйшемъ ускореніи его, вновь обнаружилось бы для насъ, и именно сначала въ видѣ тепловыхъ ощущеній, а затѣмъ, приблизительно при 400 бильонахъ колебаній въ секунду, стало бы оказывать раздражающее вліяніе на ретину глаза, и мы увидѣли бы красный цвѣтъ. При еще большемъ числѣ колебаній этотъ цвѣтъ мѣнялся бы въ оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и сталъ бы фіолетовымъ при 800 бильонахъ колебаній въ секунду. Еще болѣе скорыя колебанія явились бы незамѣтными для нашихъ органовъ чувствъ вообще [1]).

Изъ этого видно, что переживаемыя нами психически разныя качества ощущеній не изображаютъ свойствъ самихъ раздражителей ни химическихъ, ни физическихъ. Эти качества ощущеній, т.-е. запахи, вкусы, цвѣта, тоны, тепло и холодъ —

[1]) См. томъ I (Физика) и V (Физіологія, «Органы чувствъ»).

субъективны. Они суть лишь *значки* въ нашемъ сознаніи, соотвѣтствующіе опредѣленнымъ способомъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, однако вовсе на нихъ не похожіе [1]). Между качествами нашихъ ощущеній и соотвѣтственными имъ свойствами внѣшнихъ раздражителей столь же мало сходства, какъ между именами вещей и самыми вещами, хотя имена тоже соотвѣтствуютъ обозначаемымъ ими вещамъ.

Какимъ образомъ внѣшніе раздражители, физическіе и химическіе, производятъ впечатлѣніе въ разныхъ органахъ чувствъ, этотъ вопросъ мы оставимъ здѣсь въ сторонѣ, ибо онъ требуетъ подробныхъ поясненій анатомическихъ и физіологическихъ. Укажемъ только на то, что эти органы устроены въ высшей степени цѣлесообразно для воспріятія соотвѣтствующихъ впечатлѣній. Замѣчательны при этомъ два обстоятельства, именно: 1) органы чувствъ представляютъ крайне чувствительные воспріемники даже самыхъ слабыхъ внѣшнихъ раздраженій, и 2) они же способны воспринимать и весьма сильныя раздраженія, не подвергаясь порчѣ. Такъ, напр., ретина глаза разъ въ сто чувствительнѣе самыхъ чувствительныхъ фотографическихъ пластинокъ; на вкусъ мы еще чувствуемъ горькій вкусъ, когда къ водѣ прибавлено сѣрно-кислаго хинина въ количествѣ 0,0003% (3 десятитысячныхъ долей процента) вѣса воды; мы еще чувствуемъ запахъ, напримѣръ, меркаптана даже въ количествѣ 1/460.000.000 миллиграмма въ одной понюшкѣ. Съ другой стороны, органы чувствъ могутъ слѣдить за огромными увеличеніями раздраженій, давая все большія раздраженія, напр., ретина глаза можетъ слѣдить еще за свѣтомъ, который въ милліонъ разъ сильнѣе самаго слабаго, но уже ощущаемаго. Такою приспособленностью навѣрное не обладаетъ ни одинъ изъ искусственныхъ инструментовъ.

То впечатлѣніе, которое производится внѣшнимъ раздражителемъ на данный органъ чувства, затѣмъ переходитъ въ нервное раздраженіе въ чувствующемъ нервѣ, относящемъ это возбужденіе къ мозгу. Это нервное раздраженіе должно представлять себѣ въ видѣ своеобразнаго электрическаго состоянія нерва (хотя скорость его распространенія по нерву несравненно меньшая, чѣмъ распространенія электричества по проволокѣ).

---

[1]) Съ особой, высшей философской точки зрѣнія, открываемой въ «теоріи познанія», оказывается, правда, что и собственно физическія свойства, напр., движенія тѣлъ и самыя тѣла суть тоже явленія для нашего сознанія, и въ этомъ отношеніи нельзя провести безусловной границы между, напр., цвѣтами — красками и тонами, какъ субъективными качествами, и движеніями, какъ объективными. Но эти теоретико-познавательныя соображенія можно здѣсь оставить въ сторонѣ.

По силѣ этого нервнаго процесса мы можемъ судить о силѣ внѣшняго впечатлѣнія, значитъ, оно вообще увеличивается съ увеличеніемъ внѣшняго раздражителя, хотя и не просто пропорціонально (см. ниже).

Итакъ, изъ сказаннаго о физической сторонѣ ощущенія мы видимъ, что ощущенія суть результаты впечатлѣній, притекающихъ къ головному мозгу по чувствующимъ нервамъ, идущимъ отъ органовъ чувствъ. Головной мозгъ хорошо укрытъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній черепомъ и кожей; эти впечатлѣнія могутъ проникать до него только по опредѣленнымъ путямъ — чувствующимъ нервамъ. Нервные процессы, протекающіе въ этихъ нервахъ, всѣ одинаковы, идетъ ли этотъ нервъ отъ глаза или отъ уха или отъ какого-нибудь другого внѣшняго органа. Если, поэтому, впечатлѣніе отъ перваго является въ нашемъ сознаніи въ видѣ ощущенія свѣта, а второго — звука, то это зависитъ лишь отъ того, что зрительный нервъ подходитъ къ другому участку мозга, чѣмъ слуховой: качество нашихъ ощущеній, какъ явленій психическихъ, зависитъ не отъ свойствъ нервныхъ токовъ, а отъ *мѣста* мозга, къ которому они притекаютъ. Если бы можно было срастить мозговой конецъ зрительнаго нерва съ наружнымъ концомъ нерва, идущаго къ уху, мы, вѣроятно, *видѣли бы* звукъ. Внѣшніе же органы чувствъ устроены такъ, чтобы по преимуществу были пригодны улавливать соотвѣтственныя имъ впечатлѣнія: сѣтчатка глаза наилучше улавливаетъ колебанія эѳира, обонятельный органъ—летучія частицы пахнущихъ веществъ, ухо — опредѣленныя колебательныя движенія вѣсомыхъ тѣлъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію собственно психической стороны ощущеній, т.-е. къ тѣмъ явленіямъ въ нашемъ сознаніи, которыя возникаютъ въ немъ вслѣдъ за внѣшнимъ возбужденіемъ опредѣленнаго участка въ полушаріяхъ головного мозга. Эти психическія состоянія отличаются своею *непроизвольностью:* мы видимъ краски и свѣтъ или чувствуемъ запахи независимо отъ нашего произвола или желанія, но тогда, когда соотвѣтственный внѣшній органъ чувства подвергается опредѣленному раздраженію извнѣ. Поэтому ощущенія являются для насъ показателями измѣненій въ окружающей насъ средѣ; мы знаемъ ее постольку, поскольку получаемъ соотвѣтственныя впечатлѣнія, хотя, какъ сказано, эти ощущенія вовсе не похожи на физическія впечатлѣнія, а только являются соотвѣтственными имъ субъективными значками. То въ природѣ, что не вызываетъ въ насъ ощущеній, остается для насъ вообще неизвѣстнымъ. Такимъ образомъ, наше знаніе объ окружающемъ мірѣ всегда

остается 1) до нѣкоторой степени субъективнымъ, ибо качества ощущеній не похожи на внѣшнія явленія, и 2) сверхъ того, это знаніе ограничено предѣлами чувствительности нашихъ органовъ чувствъ. Для существа съ другими органами чувствъ или съ органами чувствъ болѣе тонкими или болѣе грубыми природа представлялась бы, несомнѣнно, существенно другою, чѣмъ для насъ. Для слѣпого міръ теменъ, для глухого — беззвученъ. Есть люди, которые видятъ только два цвѣта: желтый и синій, другіе же цвѣта ими ощущаются или какъ желтый, или какъ синій, или просто какъ сѣрый (такъ называемые дальтонисты): для нихъ природа имѣетъ, конечно, совсѣмъ иной видъ, чѣмъ для насъ.

Въ ощущеніяхъ, какъ психическихъ фактахъ, можно различать силу и качество. Сила ощущенія (напр., громкость звука, яркость свѣта, сила запаха и вкуса, тяжесть вѣса) зависитъ, конечно, отъ силы соотвѣтственнаго внѣшняго впечатлѣнія: сильному впечатлѣнію соотвѣтствуетъ сильное ощущеніе, слабому — слабое. Но точныя отношенія между тѣмъ и другимъ здѣсь сложнѣе, чѣмъ кажется на первый взглядъ.

Предположимъ, что мы взяли двѣ тяжести по одному фунту, и будемъ понемногу увеличивать вторую. Сначала эта разница нами вовсе не будетъ ощущаться, именно, если она слишкомъ мала. Но, прибавивъ ко второй тяжести 5 золотниковъ, мы замѣтимъ, что *на ощущеніе* второй вѣсъ сталъ *едва замѣтно* тяжелѣе перваго. Возьмемъ теперь двѣ тяжести, но не по фунту, а напр., по три фунта и станемъ тоже увеличивать вторую. Мы замѣтимъ, что прибавленіе, попрежнему, 5 золотниковъ еще не дѣлаетъ ихъ различными. Придется прибавить уже не 5, а 15 золотниковъ, чтобы вторая тяжесть стала едва замѣтно бо́льшей на ощущеніе, чѣмъ первая. Если бы мы взяли тяжести въ 4 ф., нужная прибавка оказалась бы въ 20 зол., при 5 ф. — 25 зол. и т. д. Иначе говоря, одинаковое, именно едва замѣтное приращеніе силы ощущенія происходитъ при вѣсѣ въ зависимости не просто отъ равныхъ прибавокъ къ тяжестямъ, но отъ *относительно равныхъ:* вѣсъ долженъ быть для этого всегда увеличенъ на $^1/_{17}$ своей величины (5 золотниковъ составляютъ приблизительно $^1/_{17}$ фунта, 10 зол. — $^1/_{17}$ двухъ фунтовъ и т. д.). Тоже найдено и относительно ощущеній свѣта: данный свѣтъ (напр., въ 100 свѣчей, въ 1.000 свѣчей и т. д.) долженъ быть увеличенъ на $^1/_{100}$ (т.-е. на одну свѣчу, на 10 свѣчей), чтобы получился свѣтъ едва замѣтно болѣе яркій, чѣмъ первый. Для силы звука эта величина равна $^1/_4$. Эти дроби: $^1/_{17}$ для ощущеній вѣса, $^1/_{100}$ для свѣта, $^1/_4$ для звука — показываютъ степень

точности нашей *оцѣнки разницъ впечатлѣній:* чѣмъ эта дробь меньше, тѣмъ, значитъ, тоньше, наша чувствительность къ разницамъ для даннаго рода впечатлѣній.

То же надо сказать не только о едва замѣтныхъ разницахъ въ силѣ ощущеній, но и о всякихъ ихъ различіяхъ. Напр., если мы къ свѣту въ 100 свѣчей прибавимъ 25 свѣчей, то получимъ такое же приращеніе яркости, какъ прибавивъ къ 4 свѣчамъ одну (100 : 25 = 4 : 1). Этотъ общій фактъ относительно измѣненія силы ощущеній въ ея зависимости отъ измѣненія силы раздражителя носитъ названіе *закона Вебера,* по имени открывшаго его ученаго. Этимъ закономъ объясняется много общеизвѣстныхъ изъ общежитія фактовъ. Согласно этому закону отношеніе ощущеній остается такимъ же, если оба раздраженія увеличатся или уменьшатся въ одно число разъ. Дѣйствительно, картина сохраняетъ для насъ ту же гармонію свѣта и тѣни, разсматриваемъ ли мы ее днемъ, при яркомъ освѣщеніи или вечеромъ, при слабомъ свѣтѣ лампы. Равнымъ образомъ, музыка сохраняетъ свою мелодію, слышимъ ли мы ее близко или издали, хотя абсолютная сила звуковъ, можетъ-быть, уменьшилась въ сотни разъ. Согласно закону Вебера, прибавка одного и того же раздражителя можетъ весьма увеличить ощущеніе или, напротивъ, крайне мало, смотря потому, къ малому ли первоначальному раздражителю она прибавляется или къ большому. Напр., слабый звукъ тиканья часовъ мы хорошо слышимъ ночью, когда мало звуковъ, но онъ «заглушается» днемъ: конечно, онъ и днемъ въ дѣйствительности таковъ же, какъ и ночью, но днемъ онъ присоединяется къ большому обыкновенному дневному шуму. Такъ же въ катящемся вагонѣ желѣзной дороги мы часто едва слышимъ даже голосъ нашего собесѣдника. Этимъ же объясняется то, что днемъ мы не видимъ звѣздъ: онѣ, конечно, такъ же свѣтятъ, какъ и ночью, но днемъ прибавка ихъ свѣта къ яркому фону небеснаго свода слишкомъ мала (менѣе $^1/_{100}$), чтобы мы могли замѣтить это различіе. Темное пятно на темной матеріи меньше замѣтно, чѣмъ на свѣтлой и т. д.

Отъ силы ощущеній надо отличать ихъ *качества.* Такъ разныя качества зрительныхъ ощущеній суть, напр., разныя краски, звуковыя качества суть, напр., разные тоны, вкусовыя— кислый, горькій, сладкій и соленый вкусы и т. д. Этихъ качествъ громадное множество, хотя надо различать здѣсь между основными, элементарными и, напротивъ, сложными. Какія качества ощущеній основныя, отъ какихъ свойствъ раздражителей они зависятъ, и какъ изъ нихъ слагаются сложныя ощущенія, этотъ

интересный, но трудный вопросъ мы здѣсь не станемъ разбирать. Интересующіеся могутъ познакомиться съ нимъ, напр., изъ книги Макъ-Кендрика и Снодграса «Физіологія органовъ чувствъ» (изданіе московской «Библіотеки для Самообразованія»). Но зато мы, въ заключеніе, скажемъ о нѣкоторыхъ ощущеніяхъ, существованіе и самостоятельность которыхъ открыты сравнительно недавно наукою.

Издавна ощущенія дѣлились на пять классовъ по органамъ чувствъ: зрительныя ощущенія *глаза*, слуховыя — *уха*, вкусовыя — *языка*, обонятельныя — *носа* и осязательныя — *кожи*. Теперь однако извѣстно, что этотъ перечень далеко не полонъ. Есть еще общія или органическія ощущенія, ощущенія движенія, ощущенія полукружныхъ каналовъ уха, и особыя ощущенія кожи, кромѣ осязательныхъ.

1) Общія или органическія ощущенія. Мы узнаемъ о состояніяхъ нашего тѣла и о дѣятельности отдѣльныхъ органовъ его тоже по ощущеніямъ. Таковы, напр., ощущенія *голода*, вызываемыя особымъ состояніемъ органовъ питанія — желудка, кишекъ, ощущенія *жажды* въ зависимости отъ сухости гортани и общаго недостатка воды въ организмѣ, разнообразныя ощущенія, связанныя съ дыханіемъ, — удушье, ощущенія половыхъ органовъ и проч. Всѣ эти ощущенія имѣютъ огромное жизненное значеніе: они даютъ намъ знать о состояніяхъ и потребностяхъ нашего организма. Въ совокупности они составляютъ сложное и трудно анализируемое общее *физическое самочувствіе* человѣка.

2) Ощущенія органовъ движенія тѣла. Это чрезвычайно важная группа ощущеній. Жизнь организма состоитъ въ томъ, что на внѣшнія впечатлѣнія онъ реагируетъ цѣлесообразными движеніями, т.-е. систематическими сокращеніями мышцъ, передвигающихъ конечности, туловище, голову, поворачивающихъ глаза и проч. Эти движенія животное (и человѣкъ) должно чувствовать по мѣрѣ ихъ исполненія, ибо только такимъ образомъ онъ научается слѣдить за ними и ихъ сознательно направлять. Ощущать свои движенія возможно только потому, что отъ нашихъ органовъ движенія исходятъ чувственные нервы, приносящіе мозгу впечатлѣнія тѣхъ перемѣнъ, которыя происходятъ въ этихъ органахъ (при движеніи). Составъ этихъ ощущеній, помощью которыхъ мы узнаемъ о нашихъ движеніяхъ, весьма сложенъ. Это частью ощущенія кожи (осязательныя), которая соприкасается при движеніяхъ съ внѣшними тѣлами, или если движеніе происходитъ въ пустотѣ, то, по крайней мѣрѣ, своеобразно натягивается или даетъ складки; частью

это ощущенія, исходящія отъ чувственныхъ органовъ заложенныхъ въ сухожиліяхъ, которыми мышцы прикрѣпляются къ костямъ: съ сокращеніемъ мышцы натягиваются и сухожилія; частью, наконецъ, это ощущенія тренія и давленія костей въ сочлененіяхъ: въ этихъ сочлененіяхъ, въ надкостной плевѣ, покрывающей кости, заложены тоже окончанія чувствительныхъ первовъ.

3) Ощущенія полукружныхъ каналовъ уха или статическое чувство. Ухо есть не только органъ слуха, но и другого чувства. Именно во внутренней его части есть особые три тонкихъ канала, наполненныхъ жидкостью и расположенныхъ одинъ въ горизонтальной плоскости и два другихъ — въ вертикальныхъ, но перпендикулярныхъ другъ къ другу. Въ этихъ такъ называемыхъ полукружныхъ каналахъ расположены ряды волосковъ, примыкающихъ къ особому нерву. Каждый поворотъ головы ведетъ къ тому, что волоски эти отклоняются жидкостью и, такимъ образомъ, нервъ раздражается. Кромѣ того, въ связи съ этими полукружными каналами находятся еще два мѣшочка, тоже наполненныхъ жидкостью, и въ которыхъ на окончаніяхъ того же нерва лежатъ свободно известковые кристаллики: движеніе головы впередъ, назадъ, вбокъ ведетъ къ тому, что кристаллики эти слегка скользятъ и тоже раздражаютъ нервъ. Это раздраженіе мы чувствуемъ при поворотѣ или передвиженіи всего нашего тѣла, въ случаяхъ же болѣзненныхъ, какъ особое головокруженіе. Если у животнаго, напр., голубя, разрушить полукружные каналы, онъ теряетъ способность правильно оріентироваться въ пространствѣ, перекувыркивается при полетѣ и т. п.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о разныхъ родахъ ощущеній и о строеніи органовъ чувствъ читатель можетъ найти, напр., въ упомянутой уже книжкѣ Макъ-Кендрика и Снодграса «Физіологія органовъ чувствъ».

4. Представленія и перцепціи.

Ощущенія далеко не исчерпываютъ всего содержанія нашей душевной жизни. На ряду съ впечатлѣніями отъ окружающей насъ дѣйствительности мы находимъ въ сознаніи какіе-то образы и воспоминанія о прошломъ. Эти образы называются обыкновенно въ психологіи представленіями. Легко понять огромное значеніе этого факта: благодаря представленіямъ прошлый опытъ не исчезаетъ въ нашей душѣ, какъ онъ исчезъ въ дѣйствительности, мы имъ пользуемся, представляемъ его себѣ. Представленія осво-

бождаютъ наше сознаніе отъ исключительнаго господства окружающей насъ въ данный моментъ дѣйствительности, и чѣмъ выше умственное развитіе, тѣмъ вообще бо́льшую роль играютъ представленія, тѣмъ свободнѣе наше сознаніе. Благодаря этой удивительной способности сохранять въ себѣ прежній опытъ, душа является микрокозмомъ, «малой вселенной», (микрос — по-гречески — малый, космос — міръ) и душа каждаго существа отлична отъ другихъ, хотя бы окружающая ихъ дѣйствительность была въ это время одинакова, каждая несетъ въ себѣ богатство воспоминаній *своего* прежняго опыта.

Представленія въ своихъ элементахъ, т.-е. простѣйшихъ составныхъ частяхъ, суть всегда воспоминанія, т.-е. копіи или слѣды прежнихъ ощущеній. Мы въ состояніи, правда, сопоставлять, соединять эти элементарныя представленія въ новыя группы, въ каковыхъ мы не встрѣчали ощущеній (фантазія), однако это ограничивается именно *новыми сопоставленіями* элементарныхъ представленій, создать же фантазіей новыя элементарныя представленія совершенно невозможно: слѣпорожденный, никогда не видѣвшій красокъ, не можетъ ихъ и представить, такъ же, какъ глухой отъ рожденія — звуковъ.

Хотя представленія суть копіи или слѣды отъ прежнихъ дѣйствительныхъ впечатлѣній, они, однако, несмотря на сходство съ ними, существенно и отличаются отъ ощущеній. Во-первыхъ, представленія несравненно блѣдиѣе, слабѣе ощущеній: представляемый солнечный лучъ не ослѣпляетъ насъ и не грѣетъ такъ, какъ ощущаемый. Впрочемъ, иногда представленія кажутся намъ реальными. Напримѣръ, это бываетъ въ сновидѣніяхъ, которыя въ значительной степени суть именно воспоминанія прошлаго: не имѣя возможности сравнить ихъ съ дѣйствительными ощущеніями и тѣмъ убѣдиться въ ихъ мнимости и слабости, мы вѣримъ этимъ сновидѣніямъ во снѣ. Представленія кажутся намъ почти дѣйствительно существующими, реальными и тогда, когда прямо вызываются ощущеніями: намъ кажется, что мы видимъ тѣлесность предметовъ, ихъ вѣсъ, когда просто смотримъ на нихъ; намъ чувствуется кислый вкусъ лимона при одномъ взглядѣ на него и т. д. Это объясняется очень тѣсной и привычной связью этихъ представленій съ этими ощущеніями, подобно тому, какъ намъ кажется, что мы непосредственно понимаемъ рѣчь другого, хотя въ дѣйствительности слышимъ лишь ея звуки, вызывающіе въ насъ привычныя наши воспоминанія. Во-вторыхъ, представленія отличаются вообще отъ ощущеній сравнительною бѣдностью содержанія. Какъ бы хороша ни была наша память, все же въ ея образахъ содержится лишь малое

число признаковъ, сравнительно съ тѣмъ, что можетъ быть въ дѣйствительности наблюдаемо. Отъ этого зависитъ то, что въ представленіяхъ для насъ сливаются въ одинъ образъ многія сходныя впечатлѣнія, и эти слитныя изъ многихъ представленія образуютъ затѣмъ то, что называется общими представленіями [1]). Наконецъ, въ-третьихъ, представленія отличаются отъ ощущеній меньшей стойкостью и постоянствомъ. Они, по разнымъ субъективнымъ причинамъ, вѣчно мѣняются, то возникаютъ въ сознаніи, то исчезаютъ. О причинахъ появленія представленій см. статью «Ассоціація представленій и память».

Весьма замѣчательнымъ явленіемъ въ области представленій оказывается то, что одна какая-нибудь часть сложнаго представленія можетъ *замѣщать* для насъ все представленіе, будучи его, такъ сказать, временнымъ значкомъ. Напримѣръ, представляя себѣ фигуру знакомаго, мы обыкновенно ограничиваемся лишь нѣсколькими наиболѣе выдающимися ея чертами, такъ сказать, эскизомъ или контуромъ. Въ случаѣ нужды этотъ эскизъ мы можемъ пополнить и другими чертами, остановившись хорошенько на воспоминаніи, но обыкновенно этого не требуется, и мы довольствуемся въ нашихъ представленіяхъ одной, двумя чертами. Особенно важнымъ для развитія мышленія такимъ замѣстителемъ сложнаго полнаго представленія является его имя, т.-е. слово. Когда я говорю «Петербургъ находится при устьѣ Невы», я довольствуюсь этими словами для пониманія фразы или, можетъ-быть, только едва-едва представляю себѣ отдѣльныя подробности Петербурга, Невы, устья, рѣки. Если, однако, нужно, я могъ бы при словѣ «Петербургъ» вспомнить видъ его улицъ, площадей, памятниковъ и т. п., и далѣе, относительно нѣкоторыхъ улицъ ихъ дома, и относительно нѣкоторыхъ домовъ, можетъ-быть, ихъ разныя особенности и т. д. Такимъ образомъ, слово является крайне *упрощеннымъ замѣстителемъ* огромнаго числа прежнихъ впечатлѣній. Это дѣлаетъ наше мышленіе въ словахъ особенно скорымъ, особенно легкимъ, т.-е. составляетъ условіе умственнаго прогресса. Въ словахъ, въ рѣчи мы носимъ съ собою и передаемъ другъ другу громадный и тяжелый міръ дѣйствительности и разнообразнаго опыта, но въ видѣ самомъ удобномъ, упрощенномъ, въ видѣ систематическихъ замѣстителей. Но для того, чтобы слово было дѣйствительно замѣстителемъ представленій, каждый долженъ, однако, въ свое время пережить соотвѣтственное содержаніе на опытѣ или въ ощу-

---

[1]) Въ этомъ, впрочемъ, играютъ роль и слова. Вообще процессъ образованія общихъ представленій весьма сложенъ и до сихъ поръ не вполнѣ еще разъясненъ въ наукѣ.

щеніяхъ: безъ этого слова будутъ пустыми звуками. Этимъ объясняется необходимость сначала нагляднаго, реальнаго обученія ребенка, вещамъ, а не словамъ.

Характеръ представленій у разныхъ лицъ весьма различенъ, и прежде всего весьма различна яркость представленій. Англійскій ученый Гальтонъ обратился ко многимъ лицамъ съ просьбой сообщить ему, насколько ярко рисуются имъ въ представленіяхъ предметы, хорошо извѣстные, напр., обѣденный столъ. Полученные отвѣты обнаружили крайнее разнообразіе. Одни, закрывъ глаза, могутъ вызвать полную картину видѣннаго: формы, краски, число предметовъ, — все живо представляется почти какъ въ дѣйствительности. Другіе, напротивъ, такъ смутно, неясно воображаютъ, что даже не могутъ въ точности сказать, что собственно они представляютъ; все рисуется какъ бы въ туманѣ и бѣгло. Замѣчательно, что это отсутствіе живыхъ зрительныхъ представленій вовсе не зависитъ отъ плохого зрѣнія. Кажется, чувственныя представленія ярче у дѣтей, чѣмъ у взрослыхъ, у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, у нѣкоторыхъ народовъ болѣе, чѣмъ у другихъ. Отвлеченныя умственныя занятія ведутъ часто къ тому, что чувственныя представленія блѣднѣютъ и замѣняются вообще словесными знаками.

Кромѣ различій людей по яркости ихъ чувственныхъ представленій, надо еще отмѣтить существованіе другихъ индивидуальныхъ типовъ,—именно встрѣчаются лица, у которыхъ преобладаетъ какой-нибудь родъ представленій, напримѣръ, зрительный или слуховой или двигательный. Первый типъ нерѣдко встрѣчается между живописцами, иногда естествоиспытателями и характеризуется именно тѣмъ, что все вспоминается въ формѣ зрительной: въ формѣ фигуръ, контуровъ, красокъ, прочія же представленія сравнительно слабы: слова представляются въ видѣ печатныхъ или письменныхъ. У второго типа существуютъ и господствуютъ главнымъ образомъ слуховыя представленія: слова, напр., какъ бы звучатъ у нихъ въ ушахъ. Нерѣдко съ этимъ соединяется огромная музыкальная память. Напримѣръ, Моцартъ, прослушавъ два раза церковную музыку *Miserere* Сикстинской капеллы, записалъ ее цѣликомъ на память; Бетховенъ сочинялъ свою музыку гуляя, и только потомъ ее записывалъ, уже вполнѣ готовую.

Извѣстны два счетчика—Иноди и Діамандиди, производящіе «въ умѣ» громадныя ариѳметическія дѣйствія. У обоихъ ихъ способность зависитъ отъ удивительно яркихъ и точныхъ представленій, но Діамандиди «видитъ въ умѣ» ряды чиселъ такъ же,

какъ мы на бумагѣ, у Иноди же — слуховая память: онъ слышитъ въ памяти названія чиселъ.

Наконецъ, нерѣдко встрѣчаются лица, господствующія представленія которыхъ имѣютъ двигательный характеръ, т.-е. воспоминанія ихъ начинаются съ представленія о разныхъ движеніяхъ, напримѣръ, движеній рукъ, ногъ и особенно движеній рѣчи. Принадлежащій къ этому типу проф. Штрикеръ говоритъ, что его воспоминанія о движеніяхъ предметовъ всегда сопровождаются у него опредѣленными мускульными ощущеніями въ тѣхъ же частяхъ тѣла, которыя употребляются для этого движенія: воспоминаніе о марширующемъ строѣ солдатъ вызываетъ слабыя мускульныя ощущенія въ собственныхъ ногахъ; воспоминаніе о извѣстной музыкальной мелодіи—напѣваніе «про себя» этой мелодіи и т. д. Иногда наблюдались перемѣны въ типѣ представленій. Д-ръ Шарко описалъ нервную болѣзнь одного купца, который обладалъ сначала превосходною *зрительною* памятью, такъ что въ дѣтствѣ, отвѣчая уроки, какъ бы читалъ «въ умѣ» изъ книги строки, одну за другой; могъ нарисовать по воспоминанію видѣнную разъ мѣстность; желая вспомнить какой-нибудь разговоръ, всегда припоминалъ его обстановку, лицо собесѣдника и т. д. Но затѣмъ, вслѣдствіе нервной болѣзни, эти зрительныя представленія вполнѣ у него исчезли до такой степени, что онъ даже не узнавалъ съ виду знакомыхъ и родныхъ, не могъ найти дороги въ хорошо знакомомъ ему городѣ и т. под. Вслѣдствіе этого онъ обратилъ свое вниманіе на слуховыя представленія и сумѣлъ развить ихъ такъ, что они вполнѣ замѣнили для него исчезнувшую зрительную память.

Впрочемъ, вообще исключительные типы представленій встрѣчаются не часто. Обыкновенно же люди имѣютъ разнаго рода представленія, въ частности, относительно физическихъ вещей — зрительныя, относительно словъ — двигательно-слуховыя.

Соотвѣтствуетъ ли нашимъ представленіямъ какая-нибудь анатомическая основа въ мозгѣ? Это болѣе, чѣмъ правдоподобно. По всей вѣроятности, ощущенія оставляютъ въ полушаріяхъ большого мозга нѣкоторые слѣды, и сохраненіе этихъ физическихъ слѣдовъ въ ткани мозга и есть физическая основа представленій. Въ чемъ состоятъ эти слѣды фактически, однако, совершенно до сихъ поръ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ нельзя представлять себѣ ихъ какъ какіе-нибудь отпечатки, въ родѣ слѣпковъ, заложенныхъ каждое въ отдѣльной нервной клѣточкѣ мозга. Психическія явленія обусловлены прежде всего не столько анатомическими особенностями мозга, сколько его физіологическими процессами, т.-е. нервными токами. И представленіямъ должны соотвѣтствовать та-

кія же нервныя раздраженія. Съ этой точки зрѣнія слѣды бывшихъ ощущеній лучше всего мыслить наподобіе *функціональныхъ предрасположеній* въ тканяхъ мозга. Такъ же, какъ, напримѣръ, слизистая оболочка горла, подвергшись разъ воспаленію, дѣлается болѣе чувствительной къ новому заболѣванію, или, пожалуй, такъ же, какъ бумага, разъ согнутая по извѣстной линіи, складывается опять также, т.-е. по линіямъ наименьшаго сопротивленія, или такъ же, какъ ручей воды направляется вновь на уже пробитое раньше русло, такъ и нервные токи въ мозгѣ, вызывающіе представленія, распространяются по проложеннымъ уже ранѣе ощущеніями путямъ.

Перцепціи. Изъ нашихъ ощущеній (см. статью о нихъ) и представленій слагается все наше знаніе о всѣхъ вещахъ и явленіяхъ природы. Положимъ, что передъ нами находится какой-нибудь предметъ, напримѣръ, кусокъ сахара. Смотря на него, мы получаемъ, во-первыхъ, рядъ зрительныхъ ощущеній бѣлаго цвѣта; мы, однако, видимъ, собственно говоря, лишь бѣлое плоское пятно: то, что это предметъ тѣлесный, т.-е. имѣетъ и другія стороны, мы изъ ощущенія не узнаемъ; не даетъ намъ само зрительное ощущеніе и знанія о внутреннемъ содержаніи этого предмета, ни того, что этотъ кусокъ сахару имѣетъ вѣсъ и сладкій вкусъ. Все это мы *восполняемъ* изъ нашихъ воспоминаній, т.-е. представленій. Такимъ образомъ, цѣльное знаніе о вещи есть всегда сумма изъ нѣкоторыхъ наличныхъ ощущеній и цѣлой системы вызванныхъ этими ощущеніями воспоминаній. Данныя ощущенія вызываютъ именно эти воспоминанія, потому что когда-нибудь въ прошломъ опытѣ всѣ эти свойства испытывались нами совмѣстно, т.-е. между этими психическими состояніями образовалась особая связь, называемая ассоціаціей (о ней см. статью «Память и ассоціація представленій»): если бы въ нашемъ прежнемъ опытѣ мы никогда не пробовали сахара на языкъ, конечно, и видъ его не вызвалъ бы соотвѣтственнаго воспоминанія. Такое сложное психическое явленіе, состоящее частью изъ наличныхъ ощущеній, частью изъ вызванныхъ ими по ассоціаціи представленій, называется въ психологіи *перцепціей* (латинское perceptio значитъ *воспріятіе*) вещи: всякое воспріятіе реальной вещи есть такая перцепція. Чѣмъ больше нашъ прежній опытъ, тѣмъ сложнѣе такая перцепція, тѣмъ больше представленій (воспоминаній) она заключаетъ. Вещь совершенно новая для насъ была бы только ощущаема. Впрочемъ, такихъ совсѣмъ новыхъ вещей для взрослаго нѣтъ: онѣ существуютъ развѣ для самыхъ малыхъ дѣтей. Если, напримѣръ, мы видимъ совершенно незнакомое животное или растеніе, все же мы узнаемъ въ немъ тѣлесный пред-

метъ, имѣющій отчасти уже знакомые признаки, и поэтому сразу перцепируемъ и невидимые признаки, напримѣръ, вѣсъ, сопротивленіе и др.

Итакъ, въ перцепціи данное ощущаемое дополняется *отъ насъ* огромнымъ количествомъ представленій. На что кругомъ себя мы ни посмотримъ, что ни услышимъ или ни увидимъ, все это мы пополняемъ своими воспоминаніями, ассоціированными въ прежнихъ опытахъ съ этими ощущеніями. Благодаря именно этимъ представленіямъ, мы сразу *разбираемся* въ окружающихъ насъ безчисленныхъ цвѣтныхъ пятнахъ, распредѣляемъ ихъ систематически въ предметы. Смотря на пейзажъ, я сразу знаю, что эти зеленыя пятна суть деревья, что голубыя и бѣлыя пятна надъ ними — небо и облака, что маленькое квадратное красное пятно — далекій домъ и т. д. Эта распредѣленность ощущеній зависитъ, главнымъ образомъ, не отъ самихъ ощущеній, а именно отъ связываемыхъ съ ними представленій. Въ моемъ прежнемъ опытѣ я видѣлъ деревья отдѣльно отъ домовъ, осматривалъ ихъ съ разныхъ сторонъ, трогалъ ихъ листву и стволъ, видѣлъ, какъ рубили и увозили и т. д. — все это теперь, вспоминаясь мнѣ болѣе или менѣе отчетливо, *выдѣляетъ* для меня эти зеленыя пятна въ отдѣльныя системы *значковъ*, иныхъ, чѣмъ смежные съ ними другіе значки. При нѣкоторыхъ душевныхъ заболѣваніяхъ нарушаются указанныя связи ощущеній съ представленіями, и тогда человѣкъ болѣе не узнаетъ вещей: онъ получаетъ отъ нихъ попрежнему ощущенія, но не можетъ ихъ осмыслить. Такъ возникаетъ, напримѣръ, такъ называемая «душевная слѣпота»: больной видитъ хлѣбъ, но не знаетъ, что его можно ѣсть, видитъ часы, видитъ родныхъ, но не узнаетъ ихъ и т. д.

Этотъ процессъ перцепціи можетъ быть и ошибоченъ, именно если данныя намъ ощущенія вызовутъ по ассоціаціи не ту группу представленій, которая соотвѣтствуетъ находящемуся передо мною предмету, напримѣръ, когда я приму далекій дымокъ за облако, лежащую на дорогѣ палку за змѣю и т. под. Такое явленіе называется *иллюзіей*. Ошибочно въ иллюзіи не само ощущеніе: оно дѣйствительно дано мнѣ, а тѣ представленія, которыя оно во мнѣ вызвало, тотъ смыслъ, который я ему придалъ. Изученіе иллюзій и ихъ причинъ чрезвычайно интересно для психолога, ибо оно особенно ясно показываетъ, въ какихъ направленіяхъ идутъ наши представленія: въ иллюзіяхъ выражается психическая природа человѣка, а не окружающей его среды.

Можно различать три класса иллюзій. Во-первыхъ, онѣ возникаютъ легко тогда, когда ощущенія слишкомъ малы, слабы,

блѣдны, мимолетны, такъ что такое недостаточно опредѣленное ощущеніе можетъ быть принято легко за знакъ разныхъ вещей. Если, напримѣръ, мы слышимъ издали слабый звукъ, его легко принять и за шумъ деревьевъ, и за шумъ вѣтра, и за звуки падающей воды. Въ темнотѣ, лишенные помощи зрѣнія и получая лишь осязательныя впечатлѣнія, мы принимаемъ однѣ вещи за другія. Если смотрѣть черезъ малепькое отверстіе въ картонѣ, легко ошибиться въ томъ, какой передъ нами предметъ.

Второй родъ иллюзій зависитъ отъ того, что данныя въ ощущеніяхъ свойства могутъ принадлежать двумъ разнымъ явленіямъ, но въ нашемъ предыдущемъ опытѣ мы всегда встрѣчали одно, которое потому твердо связано съ этимъ знакомъ; въ настоящемъ же случаѣ передъ нами оказывается другое явленіе. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, такъ называемая Аристотелевская иллюзія: если сложить указательный и средній пальцъ крестъ-накрестъ и катать ими шарикъ, напримѣръ, изъ хлѣба, намъ кажется, что шариковъ два. Можетъ-быть, зависитъ это оттого, что два прикосновенія, и именно къ наружнымъ сторонамъ сосѣднихъ пальцевъ, всегда въ нашемъ прежнемъ опытѣ указывали на два предмета (и только благодаря искусственному положенію пальцевъ въ нашемъ опытѣ такія два прикосновенія производятся однимъ шарикомъ). Сюда же относятся такъ называемыя корректурныя иллюзіи: мы часто прочитываемъ неправильно напечатанное слово правильно, ибо привычно ожидаемъ послѣднее, слѣдя за содержаніемъ фразы. Далѣе, можно упомянуть еще о иллюзіи относительно движенія; напримѣръ, сидя въ вагонѣ мчащагося поѣзда легко, закрывъ глаза, вообразить, что ѣдешь въ противоположную сторону: для этого достаточно качнуться нѣсколько разъ въ эту сторону, и это движеніе вызоветъ представленіе о ложномъ направленіи. Третій родъ иллюзій навязывается намъ нашими чувствованіями, господствующимъ въ насъ настроеніемъ. Особенно легко дѣлаетъ это страхъ: самыя невинныя вещи въ такомъ состояніи принимаются за привидѣнія, шумъ — за шаги воровъ и т. д. Это прекрасно изображено относительно больного ребенка въ балладѣ Гёте: «Лѣсной Царь». Такъ называемыя спиритическія явленія могутъ тоже служить примѣромъ такихъ иллюзій, зависящихъ отъ нашего душевнаго настроенія или ожиданія.

О представленіяхъ и иллюзіяхъ см., напримѣръ, книгу *Джемса* «Психологія» (пер. съ англ. Лапшина), гл. XIX. Эту прекрасную книгу мы вообще рекомендуемъ вниманію читателя, желающаго болѣе основательно ознакомиться съ современной психологіей.

5. Ассоціація представленій и память.

Память есть очень сложный процессъ. Въ полномъ своемъ составѣ она заключаетъ, по крайней мѣрѣ, три части: во-первыхъ, *сохраненіе* слѣдовъ прежнихъ воспріятій, во-вторыхъ, ихъ новое возникновеніе или воспроизведеніе, такъ называемую *репродукцію* (латинское слово: воспроизведеніе) образовъ, по разнымъ внутреннимъ мотивамъ и, наконецъ, *узнаніе* этихъ образовъ памяти за уже бывшіе. Напримѣръ, сегодня утромъ, во время чтенія книги о Римѣ, я замѣтилъ, что передо мной умственно возникъ образъ какого-то зданія: его обширная колоннада окружаетъ площадь, на ней два фонтана, бьющихъ водою, фасадъ зданія представляетъ величественную лѣстницу и порталъ, за которымъ открывается блестящая внутренность храма, съ мозаичнымъ поломъ и витыми бронзовыми колоннами алтаря — это моментъ репродукціи. Затѣмъ я узналъ въ этомъ зданіи соборъ Св. Петра въ Римѣ, вспоминаю, что видѣлъ его четыре года назадъ, въ свѣтлое іюльское утро, когда совершалъ поѣздку за границу — это моментъ узнанія, помѣщенія воспроизведеннаго представленія въ опредѣленный періодъ моей жизни.

Сохраненіе слѣдовъ прежнихъ воспріятій есть безсознательный процессъ физіологическаго характера. Нервныя ткани мозга сохраняютъ въ себѣ какіе-то остатки отъ прежнихъ впечатлѣній (объ этомъ см. статью «Представленія»). Воспроизведеніе представленій есть очень сложный процессъ, и мы сейчасъ подробно имъ займемся. Наконецъ узнаніе, или помѣщеніе воспоминанія въ опредѣленную часть прошлаго опыта жизни, происходитъ такъ, что мы разыскиваемъ въ прошломъ, когда мы могли имѣть такое впечатлѣніе, съ какой частью нашего жизненнаго опыта оно соединимо. Въ приведенномъ примѣрѣ это дѣлается, конечно, легко и моментально, но нерѣдко намъ долго не удается вспомнить, напримѣръ, обстоятельствъ времени и мѣста, гдѣ мы встрѣчались съ какимъ-нибудь лицомъ, и приходится перебирать разныя возможности.

Относительно процесса воспроизведенія замѣтимъ прежде всего, что оно бываетъ двоякаго рода: представленіе само собою возникаетъ въ нашемъ сознаніи, именно, если соотвѣтственное впечатлѣніе было недавно и притомъ почему-либо особенно замѣчено нами, или это представленіе внушается намъ другимъ предшествовавшимъ представленіемъ, съ которымъ оно какимъ-то способомъ почему-либо связано. Первый способъ есть воспроизведеніе по персеверація (самосохраненію представленія), второй — по ассоціаціи (т.-е. связи) съ предшествовавшимъ представленіемъ.

Самостоятельное воспроизведеніе представленій мы находимъ во всѣхъ случаяхъ навязчивой мысли, назойливо звучащаго въ памяти мотива. Маркъ Твэнъ въ одномъ юмористическомъ разсказѣ изображаетъ, какъ цѣлый рядъ лицъ не могли отдѣлаться отъ прочитаннаго на трамвайномъ билетикѣ двустишія. У насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ заразительно дѣйствовала пѣсенка: «Я хочу вамъ разсказать, разсказать». Вліяніе рекламъ существенно разсчитано именно на такую персевераціо.

Другой, несравненно болѣе важный, способъ репродукціи есть вызовъ однимъ представленіемъ другого. Вопросъ о характерѣ такой связи между представленіями есть одинъ изъ важнѣйшихъ для психологіи. Дѣйствительно, — подвести подъ какой-нибудь общій законъ эти ассоціаціи (связи), это значитъ, указать законъ мысли вообще: ощущенія, въ ихъ послѣдовательности, зависятъ отъ послѣдовательности дѣйствующихъ на насъ внѣшнихъ впечатлѣній, законъ же ассоціаціи опредѣлитъ теченіе представленій.

Однако сразу ясна трудность найти такіе общіе законы; смѣна нашихъ представленій, повидимому, безконечно разнообразна и совершенно произвольна: то она идетъ по логической послѣдовательности, то по прихоти чувствованій и фантазіи, то вертится на одномъ мѣстѣ, то стремглавъ измѣняется, то среди воспоминаній объ одномъ предметѣ вдругъ проскочитъ совсѣмъ другой, то воспоминанія текутъ по хронологической послѣдовательности событій, то по пространственной близости ихъ и т. д. Однако уже издавна, со времени Аристотеля, психологи подмѣтили въ этомъ сложномъ и хаотическомъ безпорядкѣ нѣкоторыя общія начала, особенно же разработанъ былъ этотъ вопросъ въ англійской эмпирической философіи, начиная съ Локка и далѣе у Гертли, Беркли, Юма въ XIX вѣкѣ — Джономъ Стюартомъ Миллемъ, Спенсеромъ и Бэномъ. Выяснилось именно, что всевозможныя смѣны представленій можно свести къ ассоціаціямъ по одновременности и одномѣстности, сходству и противоположности. Представленія вызываютъ другъ друга, или потому, что соотвѣтственные имъ предметы мы наблюдали въ одно и то же время, или въ одномъ и томъ же мѣстѣ (пространственная и временная близость), или потому, что эти представленія похожи другъ на друга, или, наконецъ, потому, что эти представленія весьма противоположны въ своихъ качествахъ. Примѣровъ можно привести сколько угодно. Предыдущія буквы азбуки напоминаютъ намъ слѣдующія за ними: имя вызываетъ въ памяти представленіе о соотвѣтственной вещи или человѣкѣ, предыдущія — историческія, природныя и житейскія событія — ихъ послѣдствія; начальныя дви-

женія въ каждомъ ремесленномъ пріемѣ руки — дальнѣйшія: домъ, въ которомъ мы жили, — то, что тамъ пережито и т. д.: все это ассоціаціи смежности во времени. Части пейзажа напоминаютъ другъ друга; видя голову человѣка, мы ищемъ его туловище; любая часть знакомаго предмета связана съ остальною въ нашемъ воображеніи и т. д.: это ассоціаціи по смежности въ пространствѣ. Столь же часты ассоціаціи по сходству: фотографическая карточка напоминаетъ намъ живого человѣка; видъ волка — образъ собаки; по сходству съ окончаніями въ склоненіяхъ и спряженіяхъ однихъ словъ мы склоняемъ и спрягаемъ другіе существительные и глаголы; подобныя вещи называемъ тѣми же словами и т. д. Рѣже, сравнительно, встрѣчаются ассоціаціи по противоположности: слово «день» напоминаетъ слово «ночь», слово «лѣвый» — слово «правый», душная комната заставляетъ думать о прохладѣ лѣса, горы наводятъ мысль о равнинахъ и т. д.

Если мы попробуемъ проанализировать какой-нибудь ходъ нашей мысли, мы легко увидимъ, какъ въ этомъ рядѣ представленій постоянно встрѣчаются эти типы ассоціацій. Для этого можно взять какое-нибудь исходное слово и записать затѣмъ, напримѣръ, десять словъ, которыя *первыя придутъ въ голову*. Такъ, напримѣръ, сдѣлавъ это сейчасъ, я получилъ слѣдующій рядъ: парусъ (исходное слово) — корабль (асс. смежности въ пространствѣ)—лодка (ассоц. сходства)—море (ассоц. пространств.)—Константинополь (тоже) — младотурки (тоже) — султанъ (ассоц. смежности во времени) — султанъ (послѣ предыдущаго слова произошла заминка, я вновь повторилъ слово «султанъ», но придавъ ему уже другое значеніе — султанъ на каскѣ: ассоц. сходства по звуку) — генералъ (ассоц. пространств.) — солдатъ (ассоц. контраста).

Весьма важно при этомъ замѣтить, что всѣ эти свойства въ представленіяхъ, заставляющія ихъ вызывать другъ друга, т.-е. смежность, сходство, контрастъ, важны именно, какъ свойства самихъ представленій, а не постольку, поскольку мы сознаемъ эти свойства: мы вовсе можемъ и не думать о смежности между буквою *a* и *b* или о сходствѣ между фотографической карточкой и дѣйствительнымъ лицомъ, и все же первыя представленія вызовутъ вторыя.

Ближайшимъ образомъ разсматривая эти виды ассоціацій, многіе психологи пришли, однако, къ убѣжденію, что всѣ эти виды, въ сущности, могутъ быть сведены къ одному,—къ ассоціаціи по временной смежности. Дѣйствительно, во-первыхъ, пространственная близость, очевидно, не сама по себѣ важна, а именно тѣмъ, что вещи пространственно сосѣднія мы обык-

новенно видимъ одновременно; если же двѣ вещи, хотя и завѣдомо находятся рядомъ, но никогда одновременно не наблюдались нами, то онѣ другъ друга не напоминаютъ. Ассоціація контраста весьма разнообразнаго происхожденія: иногда она зависитъ даже не отъ самыхъ представленій, но отъ нашихъ желаній или потребностей (душная комната заставляетъ думать о свѣжемъ воздухѣ); отчасти же происходитъ оттого, что соотвѣтственные противоположные предметы встрѣчаются въ пространствѣ попарно (свѣтъ и тѣни), отчасти, наконецъ, оттого, что поговорки и литературныя произведенія изобилуютъ противоположностями, введенными ради эстетическихъ цѣлей, выпуклости изображенія, а мы привыкли къ этимъ сосѣднимъ для насъ по времени сопоставленіямъ (рай и адъ, правое и лѣвое, начало и конецъ, бѣдность и богатство). Наиболѣе самостоятельной кажется ассоціація по сходству, и многіе считаютъ ее дѣйствительно особымъ типомъ. Однако это врядъ ли правильно. Вѣрнѣе и ее сводитъ къ ассоціаціи смежности. Возможно это объяснить слѣдующимъ образомъ: сходныя представленія суть такія, въ которыхъ нѣкоторые признаки одинаковы, другіе — различны; представимъ двѣ такія группы признаковъ *a*, *b*, *c*, *d* и *c*, *d*, *e*, *f*; каждая изъ нихъ наблюдалась одновременно и значитъ ассоціировалась; если теперь мы имѣемъ представленіе *a*, *b*, *c*, *d*, то его признаки *c*, *d* *по ассоціаціи смежности* должны вызвать въ памяти признаки *e*, *f*, т.-е. рядомъ съ представленіемъ *a*, *b*, *c*, *d* возникаетъ представленіе *c*, *d*, *e*, *f*, сходное съ первымъ. Такъ, встрѣчая предметъ, сходный съ знакомымъ намъ, мы (по ассоціаціи смежности) называемъ его именемъ намъ знакомой вещи, а это имя (опять по ассоціаціи смежности) можетъ вызвать въ памяти всѣ тѣ прежнія вещи, которыя соединены для насъ съ этимъ именемъ, и такимъ образомъ возникаетъ въ сознаніи уже рядъ сходныхъ представленій. Или когда мы смотримъ на фотографическую карточку знакомаго, нѣкоторые признаки, общіе и фотографіи, и живому лицу, вызовутъ по ассоціаціи смежности и прочія черты этого лица, и мы получимъ рядомъ два сходныхъ представленія.

Итакъ, всѣ типы ассоціаціи сводятся къ одному общему закону ассоціаціи, который можно выразить слѣдующимъ образомъ: если вещи или событія наблюдались нами одновременно или въ *непосредственной временной послѣдовательности, то впредь одни изъ нихъ будутъ стремиться вызвать въ нашемъ сознаніи другіе, и притомъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще повторялось въ предыдущемъ нашемъ опытѣ это сопутствіе; всѣ случаи ассоціаціи представленій сводятся къ этому общему принципу.* Этотъ великій законъ нѣкоторые психологи сравниваютъ, въ виду его общаго

значенія въ душевной жизни, съ закономъ тяготѣнія въ его значеніи для физической природы [1]). Законъ этотъ иногда называется закономъ опытной ассоціаціи для показанія, что въ нашемъ сознаніи представленія вызываютъ другъ друга лишь въ томъ случаѣ, когда соотвѣтственныя имъ впечатлѣнія были испытаны нами совмѣстно въ дѣйствительномъ, реальномъ опытѣ: ассоціаціи представленій всѣ произошли изъ опыта, и любое представленіе можетъ вызвать любое другое, если былъ такой опытъ совмѣстнаго ихъ переживанія. Этотъ общій законъ имѣетъ явно біологическое значеніе, т.-е. цѣлесообразенъ для сохраненія жизни организма. Чѣмъ чаще два событія или двѣ вещи въ природѣ встрѣчаются намъ вмѣстѣ или въ непосредственной временной преемственности, тѣмъ вѣроятнѣе, что это соединеніе закономѣрно, т.-е. будетъ встрѣчаться и впредь. Поэтому и ассоціаціи, образующіяся отъ такихъ опытовъ, даютъ животному и человѣку возможность предвидѣнія дѣйствительнаго будущаго по признакамъ обусловливающаго его настоящаго: *A* и *B* (напримѣръ, молнія и громъ, схватыванье огня и обжогъ и т. д.) всегда доселѣ испытывались совмѣстно; образующаяся отъ того ассоціація совмѣстныхъ представленій заставляетъ насъ ожидать вновь *B*, если получилось впечатлѣніе *A*, и соотвѣтственно тому учитывать въ нашу пользу это будущее, ища или избѣгая его. Законъ опытной ассоціаціи соотвѣтствуетъ единообразію окружающей насъ природы, въ которой прежнія условія всегда производятъ прежнія послѣдствія.

Въ такомъ *общемъ* видѣ существовало ученіе объ ассоціаціи представленій уже лѣтъ 20 тому назадъ. Съ тѣхъ поръ, однако, оно получило еще болѣе точное и разнообразное развитіе, именно благодаря примѣненію *эксперимента* (опыта) къ изученію ассоціацій. Съ этими новыми изслѣдованіями мы должны теперь вкратцѣ ознакомиться. Способы эксперимента могутъ быть здѣсь весьма различны. Можно, напримѣръ, записывать рядъ первыхъ пришедшихъ въ голову словъ, исходя отъ перваго даннаго намъ, какъ было указано выше. Однако этотъ способъ наименѣе точенъ, ибо намъ неизвѣстны, и во всякомъ случаѣ не зависятъ отъ насъ тѣ условія, при которыхъ раньше образовались эти ассоціаціи. Гораздо поучительнѣе самому экспериментатору создавать эти ассоціаціи въ головѣ человѣка, давая ему испытать совмѣстно рядъ

[1]) Намъ, конечно, хорошо извѣстна та полемика (споръ), которую ведутъ нынѣ многіе психологи за ограниченіе значенія закона ассоціаціи. Хотя среди этихъ психологовъ есть много видныхъ ученыхъ, и ихъ разсужденія во многомъ чрезвычайно интересны, но выводъ, къ которому они приходятъ, по нашему мнѣнію, ложенъ. Обсуждать, однако, на этихъ страницахъ противоположныя теоріи было бы неумѣстно

впечатлѣній, въ тѣхъ условіяхъ, которыя мы сами выберемъ. Напримѣръ, мы можемъ показывать изслѣдуемому лицу рядъ картинокъ или вещей, или давать ему рядъ звуковъ или словъ въ извѣстномъ опредѣленномъ числѣ, съ извѣстною опредѣленною скоростью, извѣстное число разъ, съ извѣстными промежутками между этими рядами и т. д., и затѣмъ записать его показаніе, въ какой послѣдовательности и какія впечатлѣнія были ему даны: изученіе точности такого показанія и сдѣланныхъ при этомъ ошибокъ обнаружитъ намъ характеръ образовавшихся ассоціацій. Такіе опыты многократно производились, особенно надъ цѣлыми группами людей, напримѣръ, въ классахъ школъ, для опредѣленія сравнительной точности памяти въ извѣстномъ возрастѣ у мальчиковъ и дѣвочекъ, въ разные часы уроковъ (и слѣдовательно, при разной степени утомленія), относительно разныхъ предметовъ, болѣе или менѣе доступныхъ возрасту и т. д. Они дали немало интересныхъ выводовъ, имѣющихъ педагогическое значеніе. Но существенный недостатокъ и этого пріема состоитъ въ томъ, что при немъ мало примѣнимо численное выраженіе и сравненіе результатовъ, ибо эти разные показываемые предметы, картинки, слова различаются своею разною интересностью и т. под., такъ что уже по этому одни запоминаются легче, другіе — слабѣе. Поэтому для точныхъ изслѣдованій психологи избрали особый матеріалъ, для составленія изъ него рядовъ для запоминанія, именно *безсмысленные слоги*, составляемые обыкновенно изъ 3 буквъ — двухъ согласныхъ по концамъ и гласной по срединѣ (напримѣръ, кип, соз, бап и т. д.). Такихъ слоговъ разныхъ можно составить изъ азбуки 1000 — 1500, такъ что одинаковые будутъ повторяться лишь черезъ большой промежутокъ опытовъ. Эти слоги слагаются въ ряды, разной длины, смотря по условіямъ опыта, и читаются равномѣрно. Для этого даже изобрѣтены особыя машины, показывающія въ разрѣзѣ ширмы одинъ слогъ за другимъ, съ любою скоростью, и отмѣчающія, сколько разъ рядъ прошелъ передъ запоминающимъ его. Затѣмъ возможны слѣдующіе методы: или рядъ слоговъ, разъ прочитанный, сразу долженъ быть повторенъ наизусть (насколько, конечно, человѣкъ его запомнитъ): это служитъ для изученія непосредственной памяти, напримѣръ, персевераціи представленій. Или ученіе идетъ дальше, т.-е. прочитываются ряды нѣсколько разъ, при чемъ возможны два метода: или рядъ читается столько разъ, сколько надо для его *безошибочнаго* повторенія, и замѣчается именно это число (время изученія); или рядъ прочитывается *любое* число разъ, и затѣмъ экспериментаторъ допрашиваетъ изучаемое лицо, что оно запомнило. Для этого онъ называетъ первый

слогъ ряда и спрашиваетъ второй, называетъ самъ третій и спрашиваетъ, какой былъ четвертый и т. д. Очевидно, эти отвѣты показываютъ, насколько образовалось ассоціацій между нечетными слогами и четными. Число правильныхъ и неправильныхъ отвѣтовъ и число отказовъ отъ отвѣта служитъ численнымъ измѣрителемъ памяти въ этихъ условіяхъ. Наконецъ есть еще одинъ методъ изученія ассоціацій, состоящій въ точномъ измѣреніи *продолжительности репродукціи*, т.-е. времени между появленіемъ возбуждающаго впечатлѣнія (напримѣръ, слова), и отвѣтнаго, ассоціаціонно вызваннаго имъ представленія (тоже въ формѣ словеснаго отвѣта). Это время, опредѣляемое очень точными часами, напримѣръ, хроноскопомъ Гиппа съ точностью до $^1/_{1000}$ доли секунды, бываетъ весьма различно, въ зависимости отъ различныхъ ассоціацій, отъ $^1/_{10}$ секунды до нѣсколькихъ секундъ. Это время тоже можетъ служить для изслѣдованія ассоціаціи, ибо доказано. что оно тѣмъ короче, чѣмъ ассоціація сильнѣе, такъ что опредѣляя эти времена, мы опредѣляемъ силу ассоціаціонной связи. Этотъ пріемъ опредѣленія времени репродукціи можетъ также служить, по мнѣнію психолога Мюнстерберга, для вскрытія затаенныхъ мыслей у лица. Если, напримѣръ, у человѣка, подозрѣваемаго въ преступленіи, опредѣлять такія времена, и ввести въ рядъ словъ, къ которымъ онъ долженъ прибрать (по ассоціаціи) любыя другія слова, неожиданно слово, касающееся его преступленія, получается *невольно* весьма долгое время репродукціи: преступникъ старается найти какое-нибудь невинное слово и тѣмъ замѣтно удлиняетъ свое нормальное время репродукціи.

Помощью всѣхъ этихъ экспериментальныхъ методовъ были точно изслѣдованы разные вопросы, касающіеся ассоціаціи представленій. Укажемъ изъ огромной массы такихъ изслѣдованій нѣкоторыя, болѣе важныя.

1) Если мы имѣемъ рядъ ассоціированныхъ представленій a, b, c, d, e, f, g, спрашивается, существуетъ ли ассоціаціонная связь лишь между сосѣдними членами a и b, b и c и т. д. или также и между a и c, a и d и т. д.? Помощью очень остроумнаго пріема Эббингаузъ рѣшилъ этотъ вопросъ утвердительно и даже опредѣлилъ численно, какъ измѣняется (убывая) эта сила ассоціаціи, по мѣрѣ удаленія одного члена отъ другого.

2) Всѣ изслѣдованія показали, что чѣмъ тѣснѣе внутренняя связь въ рядѣ между запоминаемыми членами, тѣмъ скорѣе происходитъ его запоминаніе. Если мы имѣемъ рядъ совсѣмъ безсвязныхъ слоговъ, запоминаніе трудно, если же это рядъ словъ, составляющихъ осмысленную фразу, оно легко. Въ опытахъ Эббингауза для запомпнанія 36 безсмысленныхъ слоговъ требовалось

прочитать этотъ рядъ 56 разъ, для запоминанія такого же числа словъ въ осмысленныхъ стихахъ всего 6 разъ; значитъ, такое объединеніе ряда въ цѣлое облегчило работу въ 9—10 разъ. Изъ этого ясно видно, какъ затрудняется работа памяти тѣми учителями, которые не объясняютъ достаточно задаваемыхъ ученикомъ уроковъ. Если мы хотимъ что-нибудь запомнить, надо всегда постараться связать это въ нѣчто цѣльное.

3) Экспериментальныя изслѣдованія показали, что у дѣтей память слабѣе. Въ среднемъ, можно сказать, что къ 18 — 20 годамъ она въ $1\frac{1}{2}$ раза сильнѣе, чѣмъ въ 8 — 10 лѣтъ.

4) Чѣмъ длиннѣе рядъ, тѣмъ, конечно, надо больше разъ его повторить, чтобы запомнить. Доказано, что это число необходимыхъ повтореній растетъ гораздо скорѣе, чѣмъ увеличивается число членовъ въ рядѣ. Напримѣръ, въ опытахъ Эббингауза для запоминанія рядовъ безсмысленныхъ слоговъ надо было

при рядѣ въ	7,	12,	16,	24,	26,	слоговъ
повтореній	1,	17,	30,	44,	55.	

5) Какъ выгоднѣе распредѣлять необходимыя для изученія ряда повторенія, т.-е. сразу ли выучивать до конца или съ промежутками? Эти промежутки, конечно, нужны прежде всего для отдыха, если работа трудна. Но доказано, что *помимо того*, распредѣленіе работы памяти на отдѣльныя части (не слишкомъ, впрочемъ, малыя) выгоднѣе для запоминанія. Если, напримѣръ, при изученіи рядовъ въ 12 слоговъ сразу прочитывать этотъ рядъ 24 раза или читать такой рядъ 6 дней по 4 раза (т.-е. въ суммѣ тоже 24 раза), то во второмъ случаѣ запомнится больше, чѣмъ въ первомъ. Это, впрочемъ, знаютъ всѣ школьники, откладывая окончательное повтореніе урока до слѣдующаго утра. Зависитъ это оттого, что каждое повтореніе тѣмъ полезнѣе, чѣмъ на болѣе старую уже ассоціацію оно дѣйствуетъ.

6) Особенно облегчаютъ запоминаніе ряда слѣдующія обстоятельства: а) напряженное вниманіе — безъ него всѣ повторенія почти напрасны, б) сила впечатлѣнія — чѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, тѣмъ оно легче запоминается, в) эмоціональный (чувственный) тонъ впечатлѣнія — впечатлѣнія не безразличныя для насъ запоминаются легче, особенно, если они пріятны, г) то, что впечатлѣніе подходитъ къ строю нашихъ мыслей въ данную минуту, д) то, что большее число разъ повторялось.

7) Если между представленіями a и b образовалась уже ассоціація, то это значительно мѣшаетъ образованію новой ассоціаціи a и c. (Изъ этого понятно, почему разъ сложившіяся привычки и убѣжденія мѣшаютъ образованію новыхъ.)

8) Въ обычной жизни особенно часть тотъ случай репродукціи представленія, когда оно вызывается не однимъ какимъ-нибудь предшествующимъ обстоятельствомъ, но цѣлымъ рядомъ предшествующихъ, дѣйствующихъ совмѣстно. Почти каждое наше воспоминаемое представленіе является результатомъ совпаденія цѣлой группы благопріятствующихъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ наша умственная жизнь течетъ обычно не одной тонкой нитью отдѣльныхъ представленій, но потокомъ, въ которомъ смѣняютъ другъ друга сразу цѣлыя группы представленій, вызывая цѣликомъ одна другую.

9) Если ассоціація представленій становится все тѣснѣе, время репродукціи все убываетъ, пока, наконецъ, не становится почти равнымъ нулю: тогда соотвѣтствующія представленія какъ бы сливаются въ одно. Напримѣръ, рядъ слоговъ и буквъ въ словѣ постепенно для опытнаго читателя обращается въ одно цѣлое, слитное. Этотъ важный процессъ, наблюдаемый во всѣхъ представленіяхъ, называется ассимиляціей (уподобленіемъ) ихъ.

Мы указали здѣсь лишь немногіе выводы, полученные изъ экспериментальнаго (опытнаго) изученія ассоціацій. Ихъ въ наукѣ имѣется несравненно больше. Эта психологія нынѣ особенно усиленно изслѣдуется и, можетъ-быть, настанетъ время, когда ходъ человѣческой мысли станетъ намъ понятнымъ во всѣхъ его многочисленныхъ и часто очень сложныхъ извивахъ. Успѣхи экспериментальной психологіи даютъ намъ, повидимому, право ожидать этого.

6. Психическая наслѣдственность.

Своя психическая жизнь каждому непосредственно извѣстна, ибо явленія этой жизни и суть явленія въ его сознаніи. Но совершенно иное надо сказать о *причинахъ* этихъ состояній въ сознаніи. То, что мы обыкновенно считаемъ за ихъ причины, часто вовсе не есть дѣйствительныя причины, и, напротивъ, ихъ дѣйствительныя причины въ большинствѣ случаевъ намъ непосредственно неизвѣстны и открываются только наукою. Въ статьѣ «Мозгъ и душа» мы ознакомились съ одной группою такихъ истинныхъ причинъ состава душевной жизни, именно физіологическими явленіями мозга. Теперь надо обратиться къ изученію другой группы дѣйствительныхъ причинъ—наслѣдственности. Человѣку обыкновенно кажется, что его душевныя явленія таковы, какъ онъ желаетъ, что онъ можетъ произвольно ихъ измѣнять. Въ дѣйствительности же и самыя эти желанія и вся его душа существенно зависятъ отъ того, что онъ получилъ духовно въ

наслѣдство отъ своихъ родителей, и мы нерѣдко такъ же мало можемъ измѣнить это, какъ свой ростъ, форму тѣла, а то, что можемъ произвольно измѣнить, зависитъ отъ нашихъ желаній, которыя въ своей основѣ тоже опредѣляются отчасти наслѣдственностью. Это показываетъ, какъ важно для психологіи точно выяснить значеніе и предѣлы психической наслѣдственности.

Наслѣдственность есть общій біологическій законъ всякой жизни, какъ физіологической, такъ и душевной. Она состоитъ въ томъ, что вообще потомство похоже въ своихъ чертахъ на предковъ. Эта наслѣдственность, прежде всего, опредѣляетъ принадлежность даннаго существа къ опредѣленному животному или растительному «виду»: изъ сѣмени ржи вырастаетъ рожь же, отъ медвѣдя родится медвѣжонокъ, отъ человѣка - человѣческое дитя, и эта наслѣдственность основныхъ свойствъ вида опредѣляетъ затѣмъ, конечно, все существованіе новаго организма, въ частности у человѣка *человѣческій характеръ* его тѣла и души. Но затѣмъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, подъ наслѣдственностью разумѣется не наслѣдственность общихъ свойствъ «вида», но наслѣдственная передача частныхъ или *индивидуальныхъ* особенностей родительскаго организма.

Такая наслѣдственность *физіологическихъ* индивидуальныхъ особенностей совершенно очевидна. Укажемъ нѣкоторые сюда относящіеся факты, и это насъ подготовитъ къ пониманію значенія психической наслѣдственности. Извѣстно, что часто наслѣдуются черты физіономіи, такъ что мы нерѣдко сразу узнаемъ, что ребенокъ есть сынъ даннаго отца или матери. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ постоянно сохраняются у всѣхъ членовъ опредѣленныя отличительныя черты: извѣстна, напр., особая форма носа у всего рода Бурбоновъ или губа у Габсбурговъ. Наслѣдствененъ часто ростъ, и король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ I, желая имѣть гвардію высокаго роста, допускалъ для этого браки своихъ высокихъ гвардейцевъ лишь съ высокими же женщинами, поступая, значитъ, такъ, какъ дѣлаютъ сельскіе хозяева ради подбора скота. Наслѣдствененъ цвѣтъ кожи (негровъ и проч.), а также тучность. Переходя далѣе къ внутреннимъ особенностямъ тѣла, находимъ, что передаются часто потомкамъ форма и неправильности костнаго скелета, величина, напримѣръ, груди, излишнее число зубовъ, далѣе, особенности системы кровообращенія и питанія: величина сердца, особенности желудка и кишекъ. Долговѣчность зависитъ, главнымъ образомъ, отъ наслѣдственности; поэтому англійскія общества страхованія жизни требуютъ отъ своихъ кліэнтовъ свѣдѣній о томъ, до какого возраста дожили ихъ родители. Крайніе силачи обыкно-

венно происходятъ изъ семей, гдѣ вообще существуетъ это преимущество, и то же можно сказать о граціи или ловкости въ движеніяхъ. Наслѣдственность физіологическихъ недостатковъ совершенно несомнѣнна: наслѣдственны альбинизмъ (глаза безъ темнаго пигмента), шесть пальцевъ на рукахъ, наконецъ, множество болѣзней, въ частности нервныхъ. Броунъ-Секаръ производилъ у кроликовъ искусственную эпилепсію (падучую), перерѣзая имъ часть спинного мозга — потомство такихъ кроликовъ тоже страдало припадками эпилепсіи. Итакъ, вообще, наслѣдственность индивидуальныхъ физіологическихъ особенностей несомнѣнна.

Уже это дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что передаются по наслѣдству и индивидуальныя *психическія* особенности, ибо, если наслѣдственны свойства мозга и нервной системы, то это должно обнаружиться и на душевной жизни. И дѣйствительно, можно найти большое число фактовъ, доказывающихъ такую психическую наслѣдственность индивидуальныхъ особенностей. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, особенно поучительные и особенно достовѣрные. Относительно, во-первыхъ, *ощущеній осязанія* извѣстно, что у южныхъ народовъ оно тоньше, чѣмъ у сѣверныхъ, и эта особенность передается по наслѣдству. Наслѣдственна также чувствительность къ щекоткѣ, весьма сильная въ нѣкоторыхъ семьяхъ, а также нѣкоторыя *идіосинкразіи* (т.-е. индивидуальныя особенности) *осязанія*, какъ нервная дрожь при прикосновеніи извѣстныхъ предметовъ: въ иной семьѣ всѣ члены, какъ мужчины, такъ и женщины, не могутъ выносить прикосновенія пушистой кожицы персиковъ.

Температурное чувство тоже наслѣдственно, особенно крайняя зябкость. Въ зрѣніи наслѣдственны часто близорукость, косоглазіе, слѣпота, дальтонизмъ (неспособность различать нѣкоторыя краски). Относительно слуха мало можно сказать: глухота и глухонѣмота, повидимому, не склонны передаваться по наслѣдству. Но наслѣдственныхъ идіосинкразій обонянія и вкуса, т.-е. особаго отвращенія къ извѣстнымъ запахамъ и вкусамъ, извѣстно не мало. Относительно наслѣдственности индивидуальныхъ *движеній* (такъ называемые тики) приводитъ замѣчательный примѣръ *Гальтонъ*: одинъ человѣкъ имѣлъ привычку во время сна, если онъ лежалъ на спинѣ, поднимать медленно правую руку до лба, и затѣмъ тяжело опускать ее на носъ; эти движенія у него иногда повторялись въ теченіе цѣлаго часа. Сынъ этого человѣка женился черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти отца; его жена замѣтила у него совершенно такія же движенія. Одна изъ дочерей этого сына унаслѣдовала такое же

безсознательное движеніе во время сна. Что касается до наслѣдственной передачи индивидуальныхъ особенностей *умственныхъ способностей* въ ихъ основныхъ процессахъ, напр., силы памяти, вниманія, логическаго мышленія, то установить точно такіе факты не легко, и до сихъ поръ это еще не сдѣлано. Но зато возможно привести не мало примѣровъ наслѣдственности *сложныхъ* умственныхъ особенностей (которые, конечно, предполагаютъ и наслѣдственность простыхъ, основныхъ процессовъ). Особенно замѣчательна передача музыкальныхъ способностей по наслѣдству, лучшимъ примѣромъ чего служитъ родъ знаменитаго музыканта *Себастьяна Баха:* изъ этого рода вышло въ теченіе 8 поколѣній 29 *замѣчательныхъ* музыкантовъ и болѣе сотни музыкантовъ вообще. Въ семьѣ *Бетховена* было три музыканта; отецъ *Моцарта*, проявившаго въ самомъ раннемъ дѣтствѣ поразительныя музыкальныя способности, былъ тоже музыкантъ; его сестра съ дѣтства же обнаруживала рѣдкую музыкальность, оба его сына тоже. Вообще, если разсматривать имена въ музыкальномъ словарѣ, найдемъ рѣшительно у всѣхъ великихъ музыкантовъ родственниковъ тоже музыкантовъ (кромѣ 3—4 исключеній). Не мало выдающихся по умственнымъ качествамъ лицъ находимъ мы и въ семьяхъ знаменитыхъ живописцевъ: извѣстны родъ художника *Карраччи* (5 человѣкъ), три Каліарди, 4 Ванъ-Дейковъ, изъ нихъ два знаменитыхъ брата, 2 брата Ванъ-Остаде, 2 брата Рюйсдаля; въ семьѣ Тиціана было девять выдающихся художниковъ. Относительно *поэтовъ* Гальтонъ, изучивъ родословную 56 изъ нихъ, нашелъ у 40% слѣды наслѣдственности. Извѣстно, какъ Гёте объясняетъ свой душевный складъ:

> «Отъ отца унаслѣдовалъ я тѣлосложеніе и серьезное веденіе жизни, отъ матушки — веселый нравъ и любовь къ сказкамъ. Дѣдъ былъ поклонникомъ красавицъ, — кое-что перешло и ко мнѣ; бабка любила украшенія и деньги, — у меня тоже это въ крови».

Среди *ученыхъ* тоже легко найти явные слѣды наслѣдственности умственныхъ силъ: извѣстенъ родъ математиковъ Бернулли (8 человѣкъ, изъ нихъ двое знамениты), семья Дарвиновъ (дѣдъ — авторъ «Зоономіи», его два сына — выдающіеся врачи, внукъ — знаменитый Чарльзъ Дарвинъ — реформаторъ біологіи, его сынъ — выдающійся ботаникъ), семья астрономовъ Гершелей (4, изъ нихъ знаменитый Джонъ Гершель), семья астрономовъ Струве, два брата Гумбольдта, семья ботаниковъ Жюссье (5 лицъ) и т. д. Конечно, эти факты не всецѣло могутъ быть отнесены на долю психической наслѣдственности: сыновья

нерѣдко выбираютъ профессію отца, особенно если онъ достигъ въ ней успѣха, по подражанію или въ расчетѣ на его помощь, а не по одинаковости наслѣдственныхъ вкусовъ и умственныхъ способностей. Но такимъ житейскимъ расчетомъ, конечно, невозможно объяснить всю массу этихъ фактовъ. Дѣло не въ томъ, что, напримѣръ, въ семьѣ Бернули все математики, а Жюссье — ботаники: выборъ науки, врядъ ли, имѣетъ какое-нибудь основаніе въ наслѣдственности; но важно то, что въ данной семьѣ является цѣлый рядъ выдающихся умовъ и талантовъ, что уже нельзя объяснить случайностью. Далѣе, въ нѣкоторыхъ и довольно частыхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ братьевъ, равно одаренныхъ, хотя и дѣйствующихъ въ разныхъ областяхъ. Наконецъ, отдавая должное подражанію и взаимной поддержкѣ родственниковъ, надо, однако, признать, что и самъ поддерживаемый все же долженъ обыкновенно обладать способностями для успѣха: немыслимо же быть, напр., извѣстнымъ музыкантомъ безъ тонкаго слуха и хорошей музыкальной памяти.

Наслѣдственность характера, т.-е. преобладающихъ чувствованій и влеченій выражается уже въ наслѣдственности *выразительныхъ жестовъ*: нахмуриваніе бровей, пожиманіе плечъ, мимика лица при отвращеніи, при удивленіи и проч. чувствахъ,— всѣ эти знаки выраженія чувствъ наслѣдственны, и имъ человѣкъ не учится: они одинаковы у всѣхъ, даже у слѣпыхъ, которые не могутъ усвоить ихъ по подражанію. Наслѣдственность *индивидуальныхъ* особенностей характера у *животныхъ* хорошо извѣстна сельскимъ хозяевамъ: напр., лошади, отличающіяся норовомъ и непослушнымъ характеромъ, передаютъ это своему потомству; даже странныя исключенія такъ передаются: одинъ щенокъ охотничьей породы, воспитанный отдѣльно отъ матки, обнаруживалъ такой страхъ при выстрѣлѣ, что совершенно не годился для охоты,—та же особенность была у его отца. Наслѣдственность индивидуальныхъ вкусовъ и особенностей характера, чувствованій и влеченій у человѣка есть самый частый фактъ. Вспыльчивость, застѣнчивость, гордость, ревнивость, робость, далѣе твердая или слабая воля, упрямство, ласковость или холодность, мужество, эгоистичность и т. д.—всѣ эти особенности характера нерѣдко передаются по наслѣдству.

Эта наслѣдственность проявляется въ устойчивомъ *національномъ характерѣ* нѣкоторыхъ народовъ, обнаруживающемъ одинаковыя особенности въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ и въ совершенно разныхъ историческихъ условіяхъ. Тѣ черты, которыми Цезарь характеризовалъ древнихъ галловъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр., можно найти и у современныхъ французовъ. «Галлы,—

говоритъ онъ,— имѣютъ любовь ко всему новому; они рѣшаются, по ложнымъ слухамъ, на дѣйствія, о которыхъ сами потомъ сожалѣютъ; неудача обезкураживаетъ ихъ; они такъ же легко начинаютъ войну безъ основанія, какъ и оказываются вялыми и разстроенными послѣ пораженія». Весьма опредѣленнымъ является и національный характеръ многихъ другихъ народовъ, напр., евреевъ въ ихъ многотысячелѣтней исторіи, древнихъ грековъ, особенно цыганъ, несмотря на всю разбросанность этого кочевого народа.

Но особенно явственна психическая наслѣдственность болѣзненнаго характера [1]). Мы уже упоминали о наслѣдственной склонности къ самоубійству. Психіатры приводятъ множество такихъ случаевъ; напр., *Морель* разсказываетъ о землевладѣльцѣ П., имѣвшемъ семь сыновей, которымъ онъ оставилъ милліонное состояніе. Сыновья жили въ Парижѣ, ни въ чемъ не нуждались, ни одинъ изъ нихъ не испыталъ несчастія, всѣ пользовались почетнымъ положеніемъ въ обществѣ, но всѣ семь человѣкъ окончили жизнь самоубійствомъ въ возрастѣ 34—40 лѣтъ.

Болѣзненная наслѣдственность пьяницъ общеизвѣстна. Даже дѣти не хроническихъ пьяницъ, но зачатыя въ состояніи случайнаго опьянѣнія, часто становятся идіотами, психопатами и проч. Хроническое же пьянство родителей ведетъ за собою постоянно или тоже пьянство, или всевозможныя душевныя болѣзни [2]). Морель передаетъ исторію семи дѣтей одного хроническаго пьяницы. Двое первыхъ умерли въ младенчествѣ отъ судорогъ. Третій сошелъ съ ума 22 лѣтъ и умеръ идіотомъ. Четвертый послѣ нѣсколькихъ попытокъ самоубійства впалъ въ идіотизмъ. Пятый, раздражительный мизантропъ, порвалъ всѣ сношенія съ семьею. Сестра его — истеричка и страдаетъ такъ называемымъ періодическимъ помѣшательствомъ. Седьмой, интеллигентный рабочій, но крайне нервный, самъ высказываетъ о своемъ будущемъ самыя печальныя предсказанія. Крайне часто хроническій алкоголизмъ ведетъ у потомковъ, черезъ рядъ душевныхъ болѣзней, къ вымиранію рода. Тотъ же психіатръ *Морель* разсказываетъ исторію одной семьи, въ которой въ первомъ поколѣніи были пьяницы, во второмъ — наслѣдственные алкоголики, въ третьемъ — сумасшедшіе и въ четвертомъ — идіоты, не имѣвшіе уже потомства.

Такая наслѣдственность при психическихъ болѣзняхъ, т.-е. переходъ болѣе легкихъ формъ душевной или нервной болѣзни

---

[1]) О душевныхъ болѣзняхъ, см. томъ V, стр. 365 и слѣд.

[2]) См. томъ V, стр. 538, объ алкоголизмѣ.

предка въ другія тяжелыя формы у потомковъ и, наконецъ, вымираніе семьи, весьма часта. Такъ, въ одной семьѣ дѣдъ былъ нервно-больнымъ, во второмъ поколѣніи — отецъ-эпилептикъ, въ третьемъ изъ двѣнадцати дѣтей пять умираютъ въ конвульсіяхъ, три отъ кровоизліянія въ мозгъ, одинъ — эпилептикъ, одна дочь нервно-больная, одинъ боленъ водянкой головы и одинъ сумасшедшій; четвертаго поколѣнія уже не было. Психіатры не разъ давали статистику наслѣдственности при душевныхъ и нервныхъ болѣзняхъ. Числа, получающіяся при этомъ, правда, были разны, но по болѣе новымъ и точнымъ даннымъ надо считать, что въ 40—50 случаяхъ изъ ста больныхъ эта наслѣдственность имѣетъ мѣсто.

Мы привели длинный рядъ фактовъ, доказывающихъ существованіе и важное значеніе наслѣдственности душевныхъ свойствъ. Теперь слѣдуетъ остановиться еще, хотя бы вкратцѣ, на *законахъ наслѣдственности*. Эти законы были, правда, установлены, главнымъ образомъ, черезъ изученіе физической наслѣдственности у животныхъ, но они явно общаго характера и приложимы и къ психической наслѣдственности у человѣка. Такихъ законовъ можно формулировать четыре слѣдующихъ.

1) Законъ прямой наслѣдственности: свойства обоихъ родителей стремятся передаваться прямо ихъ дѣтямъ. Благодаря этому, ребенокъ можетъ получить одни свойства отъ отца, другія — отъ матери. Отецъ можетъ, напр., передать сыну свойства своего мозга, мать — желудокъ, или, наоборотъ, одинъ сердце, другая печень и т. д. Иногда бываетъ такъ, что ребенокъ наслѣдуетъ отъ одного изъ родителей внѣшній видъ тѣла, отъ другого — его душевныя особенности; напр., инженеръ Лисле, сынъ бѣлаго и ограниченной негритянки, физически вполнѣ походилъ на мать, по цвѣту кожи, характеру волосъ и проч., а въ умственномъ отношеніи вполнѣ на интеллигентнаго отца.

При этомъ, если свойства родителей одинаковы, они нерѣдко являются у дѣтей въ усиленномъ видѣ, т.-е. суммируются. Если же они различны, то или наслѣдуются свойства одной стороны, или свойства обѣихъ сторонъ взаимно другъ друга ослабляютъ, или своеобразно смѣшиваются, напримѣръ, ростъ ребенка оказывается среднимъ между ростомъ отца и матери.

2) Законъ преимущественнаго вліянія одного изъ родителей на свойства ребенка. Въ этомъ случаѣ можетъ быть, что мальчики оказываются преимущественно похожи на отца, дѣвочки — на мать, или обратно. Сказать, какой же изъ этихъ случаевъ чаще, совершенно невозможно: это зависитъ отъ отдѣльныхъ, частныхъ причинъ.

3) Законъ атавизма или возвратной наслѣдственности: въ дѣтяхъ часто наслѣдственно проявляются свойства не родителей, но дѣда и бабки и вообще предковъ, особенно въ предѣлахъ того же пола, т.-е., напримѣръ, у внучки — свойства бабки.

4) Законъ наслѣдственности въ соотвѣтственные періоды жизни: наслѣдственное свойство проявляется въ томъ же періодѣ жизни, въ какомъ оно наблюдалось у предыдущаго поколѣнія. Особенно явно это въ наслѣдственныхъ болѣзняхъ: чахотка появляется въ томъ же среднемъ возрастѣ, какъ была у родителей, наслѣдственныя нервныя судороги — въ дѣтствѣ, наслѣдственный ревматизмъ — въ старости. Это же имѣетъ часто мѣсто въ наслѣдственныхъ душевныхъ болѣзняхъ и, конечно, вообще въ наслѣдственности душевныхъ качествъ.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о теоріи наслѣдственности, т.-е. объ объясненіяхъ этой послѣдней. Въ этой области мы имѣемъ, однако, лишь различныя гипотезы (т.-е. предположенія), хотя часто и весьма разработанныя и подтверждаемыя разными фактами, но не положительнаго значенія. Прежде всего, что касается наслѣдственности *психическихъ* особенностей, то она, конечно, должна быть такъ же объясняема, какъ наслѣдственность физическихъ признаковъ, т.-е. тѣмъ, что въ материнской зародышевой клѣткѣ и въ оплодотворяющей ее мужской клѣточкѣ передаются изъ родительскихъ организмовъ *матеріальныя* части этихъ организмовъ, изъ которыхъ затѣмъ разовьются органы дѣтскаго организма: основой психической наслѣдственности является физическая наслѣдственность соотвѣтственныхъ органовъ, т.-е. въ частности, строеніе мозга и нервной системы. И въ настоящее время извѣстно, что такими носителями наслѣдственныхъ особенностей является не вся зародышевая материнская клѣтка (яйцо) и не вся зародышевая мужская клѣтка (сперматозоидъ), но тѣ части ихъ, которыя называются ядрами этихъ клѣтокъ [1]). Распадаясь послѣ оплодотворенія на особыя частицы (хромозомы), эти ядра образуютъ новыя два тѣла, въ каждомъ изъ которыхъ есть половина хромозомъ женскаго ядра и мужского, и далѣе дѣленіе этихъ новыхъ ядеръ въ новыхъ клѣткахъ происходитъ такъ же, такъ что въ каждой клѣточкѣ, изъ которой состоитъ сложный животный огранизмъ, ядро состоитъ наполовину изъ хромозомъ, происшедшихъ отъ отца, наполовину изъ хромозомъ, происшедшихъ отъ матери.

---

[1]) См. томъ II. стр. 18, объ оплодотвореніи у животныхъ.

Но на вопросъ, какимъ образомъ ядра или хромозомы могутъ быть носителями всѣхъ наслѣдственныхъ особенностей родительскаго организма, т.-е. какъ представлены въ ядрѣ эти особенности, изъ которыхъ затѣмъ разовьется весь организмъ, подобный родительскому, до сихъ поръ ничего положительнаго отвѣтить нельзя. Разные ученые объясняютъ это разными гипотезами. Такъ, напримѣръ, Дарвинъ полагалъ, что отъ всѣхъ клѣточекъ, изъ которыхъ состоитъ организмъ животнаго, отдѣляются малые зачатки, изъ которыхъ могутъ развиться соотвѣтственныя клѣточки и ткани тѣла: они присутствуютъ и въ яйцѣ, т.-е. представляютъ въ немъ зародыши или зачатки всѣхъ физическихъ особенностей родительскаго организма. Это и подобныя тому ученія остаются, конечно, лишь гипотезами.

Изъ этихъ гипотезъ упомянемъ еще одну, которая вызывала въ послѣднее время много споровъ, именно гипотезу *Вейсмана*. *Вейсманъ* утверждаетъ, что въ каждомъ организмѣ надо различать два вещества или плазмы: плазму клѣтокъ тѣла и плазму зародышевую, т.-е. плазму, изъ которой состоятъ всевозможные органы тѣла (соматическую) и плазму зародышевыхъ клѣтокъ. Эти два вещества разнаго происхожденія въ организмѣ и разной судьбы. Зародышевая плазма *прямо* передается изъ организма родительскаго въ готовомъ видѣ (въ дѣтскій организмъ), такъ что можно сказать, что она лишь протекаетъ своимъ самостоятельнымъ потокомъ черезъ весь рядъ организмовъ, порождающихъ другъ друга. Она является носителемъ всѣхъ наслѣдственныхъ особенностей. Своеобразіе гипотезы Вейсмана состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ не допускаетъ, чтобы особенности, которыя пріобрѣтаетъ соматическая плазма организма въ теченіе его существованія, т.-е. особенности, *пріобрѣтенныя* организмомъ въ личномъ опытѣ и упражненіи своихъ органовъ, могли вліять на характеръ зародышевой плазмы этого организма, ибо послѣдняя не производится соматической плазмой, а возникла прямо изъ зародышевой плазмы родительскаго организма. Поэтому всѣ особенности, пріобрѣтаемыя организмомъ въ его существованіи, *не наслѣдуются* потомствомъ. По наслѣдству же передаются лишь тѣ свойства, которыя находились уже въ зародышевой плазмѣ, и все различіе индивидуумовъ даннаго рода должно объясняться лишь смѣшеніемъ разныхъ родительскихъ зародышевыхъ плазмъ.

Эта теорія, которую мы здѣсь излагаемъ лишь вкратцѣ, была подробно развита авторомъ и подтверждена многими фактами. Однако она вызвала и многія возраженія, въ частности вызвало возраженія утвержденіе Вейсмана, что пріобрѣтенныя особью

въ ея жизни особенности никогда не передаются по наслѣдству. Дѣйствительно, такое утвержденіе врядъ ли основательно.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о психической наслѣдственности читатель можетъ найти въ книгѣ *Рибо*, «Наслѣдственность душевныхъ свойствъ», по которой составлена, главнымъ образомъ, и эта статья.

ЛОГИКА.

7. Логическіе методы: анализъ и синтезъ, индукція и дедукція

Каковъ *идеалъ* науки вообще, т.-е. какую цѣль имѣетъ въ виду развитіе и усовершенствованіе наукъ? Эти цѣли могутъ быть разны. Напримѣръ, цѣлью науки можно считать увеличеніе счастья людей, улучшеніе человѣческой личности и т. д. Однако все это уже косвенныя цѣли научнаго знанія. Прямою же ея цѣлью является, конечно, само знаніе, въ его полнотѣ и цѣльности. Такой идеалъ науки, какъ знанія, называется полной *научной системой*: научная система есть цѣль, къ которой стремится приблизиться всякая наука, въ своемъ совершенствованіи. Этотъ идеалъ науки, — полная научная система, — предполагаетъ, въ частности, три задачи, во-первыхъ, полноту описанія всѣхъ изучаемыхъ фактовъ, во-вторыхъ, *классификацію* (группировку) этихъ фактовъ, и въ-третьихъ, *объясненіе* или полное пониманіе этихъ фактовъ.

Наше познаніе стремится прежде всего къ совершенной полнотѣ описанія всѣхъ фактовъ. Полная научная система предполагаетъ, что вполнѣ описаны всѣ виды растеній и животныхъ, опредѣлены мѣста всѣхъ звѣздъ въ пространствѣ, составлена полная исторія земного шара и обитающаго его человѣчества, указаны свойства всѣхъ химическихъ веществъ и всѣхъ физическихъ явленій, описаны всѣ психическіе процессы и т. д. Но такая полнота описанія всѣхъ отдѣльныхъ вещей представила бы столь безмѣрное множество фактовъ, какое не могла бы сохранить никакая память. Поэтому вторая задача научной системы состоитъ въ классификаціи этихъ отдѣльныхъ фактовъ, подведеніи ихъ подъ общіе классы и понятія, съ отдѣленіемъ существеннаго и главнаго отъ несущественнаго и второстепеннаго. Этимъ въ хаосъ отдѣльныхъ фактовъ вносится порядокъ, но и этимъ задача научной системы еще не исчерпывается. Мы стремимся не только описать послѣдовательно всѣ явленія и вещи въ мірѣ, но и ихъ *понимать*, т.-е. познать причины этихъ явленій

и вещей. Установляя причину даннаго факта, мы изучаемъ его *закономѣрную зависимость* отъ другого или другихъ предшествующихъ ему фактовъ, обусловливающихъ его. Благодаря этому, данный фактъ становится для насъ понятнымъ въ его закономѣрной *необходимости*, т.-е. условной зависимости отъ его причины: если вновь явится эта причина, *должно* проявиться и обусловленное ею дѣйствіе или ея слѣдствіе.

Таковъ полный идеалъ науки, конечно, безмѣрно еще далекій отъ насъ. Логическіе пути или способы, помощью которыхъ наука отъ *даннаго* своего несовершеннаго состоянія можетъ приближаться къ этому своему идеалу научной системы, называются *логическими методами*. А такъ какъ всѣ наши знанія состоятъ частью изъ понятій, частью изъ сужденій, то можно говорить: 1) о логическихъ методахъ усовершенствованія научныхъ понятій, и 2) о логическихъ методахъ усовершенствованія научныхъ сужденій. Изъ методовъ перваго класса мы разсмотримъ здѣсь, какъ примѣры, такъ называемые анализъ и синтезъ понятій, а изъ методовъ второго класса — индуктивный и дедуктивный методы образованія научныхъ сужденій.

1) Анализъ понятій. Понятіемъ въ логическомъ смыслѣ называется такое общее (т.-е. относящееся ко многимъ сходнымъ вещамъ или явленіямъ) представленіе, которое *вполнѣ точно и опредѣленно* указываетъ *всѣ главныя свойства* этихъ вещей или явленій. Общія представленія образуются у насъ легко и полусознательно, когда мы видимъ рядъ сходныхъ вещей; напримѣръ, видя нѣсколькихъ людей подъ рядъ, мы образуемъ общее смутное представленіе о человѣкѣ, какъ существѣ извѣстной формы. Но преобразованіе этихъ общихъ смутныхъ представленій въ точныя и полныя понятія есть чрезвычайно сложная, трудная и медленная научная работа; напримѣръ, образованіе понятія о человѣкѣ включаетъ въ себя всю анатомію и физіологію его тѣла, понятіе о данной машинѣ,—напримѣръ, паровомъ двигателѣ—всѣ физическія и механическія представленія, точно опредѣленныя, о составѣ и дѣйствіи этого двигателя и т. д. Надо многосторонне наблюдать предметъ, производить съ нимъ многоразличные опыты, установить связь между его отдѣльными свойствами, чтобы достигнуть научнаго понятія о немъ. Зато тамъ, гдѣ мы обладаемъ такими понятіями, мы можемъ увѣренно и точно судить о соотвѣтственной ему вещи. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ научной системы есть, такимъ образомъ, образованіе научныхъ понятій. Первымъ способомъ, т.-е. методомъ, образованія такихъ понятій и является анализъ, т.-е. *разложеніе* вещи или явленія на ея свойства. Только разложивъ неопредѣленное сначала для насъ и

неясное въ своемъ составѣ сложное на его части, мы можемъ преобразовать неопредѣленное представленіе въ понятіе. Этотъ анализъ можетъ быть двоякаго вида. Во-первыхъ, мы можемъ разлагать вещи и явленія на ихъ элементарныя (простѣйшія) части. Такъ поступаетъ анатомъ, разлагая животный организмъ на его отдѣльные органы, химикъ — разлагая сложное вещество на элементы, физикъ — описывая и измѣряя отдѣльныя стороны изучаемаго имъ явленія, историкъ — сравнивая разныя показанія лѣтописей и устанавливая изъ ихъ сравненія истинное содержаніе древняго событія и т. д. Во-вторыхъ, анализъ можетъ состоять въ томъ, что въ разложенной суммѣ свойствъ изучаемаго явленія мы выдѣляемъ главныя, именно тѣ, которыя оказываются условіями, опредѣляющими другія свойства. Это — *причинный анализъ*, въ противоположность первому, какъ элементарному. Такъ, напримѣръ, физикъ, анализируя явленія звука, устанавливаетъ, что причиною его являются колебательныя движенія звучащаго тѣла и т. д. (Подробнѣе о пріемахъ нахожденія причинъ явленій см. ниже, въ отдѣлѣ объ индукціи.)

2) Методъ, противоположный анализу, называется *синтезомъ*, т.-е. соединеніемъ. Онъ состоитъ въ томъ, что, соединяя вновь всѣ части изучаемаго предмета, разложеннаго анализомъ, мы должны опять получить весь цѣлый предметъ. Этимъ провѣряется полнота анализа. Синтезъ можетъ быть тоже двоякаго рода — элементарнымъ синтезомъ и причиннымъ; напримѣръ, химикъ, разложивъ сложное вещество на его элементы, долженъ показать, что, соединяя вновь эти опредѣленные элементы, онъ получитъ дѣйствительно изучаемое вещество. Физикъ, опредѣливъ, что причиной звука являются колебательныя движенія, долженъ изъ этихъ колебательныхъ движеній сумѣть произвести всякій звукъ, и т. п.

3) Методы усовершенствованія сужденій: а) индукція. Понятіями составъ науки (и научной системы) не исчерпывается, въ него входятъ еще сужденія, главнымъ образомъ, сужденія объ общихъ законахъ явленій. Спрашивается, какими методами получаются такія сужденія въ наукѣ? Вопросъ этотъ можетъ быть выраженъ точнѣе слѣдующимъ образомъ. Задача науки состоитъ въ открытіи законовъ, т.-е. общихъ сужденій о вещахъ. Эти законы, прежде всего, должны быть причинными, т.-е. опредѣлять причину явленій. Между тѣмъ, въ нашемъ опытѣ мы имѣемъ сначала лишь *отдѣльныя*, частныя наблюденія. Какъ отъ этихъ частныхъ наблюденій возвыситься до общихъ причинныхъ законовъ? На этотъ вопросъ и долженъ отвѣтить методъ *индукціи*. Слово «индукція» значитъ наведеніе или, точнѣе, возведеніе, вос-

хожденіе (отъ частнаго къ общему). Въ чемъ же состоитъ, въ частности, этотъ логическій методъ?

Прежде всего требуется точнѣе опредѣлить смыслъ понятія «причина», въ его научномъ значеніи, ибо индукція имѣетъ задачей нахожденіе общихъ законовъ, именно о причинахъ явленій. Это понятіе долго было неясно; подъ причиной разумѣлись силы, творящія явленія, полагали, что причина должна уже содержать въ себѣ, въ скрытомъ видѣ, свое дѣйствіе и т. д. Но теперь въ наукѣ подъ причинами разумѣются тоже явленія же, такія же, какъ и ея дѣйствія, именно тѣ предшествующія данному дѣйствію явленія, которыя суть условія его возникновенія. Какимъ образомъ изъ явленія A возникаетъ B, остается всегда неизвѣстнымъ, и наше знаніе ограничено лишь установленіемъ ихъ *неизмѣнной временной послѣдовательности*. Всѣ причинныя отношенія имѣютъ характеръ лишь условныхъ предложеній: если существуетъ явленіе A, называемое причиною, должно за нимъ возникнуть явленіе B, называемое дѣйствіемъ этой причины. Напримѣръ, при нагрѣваніи металлическаго шеста возникаетъ закономѣрно расширеніе его; при соединеніи двухъ объемовъ водорода съ однимъ объемомъ кислорода возникаетъ равное имъ по вѣсу количество воды. Но почему это такъ, — или вообще неизвѣстно, или выражается лишь въ какой-нибудь гипотезѣ (т.-е. предположеніи), всегда остающейся подъ сомнѣніемъ, хотя сама закономѣрность причинной связи вполнѣ достовѣрна.

Изъ этого видно, что прямому наблюденію причинная зависимость совершенно недоступна. Въ опытѣ и наблюденіи намъ дается лишь временная послѣдовательность явленій A и B. Этимъ обстоятельствомъ и опредѣляется трудность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и характеръ тѣхъ научныхъ пріемовъ, которые составляютъ индуктивный методъ. Какъ выяснилъ Дж. Ст. Милль, такихъ пріемовъ можно различать четыре.

а) *Методъ совпаденія*, иначе называемый *методомъ единственнаго сходства*. Онъ основанъ на томъ соображеніи, что при сохраненіи причины должно сохраняться и ея дѣйствіе, когда всѣ другія обстоятельства измѣняются. Пусть, напр., данъ рядъ предшествующихъ явленій A, B, C и рядъ послѣдующихъ за ними a, b, c, и мы желаемъ узнать, которое изъ предшествующихъ есть причина a. Если, замѣнивъ въ предшествующихъ явленіяхъ всѣ обстоятельства B, C — другими, и, сохраняя неизмѣннымъ среди нихъ только одно A, мы при всѣхъ этихъ случаяхъ замѣчаемъ, что въ послѣдующихъ a сохраняется неизмѣннымъ, значитъ A есть дѣйствительно причина a. Напримѣръ, пусть мы ищемъ

причину электрическаго состоянія стеклянной палочки, когда ее трутъ шелкомъ. Этой причиной можетъ быть самое треніе, или форма палочки, или цвѣтъ шелка, или температура и т. п. Однако, производя этотъ опытъ съ палочками разныхъ формъ, шелкомъ разныхъ цвѣтовъ и т. д., и сохраняя неизмѣннымъ лишь фактъ тренія стекла о шелкъ, и получая всегда электричество, мы заключаемъ, что именно это треніе и есть искомая причина.

б) *Методъ (единственнаго) различія*. Если среди предшествующихъ явленій A, B, C мы удалимъ одно, напримѣръ, A, сохранивъ неизмѣнными всѣ прочія обстоятельства, то явленіе, которое исчезнетъ при этомъ изъ послѣдующихъ явленій, напримѣръ, a, имѣетъ своею причиною удаленное предшествующее явленіе, т.-е. A; съ удаленіемъ причины должно исчезать ея дѣйствіе. Пусть, напримѣръ, мы ищемъ причины увеличенія смертности въ данномъ городѣ. Если окажется, что эта смертность опять становится нормальной при очищеніи питьевой воды, значитъ причиной этого увеличенія были именно измѣнившіяся качества этой воды.

в) *Методъ сопутствующихъ измѣненій* основанъ на томъ соображеніи, что съ измѣненіемъ величины причины должна измѣняться и величина ея дѣйствія. Напримѣръ, на этомъ основаніи мы приходимъ къ утвержденію, что причиной силы звука является величина колебаній звучащаго тѣла: по мѣрѣ того, какъ звучащій каммертонъ затихаетъ, колебанія его становятся все меньше, и т. под.

г) *Методъ остатковъ* основанъ на слѣдующемъ соображеніи: если мы какимъ-нибудь образомъ заранѣе узнали, что изъ предшествующихъ явленій A, B, C, ни B, ни C не являются причиной послѣдующаго явленія a, то остается допустить, что таковой причиной можетъ быть только оставшееся предшествующее явленіе A. Такимъ именно способомъ, напримѣръ, астрономы Луверье и Адамсъ открыли существованіе планеты Нептуна по неправильностямъ въ движеніи планеты Урана, такъ какъ эти неправильности необъяснимы изъ вліянія другихъ ранѣе извѣстныхъ планетъ.

Индуктивный методъ вызываетъ много важныхъ и трудныхъ теоретическихъ вопросовъ, изъ которыхъ мы здѣсь укажемъ только на два. Во-первыхъ, спрашивается, на какомъ основаніи мы имѣемъ право распространять выводы, сдѣланные на основаніи наблюденія отдѣльныхъ вещей или явленія на *всѣ* явленія даннаго класса. Если мы изучили дѣйствительно *всѣ* вещи этого класса, и во всѣхъ нихъ нашли наше свойство, то, конечно, такое право понятно. Напримѣръ, если мы утверждаемъ, что вписанный

въ кругъ уголъ всегда измѣряется половиною дуги, на которую онъ опирается, и для доказательства разсматриваемъ всѣ три возможныхъ случая (центръ круга лежитъ на сторонѣ вписаннаго угла,— между его сторонами и — внѣ вписаннаго угла); здѣсь право обобщенія понятно. Однако это сравнительно рѣдкій случай (такъ называемая полная индукція, черезъ полное исчисленіе всѣхъ случаевъ); гораздо же чаще индуктивный общій законъ основанъ на наблюденіи лишь нѣкоторыхъ случаевъ и, однако, выражается въ общемъ видѣ. Химикъ, разложивъ опредѣленное количество воды на кислородъ и водородъ, утверждаетъ это свойство о водѣ вообще; физикъ, доказавъ, что данный газъ подчиняется закону Бойль-Маріотта (упругость газа обратно пропорціональна его объему), распространяетъ это на всѣ газы; геологъ, найдя на *данномъ* участкѣ извѣстныя окаменѣлости въ опредѣленной формаціи, говоритъ объ этихъ окаменѣлостяхъ, какъ свойственныхъ вообще этой формаціи; патологъ, найдя извѣстныя измѣненія тканей при извѣстной болѣзни у *даннаго* животнаго, расширяетъ это на всѣ случаи этой болѣзни и т. д. Равнымъ образомъ въ общежитіи мы постоянно расширительно толкуемъ наши отдѣльныя наблюденія. Впрочемъ, такое расширительное толкованіе неполной индукціей основательно лишь тогда, когда идетъ дѣло о причинныхъ законахъ: изъ того, что въ извѣстномъ случаѣ расширеніе мѣди происходитъ при повышенной температурѣ, можно заключать съ достаточной увѣренностью, что такъ будетъ и въ другихъ случаяхъ, но изъ того, что въ Европѣ мы встрѣчаемъ людей бѣлой кожи, совсѣмъ неосновательно было бы заключить, что и вообще на земномъ шарѣ всѣ люди бѣлые.

Такимъ образомъ истинной основой индукціи (не полной) является, въ сущности, общій законъ причинности (тѣ же причины всегда производятъ тѣ же дѣйствія), вслѣдствіе чего отдѣльный изученный нами случай причинной зависимости мы толкуемъ расширительно, т.-е. какъ *представителя* этого общаго закона. Расширеніе индуктивныхъ выводовъ за предѣлы прямо наблюдаемаго обусловлено заранѣе существующимъ у насъ убѣжденіемъ въ вѣрности общаго закона причинности: общій выводъ, въ дѣйствительности, получаетъ значеніе не отъ отдѣльнаго факта, но отъ мысли, что этотъ отдѣльный фактъ есть частный случай общаго закона. Вопросъ же о томъ, откуда получается убѣжденіе въ истинѣ этого закона причинности слишкомъ сложенъ, чтобы здѣсь его разрѣшать.

Второе обстоятельство, на которое надо обратить вниманіе для пониманія индукціи, состоитъ въ томъ, что всякій общій индуктивный выводъ все же остается до нѣкоторой степени лишь вѣроят-

нымъ и никогда не дѣлается *безусловно* вѣрнымъ. Мы убѣждены, что вода состоитъ изъ кислорода и водорода, что желѣзо окисляется и т. д.; но всегда остается возможнымъ, что эти законы окажутся частными, что, напримѣръ, мы можемъ встрѣтить химическое тѣло, вполнѣ подобное водѣ, однако иное по составу, или найти металлъ, сходный во всемъ съ желѣзомъ, однако не окисляющійся и т. д. Вѣроятность такихъ открытій можетъ постепенно убывать, но она никогда не станетъ равною нулю, т.-е. индуктивные законы неполной индукціи никогда не могутъ достигнуть степени безусловной достовѣрности.

4) Методы усовершенствованія сужденій: б) дедукція. Слово «дедукція» значитъ «нисхожденіе», т.-е. въ логическомъ смыслѣ, переходъ отъ болѣе высокихъ (общихъ) сужденій къ болѣе частнымъ. Это есть тоже, какъ и индукція, способъ полученія достовѣрныхъ новыхъ сужденій, но въ то время, какъ индукція восходитъ отъ отдѣльныхъ фактовъ къ общимъ законамъ, дедукція представляетъ логическій выводъ изъ общаго положенія всѣхъ его необходимыхъ слѣдствій, болѣе частнаго характера.

Дедуктивные методы очень разнообразны и часто весьма сложны. Мы поэтому не будемъ входить здѣсь въ ихъ подробное изложеніе и укажемъ только вкратцѣ на общую имъ всѣмъ основу. Такою основою является всегда такъ называемый *силлогизмъ*. Силлогизмъ есть вообще логическое обоснованіе (выводъ) нѣкотораго сужденія, которое само по себѣ для насъ не очевидно, на двухъ другихъ сужденіяхъ, изъ которыхъ одно имѣетъ обыкновенно общій характеръ, а другое подводитъ нашъ частный случай подъ этотъ общій законъ. Положимъ, напримѣръ, что врачъ своему паціенту назначаетъ какое-нибудь лѣкарство, на томъ основаніи, что такія болѣзни излѣчиваются такимъ лѣкарствомъ. Въ такомъ случаѣ логическій ходъ его мысли распадается на слѣдующіе элементы: 1) всѣмъ больнымъ этого рода помогаетъ такое лѣкарство (общее положеніе), 2) это лицо есть именно больной такого рода, 3) слѣдовательно, и ему поможетъ такое лѣченіе. Въ общемъ законѣ о данномъ паціентѣ, конечно, ничего прямо не говорится, но мы утверждаемъ, однако, что и ему поможетъ это лѣченіе, ибо онъ подходитъ подъ общій классъ больныхъ, которымъ это лѣкарство помогаетъ: если оба первыхъ положенія вѣрны, то безъ всякаго дальнѣйшаго фактическаго изслѣдованія, однимъ логическимъ силлогизмомъ, выводится достовѣрность третьяго сужденія, какъ слѣдствія изъ двухъ первыхъ. Всѣ чисто раціональныя или доказательныя науки, и въ первомъ ряду математика, постоянно пользуются такимъ именно способомъ разсужденія. Въ логикѣ подробно излагаются

правила, при которыхъ разные виды силлогизма (они весьма разнообразны) получаютъ дѣйствительную доказательную силу, но изученіе этихъ подробностей мы должны предоставить любознательности самого читателя. Онъ можетъ ознакомиться въ доступномъ изложеніи съ этимъ предметомъ, а равно и съ подробностями индуктивнаго и дедуктивнаго метода, напримѣръ, изъ слѣдующихъ книгъ: *Минто*, «Дедуктивная и индуктивная логика»; *Введенскій*, «Логика для гимназій» (стр. VIII + 200, ц. 1 р.); *Челпановъ*, «Учебникъ логики» (стр. VIII + 194, ц. 1 р.).

ФИЛОСОФІЯ.

8. Метафизика.

Слово «метафизика» случайнаго происхожденія и означаетъ буквально «то, что за физикой». Такъ названы были первоначально тѣ сочиненія Аристотеля, которыя помѣщались послѣ его физическихъ изслѣдованій и имѣли предметомъ основные вопросы философіи, «первичную философію». Въ укрѣпившемся затѣмъ переносномъ значеніи метафизикой стали называться вообще философскія теоріи о *сущности* міра и его явленій, и эти разнообразныя теоріи составляютъ главное содержаніе всей исторіи философіи отъ ея начала въ древней Греціи и вплоть до новаго времени.

Въ цвѣтущихъ греческихъ городахъ, на берегахъ Малой Азіи возникла впервые въ человѣческой исторіи, приблизительно за 6 вѣковъ до Р. Хр., научная мысль и именно философская. До тѣхъ поръ у разныхъ древнихъ восточныхъ народовъ — у египтянъ, финикіянъ, ассирійцевъ,— и у самихъ грековъ существовали различныя религіозныя, миѳологическія и нравственныя ученія и отдѣльныя научныя открытія, имѣвшія, однако, лишь практическій характеръ. Впервые счастливое соединеніе матеріальныхъ, соціальныхъ и культурныхъ условій съ особо одаренною духовною природою древняго грека создало въ это время условія, въ которыхъ личность человѣка достигла достаточной свободы и обратилась къ чисто теоретическимъ вопросамъ о томъ, изъ чего состоитъ міръ, какая его основная матерія, и какъ превращается она въ отдѣльныя вещи. Сначала эта философія заключала въ себѣ всѣ вообще науки, которыя позднѣе выдѣлились, такъ что на долю философіи осталось изученіе *основныхъ началъ, сущностей*, лежащихъ въ основѣ всѣхъ явленій, т.-е. метафизика. Эта исторія метафизической мысли разви-

вается, въ ея разнообразныхъ выраженіяхъ, на протяженіи всей древне-греческой исторіи, при чемъ ея важнѣйшими представителями были *Сократъ* (469 — 399 до Р. Хр.), *Платонъ* (427 — 347 до Р. Хр.) и *Аристотель* (385 — 322 до Р. Хр.); она перешла затѣмъ черезъ римскую культуру въ средневѣковую схоластику и развивалась далѣе съ эпохи Возрожденія великими мыслителями-метафизиками Западной Европы *Декартомъ* (1596 — 1650), *Спинозою* (1632 — 1677), *Лейбницемъ* (1646 — 1716) и въ XIX вѣкѣ — *Фихте*, *Шеллингомъ*, *Гегелемъ*, *Шопенгауэромъ* и многими другими.

Глубокій интересъ метафизическихъ вопросовъ о сущности міра не подлежитъ никакому сомнѣнію. Теоретическіе, нравственные и религіозные интересы равно могущественно влекли человѣческую мысль къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Человѣкъ мыслящій всегда искалъ себѣ цѣльнаго, полнаго и глубокаго міровоззрѣнія, которое отвѣтило бы ему на вопросы, что такое матерія и духъ, каково отношеніе души и тѣла, откуда произошла жизнь, есть ли высшій смыслъ въ исторіи человѣчества, въ чемъ состоитъ правда жизни, существуетъ ли Божество, каково Его отношеніе къ міру, и такъ далѣе. А эти именно вопросы и пыталась разрѣшить метафизика. Вопросъ, однако, въ томъ, достижимо ли такое знаніе для человѣческаго ума, т.-е. могутъ ли быть получены въ этой области дѣйствительно научные отвѣты, можетъ ли стать метафизика *наукой?* Сомнѣніе въ этомъ высказали еще въ древней Греціи такъ называемые софисты, затѣмъ съ новой силою это отрицательное отношеніе къ претензіямъ метафизики проявилось у англійскихъ философовъ XVII и XVIII вѣковъ, напримѣръ, *Локка* и *Юма* и, наконецъ, рѣшительный ударъ метафизикѣ, какъ мнимой наукѣ, нанесъ *Кантъ* въ своей «Критикѣ Чистаго Разума» (1781 г.). Правда, и послѣ Канта многіе выдающіеся философы строили метафизическія теоріи, и донынѣ она имѣетъ немало сторонниковъ. Однако большинство мыслителей, въ томъ числѣ и мы, считаемъ судьбу метафизики, какъ науки, навсегда послѣ *Канта* покончennой, и видимъ въ ней лишь великое умственное заблужденіе прошлаго. Вопросы метафизики представляютъ огромную важность, но *научныхъ* отвѣтовъ на нихъ человѣческая мысль дать не въ состояніи. Въ статьѣ «Критическая философія» излагаются главныя мысли Канта о невозможности метафизики, какъ науки. Здѣсь же мы ограничимся лишь однимъ возраженіемъ.

Метафизика должна быть ученіемъ о сущностяхъ, о томъ, что не есть только явленіе для нашего познанія, но существуетъ совершенно независимо отъ познающаго человѣка. Спрашивается, откуда

можетъ быть у насъ такое знаніе? Оно не можетъ, очевидно, происходить изъ нашего опыта, ибо то, что даетъ намъ нашъ опытъ, есть лишь явленіе для насъ, нѣчто не абсолютное (безусловное), а лишь относительное. Всякое свойство, какое мы приписываемъ вещамъ, на опытѣ дано первоначально въ нашихъ ощущеніяхъ, ощущенія же эти соотносительны лишь намъ, суть наши ощущенія. Но метафизическое познаніе не можетъ происходить и изъ нашего разума, ибо нашъ разумъ не творитъ себѣ содержанія, а лишь закономѣрно, логически связываетъ содержаніе, почерпаемое нами изъ опыта, изъ ощущеній. То, что онъ самъ можетъ дать, всегда есть лишь понятія, и соотвѣтствуетъ ли имъ дѣйствительность сущностей, остается навсегда лишь гипотезою. Мы можемъ въ нашемъ разумѣ образовать понятія, но ихъ дѣйствительное существованіе можетъ быть удостовѣрено лишь опытомъ.

Иначе ту же мысль можно разъяснить слѣдующимъ способомъ. Можемъ ли мы познать сущность тѣлъ? Нѣтъ, ибо свойства тѣлъ, извѣстныя намъ въ опытѣ, всегда относительны: тяжесть тѣла есть его отношеніе къ землѣ; цвѣтъ — къ солнечному свѣту и т. д. Чисто же умственное построеніе понятія о сущности тѣлъ остается лишь гипотезою, возможною, но никогда научно необязательной; если она касается опытныхъ свойствъ тѣла, они окажутся лишь опять-таки относительными, если же — сверхопытныхъ, т.-е. совершенно опытомъ не провѣренныхъ, то утверждать ихъ реальность строго научно непозволительно. То же надо сказать и о сущности души. Ея свойства, данныя намъ въ опытѣ, т.-е. наши представленія, желанія, чувства, всегда мѣняются, текутъ, т.-е. самой сущности души не составляютъ. Если же мы составимъ разумомъ понятіе объ этой сущности, то само по себѣ такое понятіе навсегда останется гипотетическимъ, т.-е. хотя бы и возможнымъ, но реально не подтвержденнымъ, ибо это есть лишь образованіе, созданное нашимъ умомъ.

Хотя, такимъ образомъ, метафизическія теоріи остаются и останутся навсегда лишь гипотезами, и никогда не могутъ сдѣлаться достояніемъ достовѣрнаго научнаго знанія, однако онѣ имѣютъ все же высокій для человѣка интересъ, ибо, во-первыхъ, мы въ правѣ выбирать себѣ изъ нихъ ту, которая, напр., болѣе соотвѣтствуетъ нашимъ нравственнымъ запросамъ (критическій философъ только долженъ помнить, что научной истиной отъ того эта гипотеза все же не дѣлается, а остается лишь удовлетворяющей его личнымъ, напримѣръ, нравственнымъ запросамъ). Во-вторыхъ, метафизическія ученія высоко интересны для исторіи человѣческой мысли, будучи глубокими выразителями

смѣны міровоззрѣній разныхъ эпохъ. Мы поэтому здѣсь вкратцѣ очертимъ нѣкоторыя изъ этихъ гипотезъ, наиболѣе яркихъ и замѣчательныхъ. Но такъ какъ многія изъ этихъ гипотезъ очень сложны и трудны для пониманія, то нашъ популярный очеркъ можетъ лишь указать основныя, самыя характерныя черты въ нихъ. Читатель, желающій получить болѣе точное понятіе объ исторіи метафизики, долженъ обратиться къ изученію сочиненій, перечисленныхъ въ концѣ этой статьи.

1) Идеологія Платона. Платонъ первый создалъ систему нематеріалистической метафизики. Онъ утверждалъ, что кромѣ видимаго нами, чувственнаго, матеріальнаго и измѣнчиваго міра существуетъ еще другой, высшій міръ — сверхчувственный, нематеріальный и вѣчно неизмѣнный. На существованіе этого міра указываетъ и фактъ нашего чисто разумнаго познанія (напр., въ математикѣ) и стремленіе нашего духа къ этому познанію высшей истины. Этотъ сверхчувственный міръ состоитъ изъ того, что Платонъ назвалъ «идеями», понимая, однако, подъ идеею не наши мысли, а ихъ предметы,—то, что мы познаемъ въ чистомъ мышленіи. Чувственный же міръ есть лишь тѣнь или отраженіе этого верховнаго міра, къ которому стремится наша душа, нѣкогда, до земного существованія, созерцавшая его, а нынѣ его вспоминающая (въ процессѣ мышленія) и о немъ тоскующая. Философія есть такая тоска или стремленіе къ этому высшему міру — философскій Эросъ (по-гречески — любовь, стремленіе). Истина, красота, добро — все это свойства прежде всего высшаго міра идей. Во главѣ этихъ идей стоитъ верховная идея блага.

Эта первая система идеалистической метафизики имѣла огромное нравственное и культурное вліяніе въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, и всѣ системы идеализма, вплоть до Гегеля, лишь развивали ея содержаніе.

2) Формалистическая метафизика Аристотеля. Основная мысль системы Аристотеля можетъ быть пояснена слѣдующимъ образомъ. Все сложное можно понимать двояко: или такъ, что характеръ сложнаго зависитъ отъ свойствъ частей, изъ которыхъ оно сложено, или, наоборотъ, понимать цѣлое сложное, какъ само-опредѣляющее характеръ частей, какъ своихъ органовъ. Эта вторая точка зрѣнія особенно явственна, когда идетъ дѣло объ организмахъ: въ нихъ части не случайно соединены, но соотвѣтствуютъ другъ другу, и это соотвѣтствіе ихъ цѣлому и опредѣляетъ ихъ свойства. Онѣ существуютъ для цѣлаго, суть его органы, выражаютъ это цѣлое. Первое направленіе, объясняющее цѣлое изъ свойствъ отдѣльныхъ, случайно соединившихся, элементовъ обыкновенно ведетъ къ матеріализму. Напротивъ, та философская

система, которая смотритъ на цѣлое, какъ на опредѣляющее характеръ своихъ частей или служебныхъ органовъ, которая находитъ свое начало въ цѣломъ, въ *формѣ*, есть философія *формалистическая*. Такова именно система Аристотеля, смотрящаго на каждую отдѣльную цѣльную вещь, какъ на нѣкоторый своеобразный организмъ, въ которомъ форма опредѣляетъ свойства составныхъ ея частей.

Эти *формы, т.-е. цѣльности* или внутреннія закономѣрности вещей есть нѣчто подобное идеямъ Платона, только Аристотель помѣщаетъ ихъ не внѣ чувственнаго міра, но въ самыя чувственныя вещи, какъ ихъ внутреннюю цѣль и внутреннюю дѣлесообразность.

3) Матеріалистическая метафизика предполагаетъ, что за чувственнымъ, видимымъ нами міромъ явленій, съ его цвѣтами, звуками, запахами и вкусами стоитъ другой, дѣйствительный міръ — міръ матеріальныхъ атомовъ. Этимъ атомамъ свойственны лишь фигура, величина и однородная матеріальность — непроницаемость Они движутся въ пустомъ пространствѣ; тѣ геометрическія комбинаціи, въ которыя они при этомъ случайно слагаются, и составляютъ всю исторію міра. Чувственная же картина, открываемая намъ опытомъ нашихъ чувствъ, есть картина иллюзорная, ложная. Какимъ образомъ можетъ возникнуть такая, хотя бы и иллюзорная, картина, если въ дѣйствительности существуютъ только матеріальные атомы, матеріалистическая метафизика никогда объяснить не могла.

Представителями такихъ воззрѣній были въ древности *Демокритъ* (въ IV вѣкѣ до Р. Хр.) и *Эпикуръ* (II в. до Р. Хр.), въ XVIII вѣкѣ *Ламетри* и *Гольбахъ*, въ XIX — *Молешотъ*, *Бюхнеръ*, *Фохтъ* и др.

4) Спиритуалистическая метафизика исходитъ изъ мысли, прямо противоположной матеріализму. Всякая матеріальная вещь есть, собственно говоря, сумма нашихъ ощущеній. Что мы можемъ приписывать вещи кромѣ того, что видимъ, слышимъ, обоняемъ и т. д.? Вещь есть сумма моихъ представленій. Если говорится о вещахъ, которыхъ никто не видѣлъ, напр., о раскаленной внутренности земного шара, то и онѣ описываются лишь свойствами, которыя ощущалъ бы тотъ наблюдатель, который могъ бы ихъ наблюдать. Итакъ, нѣтъ вещей, какъ самостоятельно существующихъ, а есть только вещи, какъ явленія въ моемъ сознаніи. Отсюда спиритуализмъ выводитъ свое главное утвержденіе: существуютъ лишь души съ ихъ психическими состояніями. Эти психическія состоянія порождаетъ въ нихъ верховная сила — Богъ. Такая метафизика называется спиритуализмомъ (spiritus—духъ),

ибо признаетъ лишь духовныя существа. Представителемъ ея былъ, напримѣръ, англичанинъ Беркли (1685 — 1753).

5) Дуалистическая метафизика утверждаетъ, что міръ въ дѣйствительности двойствененъ, состоитъ изъ двухъ совершенно разныхъ сущностей: душъ или духовъ и матеріи. Каждая изъ этихъ сущностей независима отъ другой и подчиняется лишь своимъ законамъ. Какимъ образомъ при этомъ можетъ быть соотвѣтствіе между явленіями этихъ двухъ сущностей, дуализмъ никогда объяснить не могъ.

Такое ученіе, напримѣръ, развилъ Декартъ (1596—1650).

6) Монистическая метафизика. Спиноза (1632—1677) полагалъ, что въ основѣ всѣхъ явленій какъ физическихъ, такъ и духовныхъ лежитъ одна единая сущность, измѣненія которой и представляетъ весь міръ и его исторія. Все въ сущности — одно, различія же состоятъ лишь въ разныхъ проявленіяхъ этой единой сущности.

Популярное изложеніе разныхъ метафизическихъ теорій можно найти, напр., у *Кюльпе*: «Введеніе въ философію», и *Его же*: «Современная философія въ Германіи»; у *Гефдинга*: «Учебникъ исторіи новой философіи»; *Челпанова*: «Введеніе въ философію».

9. Позитивная философія.

1. Въ статьѣ «Метафизика» мы видѣли, какія глубокія и обширныя задачи ставила себѣ метафизическая философія, и какъ часто она сближалась съ религіею, по крайней мѣрѣ, по своему предмету. Она стремилась выйти за предѣлы чувственнаго міра, открыть природу сущностей, выяснить отношеніе Бога къ міру и человѣку, указать послѣднему его міровое назначеніе, вскрыть его судьбу послѣ смерти и т. п. Хотя разные мыслители давали на эти вопросы весьма различные и несогласные между собою отвѣты, такъ что единомыслія никогда не получалось, однако общекультурное, просвѣтительное и нравственное значеніе этихъ ученій часто было весьма велико. Достаточно вспомнить, напримѣръ, значеніе, которое имѣли для христіанскаго вѣрученія идеализмъ Платона или для средневѣковой мысли философія Аристотеля. Однако, начиная, главнымъ образомъ, съ XVII вѣка и затѣмъ еще болѣе въ XVIII и XIX вѣкахъ въ Западной Европѣ стали появляться мыслители, которые утверждали, что метафизическое познаніе для человѣческаго ума недоступно, что наши знанія всегда ограничены предѣлами опыта. Такъ какъ міръ сущностей опытному познанію не подлежитъ, то онъ навсегда закрытъ

для науки. Такое критическое и отрицательное отношеніе къ метафизикѣ развивали *Локкъ* (1632—1704), *Юмъ* (1711—1776) и, главнымъ образомъ, *Кантъ* (1724—1804). Кромѣ ихъ теоретическихъ изслѣдованій природы человѣческаго ума и его границъ, устраненію метафизической философіи способствовали и разныя другія причины. Такою причиною были, во-первыхъ, безконечныя разногласія между самими метафизиками, при чемъ каждый изъ нихъ рѣзко отрицалъ истинность утвержденій другого. Эта невозможность ни для одного изъ метафизическихъ ученій стать общепризнанной научной истиной особенно бросалась въ глаза при сравненіи съ блестящими успѣхами, которыхъ стали быстро достигать положительныя науки, начиная съ эпохи Возрожденія. Поразительный прогрессъ новой астрономіи, математики, физики и механики (Коперникъ, Кеплеръ, Галилей, Ньютонъ), а затѣмъ химіи, зоологіи и ботаники (Лавуазье, Кювье, Линней) наводилъ на мысль, что только положительное знаніе можетъ быть настоящей наукою. И, наконецъ, еще одно обстоятельство сильно повліяло на пониженіе интереса къ метафизическимъ вопросамъ, именно ослабленіе значенія религіи, весьма явное въ XVII и XVIII вѣкахъ: интересы «свѣтскіе», земные, вопросы гражданственности, свѣтской литературы, физической культуры, политики, развитіе промышленности и торговли выступили на первый планъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ возникла философія, которая принципіально отказывается отъ теоретическаго разрѣшенія метафизическихъ вопросовъ о сущности міра и признаетъ, что наше знаніе ограничено предѣлами опыта.

При этомъ задачей самой философіи, въ ея отличіи отъ отдѣльныхъ положительныхъ наукъ, можетъ явиться или теорія самого знанія, какъ такового, или сведеніе въ общую цѣльную систему главныхъ результатовъ, добытыхъ спеціальными науками. Въ первомъ задачу философіи видитъ *Кантъ* (см. статью «Критическая философія), во второмъ — такъ называемый *позитивизмъ*, главнымъ основателемъ котораго явился *Контъ*.

2. **Огюстъ Контъ** родился въ Монпелье въ 1798 году и получилъ образованіе въ Парижской политехнической школѣ, гдѣ изучалъ, главнымъ образомъ, математику, астрономію и физику, вообще точныя науки. Впослѣдствіи онъ дополнилъ свои знанія біологическими и историческими свѣдѣніями. Въ молодости Контъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Сенъ-Симономъ, соціальнымъ реформаторомъ и основателемъ во Франціи соціализма. Сенъ-Симонъ полагалъ, что измѣненіе политическихъ формъ имѣетъ малое значеніе, напротивъ, важны соціальныя реформы, которыя

должны поднять умственно и экономически рабочій классъ. Въ противоположность французскимъ либераламъ, онъ видѣлъ въ среднихъ вѣкахъ великій организаціонный періодъ, въ которомъ господствовало одно общее міровоззрѣніе, руководившее всѣми, именно католическое церковное ученіе. Затѣмъ, когда силы, дѣйствовавшія въ средніе вѣка — духовная власть Церкви и свѣтская власть сеньоровъ — отжили свое время, насталъ періодъ анархическій — эпоха революціи. Нынѣ задача состоитъ въ томъ, чтобы внести въ эту анархію новый порядокъ, новую организацію: въ ней духовная власть будетъ принадлежать наукѣ, а свѣтская — экономическимъ факторамъ. Эти идеи оказали сильное вліяніе и на Конта. Онъ тоже отрицательно относится къ либерализму, индивидуальной свободѣ, анархіи мнѣній, и ставитъ себѣ задачей создать цѣльное, соотвѣтствующее современности общее міровоззрѣніе—позитивное (т.-е. положительное). Оно должно представить въ обыденной системѣ главныя положенія позитивныхъ наукъ и дополнить ихъ созданіемъ еще одной науки — позитивной соціологіи, т.-е. научнаго ученія объ обществѣ, изъ котораго будетъ вытекать и научная политика. Слово позитивный (положительный) онъ понимаетъ въ разныхъ значеніяхъ, понимая подъ нимъ положительное или фактическое знаніе, далѣе, знаніе реально-полезное, несомнѣнное или безспорное, точно опредѣленное, и, наконецъ, такое, которое можетъ созидать положительный порядокъ въ обществѣ, а не только разрушать старое.

Контъ изложилъ сначала свою систему положительной философіи въ рядѣ лекцій, прочитанныхъ передъ избранной аудиторіей выдающихся ученыхъ, а затѣмъ опубликовалъ ее въ шести томахъ, излагающихъ послѣдовательно основные законы математики, астрономіи, физики, химіи, біологіи и соціологіи. Сочиненіе вышло подъ заглавіемъ «Курсъ позитивной философіи».

Во вторую половину своей жизни Контъ дальнѣйшимъ образомъ развивалъ свою систему. Именно онъ пришелъ къ мысли, что наука важна постольку, поскольку будетъ воспитывать человѣчество въ духѣ цѣльнаго міровоззрѣнія, проникнутаго одною верховною цѣлью, именно объединенія людей на службѣ всего человѣчества, какъ цѣльнаго. Постепенно эта мысль о человѣчествѣ, какъ цѣльномъ организмѣ, стала для Конта основой для новой религіи, въ которой человѣчество явилось Верховнымъ Существомъ, замѣнившимъ Бога, для позитивиста непознаваемаго. Контъ дошелъ даже до созданія особаго культа этой новой религіи и основалъ «церковь позитивистовъ». Эти идеи изложены были имъ во второмъ его большомъ сочиненіи «Соціальной политикѣ или трактатѣ соціологіи, учреждающей религію человѣче-

ства» (въ четырехъ томахъ). Эти воззрѣнія повели къ расколу между послѣдователями Конта. Одни ихъ приняли, другіе увидѣли въ нихъ измѣну позитивной философіи. Контъ скончался въ 1857 году.

3. Наиболѣе важно ученіе Конта о законѣ трехъ ступеней знанія, далѣе его классификація наукъ и, наконецъ, его соціологическія теоріи. Всякое наше знаніе проходитъ, по Конту, черезъ *три послѣдовательныя ступени развитія* — теологическую (богословскую), метафизическую и позитивную. Сначала человѣкъ объясняетъ явленія природы волею воображаемыхъ духовныхъ существъ, т.-е. боговъ. Чтобы обезпечить себя и защитить, онъ имъ молится и приноситъ разныя жертвы. Эта теологическая точка зрѣнія на міръ создаетъ первоначально фетишизмъ, далѣе многобожіе и, наконецъ, единобожіе. Всѣ науки прошли нѣкогда черезъ такую стадію, но слѣды ея нынѣ существуютъ, главнымъ образомъ, въ наиболѣе трудной и сложной наукѣ—соціологіи, въ видѣ ученія о руководящемъ исторіей Провидѣніи. По мѣрѣ обнаруженія закономѣрности явленій, теологическая стадія смѣнилась метафизической, на которой человѣкъ объясняетъ явленія особыми отвлеченными метафизическими сущностями или силами, жизненною силою, а на всю природу смотритъ, какъ на проявленіе какой-нибудь единой субстанціи и т. п. Въ соціологіи эта стадія выражается ученіемъ объ отдѣльныхъ юридическихъ личностяхъ, которыя свободнымъ договоромъ составили государство и тому подобныхъ метафизическихъ фикціяхъ. Вообще метафизическая стадія имѣетъ, по Конту, болѣе разрушительное, революціонное значеніе, чѣмъ созидательное: она есть лишь переходная ступень. Наконецъ на третьей, позитивной стадіи, человѣкъ понимаетъ, что законы явленій суть не какія-то силы, а лишь закономѣрности (сходства и послѣдовательности) самихъ явленій, и ограничиваетъ свое познаніе фактами, имъ наблюдаемыми. Эта чисто позитивная система наукъ имѣетъ для человѣчества столько же созидательное и организующее значеніе, какимъ обладала прежде религія. На ней можетъ быть построена система убѣжденій, она можетъ лечь въ основу созданія новаго общественнаго порядка, обновить и направить искусство, дать руководящія начала для воспитанія новыхъ поколѣній. Задача позитивной философіи и состоитъ въ томъ, чтобы создать такое новое, цѣльное міровоззрѣніе, возведя всѣ основныя науки къ строго научному виду. Для этого, однако, необходимо ясно понять соотношенія между отдѣльными науками, и ихъ мѣсто въ общей системѣ знанія. Это даетъ Контъ своею классификаціей наукъ.

4. Классификація наукъ. Контъ утверждаетъ, что есть шесть основныхъ наукъ, которыя должны быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

математика
астрономія
физика
химія
біологія
соціологія.

Математика изучаетъ самыя общія свойства всѣхъ тѣлъ: ихъ протяженіе, счислимость и движеніе. Предметъ астрономіи уже болѣе частный — свойства тѣлъ, составляющихъ нашу планетную систему. Физика есть еще болѣе частная наука, ибо изучаетъ общія свойства тѣлъ въ предѣлахъ земного шара (звуки, свѣтъ, электричество, магнетизмъ и т. п.). Химическія свойства представляютъ далѣе особенности, одинаковыя уже не для всѣхъ земныхъ тѣлъ, но разныя для разныхъ ихъ группъ. Біологія имѣетъ задачу еще болѣе частную—установить закономѣрности явленій лишь въ области органическихъ тѣлъ. И наконецъ, этотъ рядъ долженъ быть еще дополненъ одною высшею наукою, именно соціологіей, изучающей человѣческіе организмы въ ихъ соціальномъ строѣ. Основаніе этой науки Контъ приписываетъ себѣ, и она должна замѣнить собою частью прежнія,—юриспруденцію и мораль, какъ области метафизическія, частью исторію, которая лишь описывала отдѣльныя событія, но не могла установить общихъ законовъ соціальной жизни человѣчества. Психологію Контъ исключаетъ изъ основныхъ рядовъ, не признавая ее самостоятельной: душевныя явленія частью обусловлены органически и, слѣдовательно, входятъ въ составъ біологіи, частью — соціально, и изучаются потому соціологіей.

Указанный рядъ наукъ лишь постепенно и послѣдовательно достигаетъ позитивной стадіи: раньше всего этого достигла математика, затѣмъ физика, въ біологіи еще и теперь немало метафизики, соціологія полна еще даже теологическихъ фантазій.

Въ основѣ этой классификаціи Конта лежитъ, главнымъ образомъ, слѣдующая мысль. Каждая высшая группа явленій, сравнительно съ предыдущей, обладаетъ свойствами предыдущихъ группъ, но, кромѣ того, и нѣкоторыми особенностями, на первыя несводимыми. Такъ, всѣ явленія физическія подчинены математическимъ и механическимъ законамъ, однако въ нихъ есть и нѣчто особое, на математику и механику несводимое. То же надо сказать о біологическихъ явленіяхъ, въ ихъ отношеніи къ физикѣ

и химіи, и далѣе о соціологіи въ ея отношеніи къ біологіи. Попытки свести сполна физическія явленія къ механическимъ, біологическія — къ химическимъ, соціальныя — къ біологическимъ (органическимъ) Контъ считаетъ метафизикой, ищущей во что бы то ни стало единства. Именно, сохраненіе и пониманіе истинной іерархіи явленій есть признакъ позитивныхъ наукъ. Задача позитивной философіи состоитъ въ томъ, чтобы исключивъ изъ этихъ основныхъ наукъ всѣ метафизическіе и теологическіе остатки, возвести ихъ къ чисто позитивному состоянію, въ которомъ предметомъ познанія признается лишь установленіе законовъ (сходствъ и преемственностей) между явленіями, и, соединивъ эти законы въ ихъ іерархическомъ подчиненіи, создать тѣмъ для человѣчества цѣльное и уже незыблемое научное міровоззрѣніе, которое могло бы имъ руководить во всѣхъ его стремленіяхъ и дѣйствіяхъ. Въ этомъ смыслѣ, конечно, важнѣе всего для человѣка послѣдняя — высшая наука — соціологія.

5. Соціологія Конта. Изложенію основъ соціологіи посвящена вся вторая половина «Курса позитивной философіи», т.-е. три послѣднихъ тома. Она замѣняетъ у Конта цѣлый рядъ прежнихъ наукъ, какъ-то: юриспруденцію, политическую экономію, философію исторіи и этику, и дѣлится на двѣ части: соціальную статику и соціальную динамику.

Въ соціальной *статикѣ* Контъ излагаетъ законы одновременныхъ общественныхъ явленій, напримѣръ, взаимоотношеній, существующихъ между идеями, нравами и учрежденіями въ обществѣ. Вообще общественные союзы представляютъ нѣчто столь тѣсно связанное и цѣльное, что нельзя измѣнить одного изъ ихъ факторовъ, не измѣняя тѣмъ самымъ и другихъ. Эта связь людей въ общество такъ глубока и существенна, что индивидуумъ внѣ общества, человѣческая личность внѣ соціальныхъ зависимостей есть нѣчто невозможное, только научная фикція. Людей соединила не выгода, не расчетъ, но сама ихъ душевная природа, общежительный инстинктъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ эти связи и зависимости дѣлаются крѣпче: человѣкъ развивается въ направленіи все большаго альтруизма.

Основной формой общественныхъ союзовъ является семья, начало которой мы находимъ уже и у высшихъ животныхъ. Дальнѣйшее усложненіе общества происходитъ благодаря раздѣленію труда и необходимости организовать кооперацію. Такимъ образомъ, Контъ строитъ политическое общество, т.-е. государство, на экономической основѣ, а не на юридической. Разграниченіе частнаго права отъ публичнаго, ученіе о невмѣшательствѣ государства въ частныя отношенія и юридическія построенія государ-

ства изъ договора свободныхъ личностей онъ вообще считаетъ метафизикой, характерной для революціонной эпохи, заботившейся болѣе всего о свободѣ. Но свобода есть только отрицательное понятіе, революціонная юриспруденція была пригодна лишь для разрушенія средневѣковаго режима, будущее же принадлежитъ не столько свободѣ индивидуумовъ, сколько преданному и безкорыстному служенію ихъ цѣлямъ общественнымъ, полной соціальной организованности человѣчества.

Въ соціальной динамикѣ Контъ устанавливаетъ и исторически подтверждаетъ свой законъ прогресса: человѣчество постепенно переходитъ отъ стадіи теологической, черезъ ступень метафизическую къ позитивному міровоззрѣнію. Этому прогрессу знанія соотвѣтствуютъ и измѣненія общественныхъ властей. Въ стадіи теологической свѣтская власть принадлежала воинамъ, духовная же — жрецамъ; въ метафизической стадіи на мѣсто ихъ выступили метафизическіе философы и юристы, съ ихъ либерализмомъ; наконецъ на стадіи позитивной духовная власть будетъ принадлежать коллегіи позитивныхъ ученыхъ, а свѣтская—представителямъ промышленности. Эта духовная власть вновь создастъ цѣльное міровоззрѣніе, какое было дано Церковью въ средніе вѣка, но міровоззрѣніе это будетъ уже научнымъ. Оно ляжетъ въ основу воспитательнаго обученія, создастъ новое творческое искусство и воодушевитъ людей новой религіей — религіей служенія Человѣчеству.

6. Уже въ «Курсѣ позитивной философіи» пробивается мысль о необходимости новой религіи съ новымъ культомъ. Въ окончательномъ видѣ эта идея была развита Контомъ въ его «Позитивной политикѣ». Подъ религіей Контъ разумѣетъ состояніе полной гармоніи интересовъ какъ въ обществѣ, такъ и въ индивидуумѣ. Эта гармонія достигается служеніемъ единой верховной цѣли и является упорядоченнымъ душевнымъ строемъ, такъ сказать, здоровьемъ души. Въ позитивной религіи на мѣсто Бога, существа непознаваемаго для позитивиста, становится новое Верховное Существо — Человѣчество, въ его организованномъ единствѣ. Это существо обнимаетъ собою всѣхъ людей какъ живущихъ, такъ и умершихъ и будущихъ. Сознавать свою связь съ человѣчествомъ, служить ему, благоговѣйно мыслить о немъ и почитать его въ особомъ культѣ, значитъ, усвоить себѣ эту религію. Въ позитивной политикѣ и другихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Контъ подробно выработалъ этотъ культъ новой позитивной религіи. Онъ долженъ состоять изъ частнаго, личнаго культа — благоговѣйнаго воспоминанія матери и жены, какъ символовъ альтруистической любви, и изъ общественнаго — торжественнаго признанія и идеа-

лизаціи главныхъ моментовъ жизни человѣка вообще и празднованія памяти великихъ благодѣтелей человѣчества, организаторовъ его общественной жизни, ученыхъ, поэтовъ и т. п. Контъ и фактически организовалъ эту Церковь позитивистовъ съ ея культомъ и былъ даже ея первосвященникомъ.

Среди послѣдователей его одни вошли въ составъ этого религіознаго общества, другіе же объявили, что въ этомъ второмъ періодѣ Контъ впалъ въ противорѣчіе съ принципами позитивизма, имъ же самимъ провозглашенными въ «Курсѣ».

Болѣе подробныя свѣдѣнія о Контѣ и его ученіи можно найти въ прекрасной книжкѣ *Д. Ст. Милля*: «Огюстъ Контъ и его позитивизмъ».

10. Критическая философія Канта.

Система Канта есть центральное явленіе для всей новой философіи. Хотя со времени его смерти прошло уже сто лѣтъ, однако его воззрѣнія оказываютъ и донынѣ могущественное вліяніе на всѣхъ современныхъ мыслителей, такъ что понимать и правильно оцѣнивать ихъ нельзя, не выяснивъ ихъ отношенія къ Канту. Мы изложимъ здѣсь лишь основныя мысли Кантовской «критики чистаго разума» и его нравственной философіи, оставляя другія его воззрѣнія въ сторонѣ. Но и относительно этихъ двухъ главныхъ вопросовъ придется ограничиться самыми основными положеніями, наиболѣе доступными, ибо Кантъ принадлежитъ къ труднѣйшимъ мыслителямъ, и многое въ его ученіяхъ не поддается популярному изложенію.

1. Отношеніе философіи Канта къ предшествующимъ направленіямъ. Новая философія вообще возникла въ эпоху Возрожденія, когда человѣческая мысль почувствовала свою свободу и попыталась сбросить съ себя иго средневѣковой традиціи. Послѣ долгихъ вѣковъ господства авторитета, возникло убѣжденіе, что не то истина, что говоритъ Аристотель или Ѳома Аквинскій, что предписываетъ Церковь, а то, что провѣрено собственною нашею мыслью. Эта новая философія, едва возникнувъ, распалась на два противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу направленія — раціонализма и эмпиризма. Раціонализмъ, подъ вліяніемъ поразительныхъ успѣховъ, достигнутыхъ тогда чисто раціональными науками — математикой и механикой, провозгласилъ, что истина познается только разумомъ (ratio). Эмпиризмъ же, принявъ за образецъ науки наблюдательное естествознаніе, напротивъ, училъ столь же рѣшительно, что истина достигается лишь черезъ опытъ.

Представителями раціонализма явились послѣдовательно *Декартъ* († 1650), *Спиноза* († 1677) и *Лейбницъ* († 1716). Для нихъ наши ощущенія казались смутнымъ, недостовѣрнымъ, субъективнымъ познаніемъ. Міръ физическій, какъ показываютъ раціональная механика и физика, состоитъ изъ тѣлъ, имѣющихъ извѣстную массу, фигуру и движенія. Звукъ и свѣтъ, теплота — суть въ дѣйствительности нѣкоторыя колебательныя движенія. Стремясь къ чисто раціональному пониманію міра, эти мыслители обратили связь причинъ съ ихъ дѣйствіями въ логическія отношенія основаній къ слѣдствіямъ. На вопросъ о томъ, что дѣйствительно существуетъ, разъ ощущенія не могутъ дать намъ надежнаго на это отвѣта, они утверждали, что тѣ вещи существуютъ, бытіе которыхъ вытекаетъ съ логическою необходимостью изъ ихъ понятій. Такъ же, какъ геометръ изъ опредѣленія треугольника выводитъ всѣ его свойства, такъ философъ изъ понятія Бога или субстанціи однимъ своимъ разумомъ можетъ познать, что они должны существовать. На дѣлѣ, однако, оказалось, что эти раціоналисты XVII и XVIII вв. создали каждый свою метафизику: Декартъ утверждалъ существованіе двухъ сущностей міра—физической и духовной, Спиноза училъ, что сущность всего міра единая, Лейбницъ полагалъ, что существуетъ безконечное множество сущностей. Раціоналистическая метафизика, какъ справедливо замѣчаетъ Кантъ, была столь далека отъ единогласія, что ее можно скорѣе назвать ратнымъ полемъ, предназначеннымъ для вѣчныхъ упражненій въ борьбѣ, чѣмъ наукой, и никогда ни одному бойцу не удалось отстоять въ ней самаго малаго пространства, основать своею побѣдою прочное владѣніе.

Другое направленіе далъ эмпиризмъ, философія *Локка* († 1704) и *Юма* († 1776). Они утверждали, что дѣйствительное знаніе происходитъ лишь изъ опыта, подъ опытомъ же разумѣли непосредственныя данныя въ нашемъ сознаніи, факты, т.-е. наши ощущенія (и вообще воспріятія). Такое ученіе неизбѣжно привело къ субъективизму: міръ обратился въ сумму личныхъ ощущеній человѣка, объективныя вещи исчезли, понятія, которыя не имѣютъ опытнаго содержанія, утратили свое значеніе. Такъ, напр., случилось въ этой философіи съ понятіемъ причины, ибо какъ одно явленіе нарождаетъ другое, мы въ воспріятіяхъ не познаемъ. А съ понятіемъ причины исчезла и закономѣрность природы. Такимъ образомъ эмпиризмъ привелъ къ скептицизму.

Таково было положеніе философіи передъ Кантомъ. Раціонализмъ породилъ противоположныя метафизическія ученія, а эмпиризмъ пришелъ къ скептицизму, а такъ какъ другихъ источниковъ знанія, кромѣ опыта и разума, нѣтъ, то, повидимому,

философіи грозила смерть, она должна была отказаться отъ своей задачи. Кантъ вывелъ человѣческую мысль изъ этого тупика и открылъ ей новые пути. Онъ достигъ этого, вскрывъ ошибку какъ раціоналистической метафизики, такъ и скептическаго эмпиризма.

Раціонализмъ былъ правъ, утверждая, что безъ участія разума объективное, обязательное познаніе невозможно. Но онъ заблуждался, приписывая нашему разуму безграничную силу. Нашъ разумъ только формальный, онъ можетъ лишь связывать, соединять матеріалъ ему данный извнѣ, формировать его, но самъ этого содержанія создать не можетъ, ибо не есть творческій разумъ. Поэтому область его приложенія ограничена: тамъ, гдѣ мы находимъ извнѣ данный матеріалъ познанія (именно въ нашихъ ощущеніяхъ), тамъ возможна и дѣятельность разума. Иначе говоря (какъ мы яснѣе увидимъ ниже), область примѣненія нашего разума ограничена лишь явленіями, какими они являются для насъ, міръ же сущностей для него закрытъ. Безграничная, некритическая вѣра въ силу нашего разума у раціоналистовъ имѣла характеръ слѣпой.

Съ другой стороны эмпиристы были правы, ограничивая наше познаніе областью опыта, но опытъ они понимали слишкомъ узко. Опытъ не есть просто наши ощущенія, но ощущенія сформированныя, объединенныя разумомъ. Въ каждомъ опытномъ знаніи есть не только то, что намъ извнѣ дано, но и нѣчто влагаемое нами самими — наша мысль. Понимаемый такъ опытъ перестаетъ быть чисто субъективнымъ и случайнымъ, но дѣлается объективнымъ, разумнымъ, обязательнымъ для всѣхъ разумныхъ существъ. Онъ уже не есть въ такомъ случаѣ одно ощущеніе, но объективное явленіе.

Въ вопросѣ о знаніи можно различать, съ одной стороны, методъ, т.-е. путь познаванія, съ другой, содержаніе, т.-е. предметъ познанія. Раціонализмъ былъ по методу раціоналистиченъ, т.-е. видѣлъ въ познаніи лишь путь разума, по содержанію же онъ былъ трансцендентнымъ, т.-е. искалъ предметовъ метафизическихъ, потусторонніхъ сущностей. Эмпиризмъ же по методу былъ чувственнымъ, признавалъ наше воспріятіе единственнымъ источникомъ знанія, по содержанію же былъ феноменаленъ, т.-е. ограничивалъ знаніе областью явленій (феноменъ,—по-гречески,—видимое, кажущееся). Философія Канта, подвергнувъ критикѣ оба направленія и отвергнувъ въ нихъ ложное, соединила въ себѣ то, что было въ нихъ вѣрнаго. Она явилась по методу раціоналистической (т.-е. утверждала, что знаніе возникаетъ не безъ участія разума), по содержанію же ограничивала познаніе міромъ

явленій, ибо самъ разумъ лишь формаленъ, нуждается въ матеріалѣ, даваемомъ ощущеніями, и къ міру сущностей неприложимъ.

2. Эммануилъ Кантъ родился въ Кенигсбергѣ въ 1724 г. и умеръ тамъ же въ 1804 г. «Его жизнь, — говоритъ Паульсенъ,— протекла въ узкомъ кругу. Онъ былъ нѣмецкимъ профессоромъ стараго стиля. Работа, преподаваніе, литературная дѣятельность, составляли содержаніе его жизни. Значительныхъ внѣшнихъ событій, волнующихъ кризисовъ, кромѣ умственныхъ, въ его жизни не было. Кантъ, какъ многіе изъ духовныхъ вождей Германіи, происходилъ изъ семьи ремесленника, и это происхожденіе не осталось безъ всякаго вліянія на его философію. Французскіе и англійскіе философы XVII и XVIII вв. были, обыкновенно, напр., Вольтеръ, Юмъ, свѣтскими людьми, вращались въ такъ называемомъ высшемъ обществѣ. «Нѣмецкіе философы, въ родѣ Канта, были профессорами, кругомъ ихъ дѣятельности былъ университетскій мірокъ, формой ихъ дѣятельности было преподаваніе. Характерными чертами ихъ являлась мелко-буржуазная честность мышленія и нерѣдко школьная дидактичность изложенія. Въ связи съ народнымъ образомъ мышленія ихъ находится, въ особенности, ихъ отношеніе къ религіи: они смотрятъ на нее серьезно». Въ частности, Кантъ вышелъ изъ семьи, въ которой господствовалъ піэтизмъ (благочестіе), и это отразилось на его нравственной философіи. «Уже будучи старикомъ, онъ любилъ возвращаться мысленно въ обстановку своей юности. Онъ хвалитъ нравственную атмосферу, въ которой выросъ, скромную вѣрность долгу, строгую добросовѣстность, глубокое благочестіе своихъ родителей. «Если въ то время,—сказалъ онъ однажды въ спорѣ съ Рингомъ,—религіозныя представленія и понятія о добродѣтели не были ясны, зато эти свойства дѣйствительно существовали. Что бы ни говорилось о піэтизмѣ, люди серьезно увлекавшіеся этимъ религіознымъ направленіемъ отличались почтеннымъ характеромъ. Они обладали высшимъ доступнымъ для человѣка спокойствіемъ, ясностью и внутреннимъ миромъ, ненарушимымъ никакими страстями. Никакая нужда, никакое преслѣдованіе не приводило ихъ въ подавленное состояніе, никакое столкновеніе не могло вызвать ихъ гнѣва или вражды» (Паульсенъ). Такимъ именно былъ и Кантъ.

Важнѣйшія сочиненія Канта суть три «критики»: «Критика чистаго (теоретическаго) разума», дающая теорію знанія, «Критика практическаго (дѣятельнаго) разума», излагающая нравственное ученіе, и «Критика способности (оцѣнивающаго) сужденія», содержащая эстетику, т.-е. ученіе о прекрасномъ

3. Критика чистаго разума. Что означаетъ это заглавіе? Критика есть оцѣнка, и такой оцѣнкѣ подвергаетъ Кантъ не какія-нибудь ученія, но самъ разумъ для опредѣленія его познавательнаго значенія. Какимъ способомъ возможно разрѣшить такую задачу? И до Канта она нерѣдко ставилась, но разрѣшали ее (напр., Локкъ) психологически, т.-е. пытались изъ исторіи происхожденія и постепеннаго развитія познаній опредѣлить предѣлы нашего разума. Кантъ беретъ вопросъ не психологически, но логически. Онъ исходитъ изъ факта раціональныхъ наукъ (главнымъ образомъ, математики и физики), и старается опредѣлить, при какой организаціи нашего разума возможно понять и охранить достовѣрность этихъ наукъ. Опредѣленная такимъ образомъ природа нашего познающаго разума указываетъ затѣмъ и на то, что возможно для него, и что недоступно.

Всякое знаніе, въ которомъ мы что-либо утверждаемъ, можетъ быть выражено въ сужденіи, т.-е. въ нѣкоторой связи, соединеніи подлежащаго со сказуемымъ. Однако не всякая такая связь имѣетъ разумный характеръ. Она можетъ быть и просто результатомъ нашей привычки, памяти и т. п. Разумной надо считать ее лишь тогда, когда эта связь является для насъ необходимою, безусловно убѣдительною, т.-е. такою, что отрицаніе ея для насъ невозможно, было бы нелѣпымъ. Вездѣ, гдѣ мы найдемъ такія обязательныя сужденія, надо предполагать участіе нашего разума. Нашъ разумъ, по Канту, есть именно дѣятельность, состоящая въ установленіи связей или синтезовъ между данными намъ фактами или содержаніями ощущеній. Самыя ощущенія суть только качества, въ нихъ нѣтъ еще никакихъ связей, эти связи вноситъ въ нихъ нашъ разумъ. Съ другой стороны, самъ по себѣ разумъ никакого содержанія, т.-е. ощущеній дать намъ не можетъ, онъ есть лишь формальная, т.-е. формулирующая способность. Одни ощущенія безъ разума хаотичны, безсвязны, безсмысленны; одинъ разумъ, безъ матеріала ощущеній, пустъ. Лишь въ разумной обработкѣ, въ связываніи ощущеній разумомъ возникаетъ полное познаніе.

Какія же это связи, которыя вноситъ нашъ разумъ? Кантъ признаетъ ихъ три рода. *Во-первыхъ*, нашъ разумъ связываетъ ощущенія въ пространственный и временный порядокъ. Пространственныя и временныя связи въ самихъ ощущеніяхъ не содержатся, они суть порожденія нашего разума. Намъ даны лишь качественныя ощущенія — цвѣтовъ, запаховъ, вкусовъ, звуковъ и т. д., но то, что эти качества распредѣляются въ пространствѣ и составляютъ временный рядъ, есть результатъ дѣйствія нашего разума. Если бы онъ погасъ, исчезли бы и пространство и время.

Это утвержденіе Канта на первый взглядъ кажется крайне страннымъ, однако въ подтвержденіе его можно представить важныя основанія, и прежде всего фактъ математики, въ частности геометріи. Что геометрическіе законы нами получены не черезъ наблюденіе, а построены именно нашимъ разумомъ, видно изъ того, что эти истины имѣютъ строго всеобщій и необходимый характеръ. Утверждать, что всякая прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками,—на основаніи простого опыта нельзя: вѣдь мы же не всѣ прямыя смѣрили, да и о тѣхъ, что смѣрили на дѣлѣ, мы могли бы лишь сказать, что онѣ дѣйствительно короче всякой другой линіи, однако лишь въ предѣлахъ ошибокъ нашихъ измѣреній. А между тѣмъ мы утверждаемъ эту истину вообще, для всѣхъ прямыхъ, и даже считаемъ противоположное прямо невозможнымъ. Явно это говоритъ не опытъ, а самъ разумъ нашъ: мы не можемъ представить прямой, которая не была бы кратчайшимъ разстояніемъ. Тотъ, кто выводитъ геометрію изъ опыта, подрываетъ тѣмъ ея совершенную достовѣрность, обращаетъ ее изъ раціональной науки въ приблизительно вѣрную, эмпирическую.

Но то же, что о пространствѣ, надо сказать и о времени. Мы убѣждены, что всякое явленіе, какое оно ни будь, должно быть во времени, что это время течетъ всегда равномѣрно и т. п. Но опытъ такого всеобщаго убѣжденія дать не можетъ, онъ могъ бы только сказать, что, поскольку мы наблюдали, всегда встрѣчавшіяся намъ явленія имѣли характеръ временный, но обязательно ли это для всѣхъ явленій, было бы неизвѣстно.

Но кромѣ распорядка пространственнаго и временнаго, разумъ, *во-вторыхъ*, вноситъ въ данный намъ матеріалъ ощущеній другой родъ связей, уже не наглядныхъ; это именно связи выражающіяся въ соединеніи признаковъ въ единство *вещи*, далѣе связь или соединеніе предшествующаго явленія съ послѣдующимъ связью *причинной зависимости* и т. п. Такія связующія понятія разума Кантъ называетъ вообще *категоріями*. Здѣсь тоже, на первый взглядъ, кажется неправдоподобнымъ, чтобы понятія вещи, причинности и т. п. были порожденіями нашего разума. Повидимому они получаются нами изъ самаго матеріала, даннаго въ опытѣ. Однако вѣдь эти понятія чисто формальныя. Вѣдь мы единства вещи, связывающаго въ цѣлое ея разныя свойства, наблюдать прямо не можемъ. Мы находимъ, напр., въ данномъ кускѣ желѣза извѣстный вѣсъ, нѣкоторую фигуру, опредѣленный цвѣтъ, но то, что связываетъ эти свойства въ единую вещь, есть только *закономѣрность* ихъ совмѣстнаго существованія, и сама эта закономѣрность или единство

вещи уже не имѣетъ ни цвѣта ни тяжести, есть только ихъ единство. То же самое надо сказать и о связи причинъ съ дѣйствіями. Какъ причина порождаетъ дѣйствіе, никакой опытъ показать не можетъ, онъ даетъ намъ только послѣдовательность событій во времени. Причинная связь, значитъ, есть тоже лишь наша связующая мысль, мысль о закономѣрности этой послѣдовательности событій.

Помощью такихъ разсужденій, часто очень сложныхъ и трудныхъ, и которыя мы можемъ здѣсь указать лишь въ самомъ упрощенномъ видѣ, Кантъ приходитъ къ выводу, что всюду и вездѣ, гдѣ мы утверждаемъ какой-нибудь порядокъ въ явленіяхъ, какую-нибудь связь, вездѣ это только связи, которыя нашъ же разумъ, своимъ мышленіемъ, вноситъ въ безсвязномъ матеріалѣ нашихъ ощущеній. Закономѣрность природы есть въ сущности закономѣрная дѣятельность нашей мысли. Такую точку зрѣнія Кантъ называетъ коперниканской въ философіи. Какъ Коперникъ заставилъ землю вращаться вокругъ солнца,—землю, которую до тѣхъ поръ считали центромъ мірозданія, такъ Кантъ заставляетъ природу слѣдовать законамъ нашего разума, природу, которую до него считали руководительницей и учительницей разума. Разумъ есть законодатель природы.

При этомъ важно, однако, помнить, о какой природѣ идетъ здѣсь рѣчь. Это — природа не въ смыслѣ, конечно, вещей самихъ въ себѣ, но въ смыслѣ явленій для насъ, природа какъ явленіе для нашего познанія. Эта природа есть именно не что иное, какъ наши ощущенія, оформленныя нашимъ разумомъ. Она поэтому и оказывается вполнѣ и вездѣ согласной съ законами этого разума (напр., математическими). Называя эту природу явленіемъ, мы именно и указываемъ этимъ словомъ, что она есть дѣйствительность только для насъ, міръ явленій для насъ, единственно доступная для насъ феноменальная дѣйствительность. Мы можемъ, пожалуй, назвать эту дѣйствительность міра явленій—иллюзіей, сравнительно съ недоступнымъ для насъ міромъ сущностей или вещей въ себѣ, однако надо помнить, что эта иллюзія не субъективная, не индивидуальная, но общая для всѣхъ разумныхъ существъ, ибо она и создана въ ея закономѣрностяхъ мыслью общаго имъ разума.

Итакъ, мы видѣли до сихъ поръ два вида связующей дѣятельности разума. Благодаря первой матеріалъ ощущеній распредѣляется въ пространственный и временный распорядокъ. Затѣмъ приложеніе категорій вноситъ въ этотъ распорядокъ дальнѣйшія связи, объединяя признаки въ единства вещей, послѣдовательныя событія въ закономѣрныя связи причинъ и ихъ

дѣйствій и т. п. Такимъ образомъ образуется природа, какъ закономѣрная связь явленій для насъ. Но есть еще *третій* видъ связей или синтезовъ разума. Дѣло въ томъ, что наша мысль не удовлетворяется познаніемъ закономѣрности въ извѣстной ограниченной группѣ явленій, но неодолимо стремится къ идеалу полноты знанія. Напр., найдя для извѣстнаго дѣйствія его причину, мы ищемъ далѣе причины этой причины и т. д. Эти стремленія разума къ полнотѣ или законченности познанія Кантъ называетъ *идеями* разума. Онѣ имѣютъ значенія идеаловъ, побуждающихъ насъ къ безконечному его расширенію.

Однако эти идеи или идеалы легко могутъ быть ложно перетолкованы. Именно легко вообразить, что гдѣ-то вдали условный рядъ явленій заканчивается вещами въ себѣ, сущностями. Сущности есть для насъ въ дѣйствительности лишь отрицательное понятіе — то, что никогда не можетъ быть познано. Но весьма легко это отрицательное и пустое понятіе смѣшать съ идеями полноты или законченности познанія, вообразить, что переходя отъ одного условнаго явленія къ другому его обусловливающему и далѣе къ слѣдующему условному явленію, мы, въ концѣ-концовъ, дойдемъ до самыхъ сущностей. Это, очевидно, заблужденіе, ибо въ плоскости явленій сущностей нигдѣ встрѣтить нельзя, но мы легко впадаемъ въ такое заблужденіе подобно тому, какъ на горизонтѣ небо кажется намъ сходящимся съ землею.

Это заблужденіе и есть причина всякой метафизики. Оно состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что идеи полноты знанія, которыя должны быть лишь идеалами, вѣчно влекущими насъ къ безконечному расширенію опытнаго знанія, смѣшиваются нами съ понятіемъ вещей въ себѣ. При этомъ утрачивается движущая сила идеала, ибо онъ признается достижимымъ, замыкается ложно безпредѣльность ряда явленій призракомъ стоящей въ концѣ его сущности и возникаетъ наука о сущностяхъ — метафизика.

Кантъ въ послѣдней части своей «Критики» подробно вскрываетъ ошибочность умозаключеній этой мнимой науки, показывая, что всѣ метафизическія ученія о сущности души, всѣ такія же теоріи о мірѣ и, наконецъ, всѣ теоретическія доказательства бытія Бога—несостоятельны. Это, такъ сказать, отрицательная или разрушительная часть критики чистаго разума, дополняющая изложенное выше ея положительное ученіе.

4. Нравственная философія Канта. Разрушеніе метафизики Кантомъ означаетъ, однако, лишь то, что *науки* о сверхъестественномъ быть не можетъ, но вовсе не то, что это сверхъестественное не существуетъ. Напротивъ, такое отрицаніе его существованія

было бы само метафизическимъ: мы теоретически не имѣемъ права ни утверждать сверхъестественнаго, ни отрицать. Мало того, признавъ, что пространство и время имѣютъ примѣненіе лишь къ явленіямъ, Кантъ тѣмъ самымъ открываетъ *возможность* для сущностей (если онѣ существуютъ) быть внѣпространственными и внѣвременными. Только этотъ міръ сущностей теоретическому знанію нашему никогда не можетъ стать доступнымъ. Совсѣмъ иное, однако, придется сказать, когда мы переходимъ въ область нравственной философіи: она откроетъ намъ нашу принадлежность сверхчувственному міру. Признаніе высшаго *смысла* въ нашей жизни окажется связаннымъ съ требованіемъ признанія и высшаго міра.

Основнымъ понятіемъ въ нравственной философіи Канта является понятіе свободы или разумной самодѣятельности. Цѣнность человѣка зависитъ отъ того, что онъ *дѣлаетъ*, а не отъ того, что съ нимъ *случается*. Прилагая это мѣрило къ общественной жизни, Кантъ высказываетъ мысль, что нравственная цѣнность государственныхъ формъ зависитъ отъ того, поскольку она допускаетъ свободу гражданина, хотя эта свобода и не является, можетъ-быть, лучшимъ путемъ къ счастью, — что церковь тоже должна быть свободнымъ союзомъ добрыхъ людей, объединившихся для борьбы со зломъ, — что истинное воспитаніе отличается отъ дрессировки тѣмъ, что оно развиваетъ самостоятельную волю.

Этику Кантъ строго отдѣляетъ, какъ ученіе о нормахъ или правилахъ поведенія, отъ всякой науки о фактахъ. Ея предметъ не то, что есть, а то, что должно быть. Причины человѣческаго поведенія изслѣдуетъ не этика, а антропологія (наука о человѣкѣ), психологія и т. п. Для этики же, въ сущности, не имѣетъ значенія, каковы люди, ее интересуетъ лишь нравственный долгъ, предписывающій имъ извѣстное поведеніе. Мало того, мы увидимъ дальше, что этотъ долгъ или совѣсть принадлежитъ, собственно говоря, даже не къ міру явленій, но есть голосъ изъ потусторонняго міра. Каждый лишь о самомъ себѣ знаетъ, каковы были истинные мотивы его поведенія — долгъ или расчетъ. Поведеніе же другихъ людей мы познаемъ лишь внѣшнимъ образомъ, въ формѣ явленій.

Кантъ согласенъ съ Руссо, что нравственность вовсе не зависитъ отъ науки или просвѣщенія, что нерѣдко просвѣщеніе даже вредно вліяло на нравы. Самый простодушный и необразованный человѣкъ сознаетъ не хуже философа, что есть добро, и что—зло. И мы, въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ, будемъ исходить изъ этого всѣмъ внятнаго голоса совѣсти и лишь по-

пытаемся точнѣе опредѣлить, чего онъ требуетъ отъ насъ, т.-е. что есть добро.

Прежде всего надо признать, что такъ называемые дары счастья, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе, еще не составляютъ добра. Богатство, здоровье, красота, счастливый характеръ, остроуміе, образованность — все это весьма желательныя вещи, но по свидѣтельству ежедневнаго опыта могутъ быть употреблены и во зло. «Даже такія духовныя свойства, которыя, повидимому, близки къ добродѣтели, напр., самообладаніе, умѣренность и т. д. — все же еще не добро, ибо могутъ сдѣлаться, напр., средствами для своекорыстныхъ или честолюбивыхъ плановъ». Вообще всѣ дары счастья зависятъ въ нравственномъ отношеніи отъ того употребленія, которое сдѣлаетъ изъ нихъ наша воля. Лишь добрая воля есть совершенное добро.

Эта добрая воля должна оцѣниваться не по результатамъ своихъ дѣйствій, а по своимъ намѣреніямъ. Какіе же мотивы допускаетъ добрая воля? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ выясняется вся возвышенность кантовской морали. Онъ утверждаетъ, что добра лишь та воля, которая опредѣляется сознаніемъ *долга*, какъ такового. Лишь то дѣйствіе вполнѣ чисто и свободно, которое совершается не изъ склонности, не по чувству или влеченіямъ, а лишь изъ свободнаго подчиненія совѣсти. Помощь нуждающемуся есть обязанность, но если она дается не изъ чувства долга, а, напр., по сострадательности, любви, то это еще не нравственное дѣяніе, а исполненіе своего вкуса, и эгоистъ съ такимъ же основаніемъ могъ бы на основаніи своихъ вкусовъ отказаться отъ помощи.

Извѣстно, что Шиллеръ возражалъ противъ такого ригоризма (т.-е. крайней строгости) Канта. Въ его эпиграммѣ «Безпокойство совѣсти» мы читаемъ: «Я охотно дѣлаю услуги друзьямъ, но, къ несчастью, дѣлаю это изъ любви къ нимъ; поэтому меня мучитъ мысль, что я недобродѣтеленъ. Рѣшеніе гласитъ: ты долженъ возненавидѣть своихъ друзей и съ отвращеніемъ исполнять свой долгъ». Однако справедливо Куно-Фишеръ находитъ, что эта эпиграмма несправедлива. Нравственный законъ требуетъ, по Канту, чтобы долгъ исполнялся не по склонности. Но развѣ это значитъ требовать неохотнаго исполненія? Неохота или отвращеніе тоже были бы склонностью, хотя и противоположной. «Кантъ очень хорошо зналъ, почему онъ придалъ обязанности такую строгую форму. Безъ этого вся нравственность становится двусмысленной и теряетъ тотъ характеръ чистоты, о которомъ Кантъ особенно заботится. Если обязанности исполняются изъ склонностей, то почему онѣ исполняются? Потому ли, что это обязан-

ности, или потому, что таковы наши склонности? Если мы исполняемъ ихъ потому, что такъ намъ нравится, если склонность есть рѣшающее побужденіе, то другой разъ мы точно такъ же можемъ и не исполнить обязанности изъ-за другой склонности. Изъ сердца выходятъ и коварныя мысли; если нравственность будетъ основываться на этомъ подвижномъ и случайномъ основаніи, то тутъ ей и конецъ».

Итакъ, долгъ долженъ быть исполняемъ лишь изъ долга же, обязанность—ради ея обязанности. Эта мысль Канта станетъ намъ яснѣе, если мы различимъ въ каждомъ желаніи: 1) предметъ желанія, 2) форму желанія. Предметы желаній безконечно разнообразны (пища, движеніе, наслажденіе, успѣхъ, честь, любовь и мн. другихъ), и они зависятъ отъ нашихъ влеченій или склонностей. Но кромѣ предмета въ желаніи можетъ быть еще и форма. А именно разумъ, давая, какъ мы видѣли, формы познаніямъ, можетъ давать ихъ и нашимъ желаніямъ, именно форму закономѣрноі *всеобщности*, т.-е. общаго долженствованія. Въ этомъ характерѣ обязательности, закономѣрности, всеобщности и лежитъ отличіе нравственной или доброй воли отъ всякаго природнаго или естественнаго желанія. Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующему опредѣленію добра или доброй воли: добрая воля есть воля, опредѣленная съ формальной стороны разумомъ, т.-е. воля, желающая исполненія лишь того, что можетъ быть общимъ (разумнымъ) правиломъ поведенія для всѣхъ. Нравственное опредѣляетъ не содержаніе желаній, а разумную, закономѣрную, общую форму ихъ. Нравственный законъ повелѣваетъ имѣть не какіе-нибудь предметы желаній, а лишь эту всеобще-закономѣрную ихъ форму. Онъ поэтому выражается въ слѣдующей формѣ: поступай такъ, чтобы правила твоего поведенія могли всегда стать правиломъ общаго поведенія. То, что можетъ быть такимъ правиломъ,—то благо, то что не можетъ—то не благо. Ложь, насиліе, обманъ, деспотизмъ не могутъ быть всеобщимъ правиломъ поведенія: они тогда разрушили бы самихъ себя. Напротивъ, правдивость, любовь, равенство, можетъ быть общимъ правиломъ или закономъ поведенія. Поэтому добрую волю можно опредѣлить еще и иначе: это есть воля, подчинившаяся разуму, воля разумная, или разумъ, опредѣлившій волю, ставшій единственнымъ ея мотивомъ.

Воля, такъ опредѣленная, есть высшая, верховная въ мірѣ цѣнность, цѣнность уже не мѣновая (при которой одинъ предметъ можетъ быть замѣняемъ другимъ равноцѣннымъ), а абсолютная (безусловная). Это есть достоинство человѣческой личности. Достоинство человѣка не есть его природное свойство, но и не дается

ему извнѣ, напр., его общественнымъ положеніемъ. Оно всецѣло зависитъ отъ того, принимаетъ ли онъ свободно свой нравственный долгъ. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ опредѣлить нравственный строй, какъ такой, въ которомъ всѣ являются такими абсолютно-цѣнными личностями, и нравственный законъ тогда выразится въ слѣдующемъ видѣ: поступай такъ, чтобы всегда имѣть въ виду другихъ и себя, какъ абсолютно-цѣнныя личности, т.-е. смотри на человѣчество не какъ на средство для чего-либо, но какъ на самую цѣль.

Такую истинную нравственность, которая состоитъ въ подчиненіи воли разуму съ его требованіемъ всеобщей закономѣрности, Кантъ называетъ свободной и автономной (самостоятельной). Въ ней человѣкъ свободенъ, ибо подчиняется своему разуму и его формулѣ всеобщности. Напротивъ, другія нравственныя теоріи должны быть названы чужезаконными (гетерономными). Такимъ является, напр., ученіе, что нравственность состоитъ въ возможномъ удовольствіи или счастіи, ибо счастье зависитъ не отъ меня, а отъ данной мнѣ наслѣдственно организаціи или независимыхъ отъ меня обстоятельствъ внѣшней жизни. Чужезаконной будетъ и мораль религіозная, ибо она опредѣляетъ добро волею другого существа — Божества. Всѣ такія ученія Кантъ отказывается признать нравственными. Во всѣхъ нихъ надъ добромъ возвышается нѣчто другое, добро оказывается не само по себѣ цѣннымъ, а лишь средствомъ для чего-то другого.

Человѣкъ, какъ одна изъ составныхъ частей природы, находитъ себя вполнѣ опредѣленнымъ законами природы — физическими, органическими, психологическими. Всѣ его дѣйствія, чувства, ощущенія, опредѣлены вполнѣ причинами и могли бы быть даже предсказаны, если бы мы вполнѣ знали эти законы. Въ этомъ смыслѣ можно было бы назвать человѣка духовнымъ и физическимъ автоматомъ. Никакой свободы онъ, какъ членъ этой природы, не имѣетъ.

Однако изъ «Критики чистаго разума» мы уже знаемъ, что вся эта природа, поскольку мы ее познаемъ, въ томъ числѣ и природа человѣческая есть лишь *явленіе* для познающаго. О мірѣ же сверхъестественномъ, мірѣ сущностей «Критика чистаго разума» могла утверждать лишь его полную теоретическую непознаваемость, но не въ состояніи была ни утверждать его бытіе, ни его отрицать. Она показала лишь его возможность, законы причинности, а равнымъ образомъ пространства и времени она признала лишь формами для міра явленій. Возможенъ, слѣдовательно, міръ сверхъестественный, внѣпространственный и внѣвременный, міръ, гдѣ царствуетъ свобода, а не законы

причинности, но существуетъ ли онъ дѣйствительно, для науки навсегда останется неизвѣстнымъ.

Но вотъ теперь нравственное сознаніе открываетъ намъ нашъ долгъ, этотъ нравственный долгъ долженъ состоять въ подчиненіи закону лишь нашего разума, слѣдовательно, въ свободѣ разумной воли. Одно изъ двухъ: или долженъ существовать этотъ высшій міръ, міръ, гдѣ мы имѣемъ свободу, и тогда наша совѣсть есть именно голосъ изъ этого сверхъестественнаго міра, или нашъ нравственный долгъ долженъ быть названъ совершенной иллюзіей, свободы нигдѣ нѣтъ, человѣческая личность есть только одинъ изъ феноменовъ природы и никакой абсолютной цѣны, т.-е. нравственнаго достоинства, она не имѣетъ. Если мы вѣримъ въ правду и смыслъ жизни, если для насъ дѣйствительно голосъ совѣсти совершенно достовѣренъ и очевиденъ, надо принять первый изъ указанныхъ членовъ дилеммы, т.-е. вѣрить и въ существованіе высшаго, сверхъестественнаго міра, міра свободы, который «Критика чистаго разума», правда, не могла доказать, но и отрицать который она признала невозможнымъ. Высшій міръ свободы есть *постулатъ* (требованіе) нашего нравственнаго сознанія. «Ты долженъ, — говоритъ онъ, — слѣдовательно, ты можешь». То, что для теоріи, науки, метафизики навсегда закрыто, открывается теперь чистому нравственному сознанію, вѣрующему въ *смыслъ* жизни; хотя открытіе это остается теоретически, для объясненія природы, все равно безплоднымъ, но практически, для смысла нашей нравственной дѣятельности, поскольку именно мы ей слѣдуемъ, имѣетъ высокій смыслъ и цѣну. Нравственное сознаніе открываетъ, что *долженъ* существовать надъ природой другой вполнѣ осмысленный міръ, міръ свободныхъ духовъ, къ которому и мы принадлежимъ, въ которомъ господствуетъ свобода, а не желѣзные законы причинности, міръ нравственнаго міропорядка, въ которомъ для насъ открыта черезъ безсмертіе возможность осуществленія безконечно-совершеннаго идеала, и въ которомъ есть Провидѣніе, согласующее своею справедливостью правду со счастіемъ, добро съ блаженствомъ. «Двѣ вещи, — говоритъ Кантъ въ заключеніи «Критики практическаго разума», — наполняютъ меня все возрастающимъ изумленіемъ и благоговѣніемъ, чѣмъ чаще и продолжительнѣе я объ нихъ размышляю. Это *звѣздное небо надо мною* и *нравственный законъ во мнѣ*. И то, и другое я отнюдь не долженъ искать гдѣ-нибудь во тьмѣ или за моимъ горизонтомъ: то и другое я дѣйствительно нахожу передъ собою, и мое существованіе явно связано съ ними. Звѣздный міръ начинается съ того самаго мѣста, гдѣ я нахожусь, и расши-

ряетъ мою связь съ окружающимъ въ необозримыя протяженія міровъ за мірами и системъ за системами... Нравственный законъ имѣетъ начало въ моемъ невидимомъ Я, въ моей личности и дѣлаетъ меня членомъ другого міра, истинно безконечнаго. И въ этомъ новомъ мірѣ я нахожу себя уже не случайнымъ звеномъ, но въ необходимомъ единеніи съ подобными мнѣ духами. Взглядъ на звѣздное небо съ его безчисленными мірами уничтожаетъ все мое значеніе, какъ физическаго существа; онъ напоминаетъ мнѣ, что я долженъ отдать мое тѣло нашей планетѣ (которая сама составляетъ лишь точку въ безконечномъ мірѣ), мое тѣло, въ которомъ малая часть вещества на короткое время и непостижимымъ образомъ получила жизненную силу. Но взглядъ на присущій моей *личности* нравственный законъ вновь и безконечно поднимаетъ мое значеніе, именно какъ разумнаго существа. Этотъ законъ открываетъ мнѣ новую жизнь, независимую отъ моей животной природы и даже отъ всего чувственнаго міра, открываетъ, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку я подчиняюсь въ моихъ поступкахъ этому нравственному порядку, не ограниченному условіями и предѣлами этой жизни, но простирающемуся въ вѣчность».

Итакъ, оглядываясь назадъ на изложенныя главныя мысли критической философіи Канта, мы можемъ выразить ихъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

а) Кантъ вывелъ философію изъ того тупика, въ который завела ее односторонность стараго раціонализма и стараго эмпиризма.

б) Онъ показалъ, что природа, какъ предметъ нашего познанія, есть не нѣчто самостоятельно существующее, но лишь явленіе для насъ, т.-е. обосновалъ идеализмъ.

в) Нашъ разумъ есть законодатель этого міра явленій, вносящій въ него свои формы. Но, будучи лишь формальнымъ, этотъ разумъ не можетъ достичь познанія сущностей, ибо для нихъ у насъ нѣтъ матеріала ощущеній. Метафизика, какъ наука, невозможна.

г) Но наше нравственное сознаніе, т.-е. увѣренность въ высшемъ смыслѣ нашей жизни, осуществляемомъ черезъ свободное исполненіе нравственнаго долга, даетъ намъ увѣренность, что существуетъ высшій міръ свободныхъ духовъ подъ управленіемъ Провидѣнія. Это и есть истинная религія, которая всецѣло сводится къ чисто нравственному содержанію.

Болѣе подробное изложеніе философіи Канта можно найти въ книжкахъ *Паульсена* Иммануилъ Кантъ, его жизнь и ученіе) и Виндельбанда («Иммануилъ Кантъ»).

II. Эволюціонная [1]) философія. Г. Спенсеръ.

Представителемъ эволюціонной философіи по справедливости считается Гербертъ Спенсеръ, знаменитый англійскій философъ второй половины XIX в. (род. въ Дерби въ 1820 году, умеръ въ 1902 году), сынъ учителя, не получившій университетскаго образованія. На научное поприще онъ вступилъ почти одновременно съ другимъ англійскимъ ученымъ, Дарвиномъ, знаменитымъ естествоиспытателемъ, съ которымъ его сближало, кромѣ искренней любви къ наукѣ, много общихъ взглядовъ.

Правда, и до Спенсера были философы (напр., Шеллингъ, Гегель, Огюстъ Контъ [2]) и др.), которые говорили объ эволюціи, но они говорили о ней, не придавая ей такого широкаго значенія, которое во всей полнотѣ впервые выяснилъ Спенсеръ.

Гербертъ Спенсеръ, изучая біологію, психологію, соціологію, — почти весь кругъ человѣческихъ знаній, пришелъ къ заключенію, что всѣмъ въ мірѣ физическихъ и духовныхъ явленій управляетъ одинъ всеобщій законъ; этотъ законъ есть эволюція, т.-е. развитіе изъ низшей формы болѣе высокой. Этотъ законъ царитъ нераздѣльно надъ всѣмъ, что только доступно человѣческому наблюденію. Однако, повѣряя это положеніе индуктивнымъ путемъ [3]), путемъ постепеннаго приложенія его къ отдѣльнымъ фактамъ и явленіямъ, Спенсеръ натолкнулся на область, къ которой онъ примѣнимъ; это — область религіи; къ Божеству, которое Спенсеръ называетъ «Непознаваемымъ», этотъ законъ неприложимъ, такъ какъ, по мнѣнію Спенсера, Непознаваемое недоступно ни разуму, ни опыту, — оно доступно только чувству и потому можетъ быть только предметомъ вѣры, а не изученія. Что Непознаваемое совершенно недоступно нашему знанію, Спенсеръ выводитъ изъ слѣдующей истины, признаваемой всѣми науками: все, что мы познаемъ, мы познаемъ относительно, а не безусловно, т.-е. не такъ, какъ вещи существуютъ сами по себѣ, но такъ, какъ это обусловлено природой познающаго.

Этотъ законъ относительности никакъ не можетъ быть приложимъ къ Божеству, къ Непознаваемому, потому именно, что оно

---

[1]) Эволюція—слово латинское, значитъ—развитіе. хотя это послѣднее слово не вполнѣ точно, какъ мы увидимъ ниже, передаетъ значеніе философскаго термина «Эволюція».

[2]) См. предыдущую статью: «Позитивная философія» О. Контъ.

[3]) Объ «Индукціи» см. въ этомъ же отдѣлѣ статью: «Индукція и дедукція, анализъ и синтезъ».

по самому своему понятію должно быть абсолютно независимымъ. Устанавливая, такимъ образомъ, двѣ области — Непознаваемое и Познаваемое, Спенсеръ разрѣшаетъ вѣковой споръ между религіей и наукой, найдя для нихъ возможность существовать вполнѣ независимо одна отъ другой. Религія есть область чувства, вѣры; предметомъ ея потому служитъ Непознаваемое,—та Таинственная Сила, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ явленій физическаго и духовнаго міра. Наука, основанная на опытѣ и самонаблюденіи, изучаетъ міръ явленій, доступный нашимъ ощущеніямъ; поэтому наука никогда не должна браться за разрѣшеніе вопроса о томъ, что такое Непознаваемое: она должна молчаливо признавать Его существованіе.

Законъ эволюціи основывается на двухъ принципахъ (основныхъ положеніяхъ) физики—на законѣ сохраненія матеріи и на законѣ сохраненія энергіи или силы [1]). Въ общемъ своемъ видѣ эволюція (развитіе), какъ всеобщій основной законъ всего существующаго, предполагаетъ три момента: интеграцію (суммированіе, объединеніе въ одно цѣлое), дифференціацію (разъединеніе, разложеніе, выдѣленіе отдѣльныхъ единицъ) и переходъ отъ неопредѣленнаго къ болѣе опредѣленному.

1) Процессъ интеграціи (суммированія) заключается въ томъ, что отдѣльныя единицы, разсѣянныя въ пространствѣ, собираются въ одно цѣлое. Напримѣръ, прослѣдимъ образованіе кучи песку на морскомъ берегу. Благодаря постояннымъ приливамъ и прибою волнъ, отдѣльныя песчинки, носившіяся до сихъ поръ независимо одна отъ другой, начинаютъ осаждаться на мелкомъ покатомъ берегу, задерживаются въ неровностяхъ и впадинахъ грунта. Одна песчинка ложится на другую, другая на третью и т. д. — до тѣхъ поръ, пока не образуется песчаный холмъ, до вершины котораго уже не докатываются волны.

2) Процессъ дифференціаціи (разъединенія) состоитъ въ переходѣ отъ однороднаго къ разнородному, т.-е. въ томъ, что отдѣльныя единицы, составляющія одно цѣлое, живя общей жизнью, въ то же время начинаютъ каждая жить самостоятельно, по-своему. Такъ, въ каждомъ государствѣ граждане живутъ общей жизнью, общими политическими интересами, несутъ общія повинности, пользуются общими учрежденіями, но въ то же время они различны между собою по классамъ, по профессіямъ и т. д. И чѣмъ культурнѣе государство, тѣмъ больше разницы между отдѣльными гражданами въ ихъ развитіи, образованіи, способности и характерѣ дѣятельности.

---

[1]) Объ этихъ законахъ см. I томъ Энц. Физика и Механика.

3) Третій моментъ эволюціи (развитіе) — постепенный переходъ отъ менѣе опредѣленнаго къ болѣе опредѣленному. Это положеніе почти не требуетъ поясненій. Мы ежедневно наблюдаемъ на ребенкѣ, какъ онъ постепенно растетъ, какъ безсвязный, почти безсмысленный лепетъ его мало-по-малу переходитъ въ связную, содержательную рѣчь; на нашихъ глазахъ крѣпнетъ его мысль, формируется характеръ, мы видимъ, какъ онъ, опредѣляясь все болѣе и болѣе, какъ личность, выдѣляется, наконецъ, въ самостоятельное цѣлое среди своихъ сверстниковъ. Переходъ отъ менѣе опредѣленнаго къ болѣе опредѣленному можно прослѣдить на исторіи каждаго государства. Возьмемъ, напр., Англію [1]). Это государство на первыхъ ступеняхъ своего развитія далеко не было такимъ стройнымъ цѣлымъ, какимъ мы его теперь знаемъ. Ни законодательство, ни управленіе, ни судъ, ни народное образованіе, ни хозяйство — ничто не вылилось еще въ такія опредѣленныя формы, какъ теперь, все было только въ зачаткѣ, только что начинало развиваться... Всякое культурное государство дошло до высокой степени развитія путемъ неустанной внутренней борьбы именно за строгую опредѣленность формъ и условій своего бытія. Въ наукѣ, въ искусствѣ, въ религіи — всюду мы видимъ постепенный переходъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному: грубый идолъ дикаря и совершенное изображеніе человѣко-бога въ греческомъ ваяніи. монотонная, заунывная пѣсня самоѣда и изящная мелодія современнаго композитора, грубое суевѣріе нашихъ предковъ и положительныя данныя современнаго знанія — все говоритъ намъ за вѣрность вывода Спенсера.

Чтобы нагляднѣе понять и лучше уяснить себѣ спенсеровскій законъ всеобщей эволюціи (развитія) во всѣхъ ея трехъ формахъ, приведемъ здѣсь Канто-Лапласовскую гипотезу (предположеніе) о происхожденіи вселенной [2]). Эта гипотеза въ общихъ чертахъ такъ объясняетъ происхожденіе міра. Первоначально мельчайшія частицы матеріи были разбросаны въ безпредѣльномъ пространствѣ. Затѣмъ эти частицы стали собираться въ группы, группы стали соединяться въ одно безформенное цѣлое. Это цѣлое, въ силу притяженія частицъ, стало уплотняться, пріобрѣло затѣмъ вращательное движеніе. Наконецъ, когда развилась значительная центробѣжная сила [3]), отъ этой массы стали отрываться большіе куски матеріи — пла-

---

[1]) Подробно см. VIII томъ Энциклопедіи.

[2]) Подробно см. въ I отдѣлѣ Физики и Астрономіи.

[3]) См. Физику.

неты, которыя пріобрѣли самостоятельное движеніе въ пространствѣ. Каждая оторвавшаяся часть массы зажила потомъ самостоятельно. Земля, напр., первоначально была въ раскаленномъ видѣ, затѣмъ, путемъ постепеннаго охлажденія, на ней образовалась земная кора, а съ ней — растительная и животная жизнь. Конечно, со времени образованія земли и до настоящаго времени протекло много милліоновъ лѣтъ. Въ этомъ міровомъ процессѣ особенно послѣдовательно проведенъ законъ эволюціи. Такъ, первый моментъ эволюціи — концентрація (сосредоточеніе) — начался съ того времени, когда отдѣльныя, разобщенныя частицы матеріи стали соединяться въ группы, когда появилось уплотненіе въ центрѣ массы. Ту же концентрацію матеріи мы наблюдаемъ и въ отдѣльныхъ планетахъ, послѣ ихъ отдаленія отъ общей массы.

Дифференціація для общей уплотнившейся массы матеріи началась съ того, что отъ этой массы оторвались куски матеріи, которыя стали жить каждый своей особенной жизнью. Для планетъ же, напр., солнечной системы, въ частности для нашей земли, процессъ дифференціаціи выразился въ томъ, что на землѣ появились растенія, животныя, люди, и каждый видъ зажилъ самостоятельно, своей собственной жизнью.

Третій процессъ — переходъ отъ неопредѣленнаго къ болѣе опредѣленному, шелъ въ исторіи нашей планеты рука объ руку со вторымъ. По мѣрѣ того, какъ жизнь отдѣльныхъ единицъ все болѣе и болѣе обособлялась, принимая своеобразныя формы и виды, каждый видъ или форма становились все совершеннѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ ихъ предшественники, все далѣе и далѣе уходили отъ своихъ прототиповъ (первообразовъ, родоначальниковъ).

Но возникаетъ невольно вопросъ: имѣетъ ли это развитіе какой-нибудь предѣлъ, или оно можетъ продолжаться до безконечности? Спенсеръ даетъ на это опредѣленный отвѣтъ, основанный на строго научныхъ данныхъ. Онъ говоритъ, что для отдѣльныхъ организмовъ или группъ матеріальныхъ частицъ этотъ предѣлъ, безъ сомнѣнія, есть; для всего же мірозданія законъ эволюціи вѣченъ и непреложенъ и нѣтъ предѣла ему, т.-е. никогда не можетъ наступить такое время, чтобы развитіе одновременно остановилось во всей Вселенной. Такъ, напр., процессъ развитія нашей солнечной системы отчасти завершился: солнце и всѣ планеты, составляющія вмѣстѣ съ нимъ солнечную систему, находятся въ данное время въ такъ называемомъ *подвижномъ равновѣсіи* [1]), т.-е. въ силу закона притяженія и центробѣжной силы планеты вращаются вокругъ солнца, находясь

[1]) См. въ томѣ I Народной Энциклопедіи, Механику.

отъ послѣдняго и другъ отъ друга на строго опредѣленныхъ разстояніяхъ. Планеты не падаютъ ни на солнце, ни другъ на друга. Но, кромѣ этихъ двухъ главныхъ силъ — притяженія и центробѣжной, есть еще много силъ, которыя стремятся вывести изъ равновѣсія ту или другую планету или даже всю солнечную систему. Пока силы, дѣйствующія на нашу солнечную систему, находятся въ такомъ равновѣсіи и ни одна изъ нихъ не беретъ перевѣса во взаимной борьбѣ, до тѣхъ поръ наша система будетъ находиться въ состояніи подвижного равновѣсія. Но лишь только какая-нибудь посторонняя сила преодолѣетъ сопротивленіе, какое ей оказываютъ силы, поддерживающія равновѣсіе, тотчасъ же наша солнечная система распадется: выведенныя изъ равновѣсія планеты или упадутъ на солнце, или же умчатся къ другому свѣтилу, обладающему большей силой притяженія. Процессъ этотъ Спенсеръ называетъ дезинтеграціей, т.-е. разложеніемъ. Возьмемъ другой примѣръ: организмъ человѣка или животнаго до тѣхъ поръ живетъ и правильно работаетъ, пока силы, дѣйствующія въ немъ, находятся въ равновѣсіи, пока онъ можетъ бороться противъ разрушительнаго дѣйствія разныхъ микробовъ, которые въ громадномъ количествѣ входятъ въ него съ пищей и воздухомъ, противъ климатическихъ и жизненныхъ условій. Но едва организмъ теряетъ способность сопротивляться внѣшнимъ и внутреннимъ воздѣйствіямъ, едва ослабѣваетъ его дѣятельность отъ истощенія или болѣзней, онъ немедленно разрушается, разлагается на составныя матеріальныя части. И въ жизни цѣлыхъ народовъ наблюдается то же самое, т.-е., что развитіе постоянно сопровождается разложеніемъ, уничтоженіемъ сложнаго цѣлаго.

Итакъ, цѣль развитія (эволюціи) заключается въ томъ, чтобы установить равновѣсіе въ данной группѣ матеріальныхъ частицъ (аггрегатѣ, какъ называетъ эту группу Спенсеръ); когда же равновѣсіе достигнуто, то, вслѣдствіе постояннаго дѣйствія внѣшнихъ силъ, эволюція заканчивается разложеніемъ.

Законъ развитія приложимъ и къ біологіи [1]) (отъ греческаго слова біосъ — жизнь и логосъ — ученіе, значитъ ученіе о возникновеніи и развитіи жизни) и къ психологіи [2]) (наукѣ о душѣ). Согласно ученію Спенсера, жизнь состоитъ въ приспособленіи внутреннихъ состояній къ внѣшнимъ, при чемъ организмъ, путемъ постояннаго упражненія, достигаетъ того, что данное внѣшнее воздѣйствіе перестаетъ его сильно без-

---

[1]) См. II томъ Народной Энциклопедіи: «Живое и мертвое».

[2]) См. стр. 1 и слѣд.

покоить, такъ что въ концѣ-концовъ онъ вовсе перестаетъ обращать вниманіе на это воздѣйствіе. Такое приспособленіе, конечно, требуетъ большого промежутка времени, стоитъ жизни многимъ организмамъ, не сумѣвшимъ выработать въ себѣ сопротивленія внѣшнему воздѣйствію, и путемъ наслѣдственной передачи достигаетъ въ отдаленныхъ потомкахъ значительной степени совершенства. Если бы, напр., сто человѣкъ русскихъ переселить въ центральную Африку и заставить ихъ тамъ жить, то добрая половина ихъ навѣрное умерла бы, не перенеся жаркаго и сухого климата, перемѣны пищи и образа жизни, а часть выжила бы и въ наслѣдство своему потомству оставила бы нѣкоторую приспособленность къ новымъ условіямъ жизни, — такъ, цвѣтъ кожи изъ бѣлаго сталъ бы свѣтло-оливковымъ подъ вліяніемъ жгучихъ лучей тропическаго солнца, развились бы такія физическія качества, какъ тонкость зрѣнія и слуха и т. д. Такимъ путемъ, черезъ сотни лѣтъ, потомки этихъ русскихъ переселенцевъ въ борьбѣ за существованіе настолько приспособились бы къ мѣстнымъ условіямъ, что считали бы Африку своимъ истиннымъ отечествомъ. На приспособленіи организма, между прочимъ, основаны прививки оспы, дифтерита: вводя въ организмъ въ маломъ количествѣ болѣзнетворные микробы, мы заставляемъ организмъ вырабатывать противоядіе противъ нихъ, такъ что когда приходитъ настоящая болѣзнь, то организмъ легко справляется съ ней, благодаря запасу противоядія [1]).

Душевная жизнь человѣка есть также выраженіе всеобщаго закона эволюціи. Какъ и въ мірѣ вещественномъ, въ мірѣ духовномъ нѣтъ ни рѣзкостей, ни скачковъ — все совершается закономѣрно, развиваясь одно изъ другого. Самой низшей формой душевной дѣятельности является *рефлексъ* [2]) — непроизвольное, безсознательное сокращеніе мышцъ при внѣшнемъ раздраженіи. (Напр., человѣкъ сидитъ задумавшись. Подкравшійся сзади товарищъ укалываетъ его булавкой. Человѣкъ вздрагиваетъ. Движеніе вздрогнувшаго человѣка и есть *рефлексъ*). Когда рефлекторная, безсознательная дѣятельность становится сложнѣе, то она переходитъ въ *инстинктъ*—рядъ сложныхъ движеній, совершаемыхъ также безъ участія воли. Инстинктъ есть уже высшая форма душевной жизни по сравненію съ рефлексами, потому что для его образованія нужно, чтобы извѣстныя душевныя состоянія повторялись часто въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Инстинктъ, такимъ образомъ, является слѣдствіемъ опыта, по

---

1) Подробно о прививкахъ см. V томъ Народн. Энциклопедіи: «Медицина», стр. 365.

2) См. V томъ «Физіологія», стр. 148.

только не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ поколѣній, цѣлыхъ родовъ, и передается по наслѣдству. Напримѣръ, мы ѣдемъ въ лодкѣ. Отъ неловкаго движенія одного изъ сидящихъ лодка вдругъ сильно наклоняется направо. Тогда мы всѣ, сидящіе въ ней, бросаемся *невольно* влѣво для того, чтобы обратнымъ наклону движеніемъ возстановить нарушенное равновѣсіе. Сдѣлали мы это безсознательно, *инстинктивно*, сдѣлали потому, что опытъ нашихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, унаслѣдованный нами, учитъ насъ поступать въ данномъ случаѣ именно такимъ образомъ. Въ нашихъ дѣйствіяхъ не было сознанія.

За инстинктомъ слѣдуетъ *память*. Она является именно тогда, какъ душевныя состоянія не могутъ по своей сложности такъ часто повторяться, чтобы стать автоматическими (безсознательными). Разумъ, чувствованія, воля — это только дальнѣйшія ступени развитія инстинкта, болѣе высокія, болѣе совершенныя, болѣе сложныя. Кромѣ того, въ психологіи Спенсера интересно отмѣтить его рѣзкую критику ученія нѣкоторыхъ философовъ о томъ, что такое пространство [1]). Какъ уже извѣстно, вопросъ о пространствѣ рѣшался въ философіи двояко: одни философы думали, что мы родимся уже съ готовыми представленіями о пространствѣ, что они намъ прирождены, другіе же, наоборотъ, утверждали, что понятіе о пространствѣ мы получаемъ лишь опытнымъ путемъ, учась понемногу съ дѣтства представлять себѣ предметы протяженными, т.-е. имѣющими три измѣренія (сенсуалисты). Спенсеръ находитъ, что одинаково ошибаются и тѣ, и другіе: взятый въ отдѣльности каждый членъ рода получаетъ по наслѣдству зачатки представленія о пространствѣ, т.-е. ему прирождено это представленіе, но зато цѣлый родъ, взятый въ совокупности своихъ членовъ, выработалъ въ себѣ это представленіе путемъ долгаго опыта. Кромѣ того, Спенсеръ находитъ, что мы не все можемъ представить себѣ протяженнымъ, т.-е. имѣющимъ извѣстную мѣру; такъ, звуки, запахи, вкусъ — не могутъ быть мыслимы нами протяженными. Затѣмъ защитники прирожденности намъ идеи пространства говорятъ, что понятія пространства и мѣры у всѣхъ людей одинаковы. Спенсеръ, возражая имъ, указываетъ на то, что, напр., людямъ, пьющимъ или курящимъ опіумъ, все иногда кажется въ значительно увеличенномъ размѣрѣ. Подъ вліяніемъ сильныхъ душевныхъ движеній также измѣняются пространственныя представленія; вспомнимъ для примѣра нашу русскую пословицу: «у страха глаза велики»...

---

[1]) Объ ученіи Канта ср. статью: «Критическая философія Канта».

Законъ эволюціи господствуетъ и въ области нравственности (этики). Въ этой области Спенсеръ опять выступаетъ съ критикой ученія тѣхъ философовъ, которые склонны происхожденіе многаго объяснять прирожденностью намъ или божественностью. Онъ доказываетъ, что нравственность явилась опытнымъ путемъ, и что начало ея надо искать не только въ исторіи человѣческихъ обществъ, но вообще въ исторіи животнаго міра... Дѣйствія каждаго организма мы можемъ разсматривать какъ хорошія и какъ дурныя. Хорошими поступками считаются такіе, которые помогаютъ самосохраненію, а дурными—такіе, которые укорачиваютъ жизнь; самое же лучшее поведеніе будетъ такое, которое не только способствуетъ продленію жизни родителей и дѣтей, но и помогаетъ согражданамъ лучше устроить ихъ жизнь. Какъ наклонность къ хорошимъ поступкамъ, такъ и наклонность къ дурнымъ — одинаково передаются по наслѣдству; такимъ образомъ понятіе о добрѣ и злѣ въ цѣломъ родѣ складывается опытнымъ путемъ въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ, при чемъ каждый членъ рода прибавляетъ къ полученному по наслѣдству частицу своего личнаго опыта. Вотъ почему современный человѣкъ такъ тонко умѣетъ разбираться въ добрѣ и злѣ: за его спиной стоитъ многовѣковой опытъ его праотцевъ... Но вѣдь можно поставить вопросъ: развѣ каждое живое существо, особенно на низшей ступени развитія, можетъ сознательно стремиться къ хорошимъ поступкамъ? Почему оно, это существо, *должно* стремиться именно къ нравственному совершенствованію? Потому, — отвѣчаетъ Спенсеръ, — что каждое существо стремится къ продленію жизни, къ самосохраненію, а самосохраненіе требуетъ отъ него, чтобы оно заботилось о полезно-цѣлесообразномъ и отвергало дурное, нецѣлесообразное. Хорошее, т.-е. цѣлесообразное — это нравственное; дурное, т.-е. нецѣлесообразное — безнравственное. Спенсеръ говоритъ: «весь прошлый опытъ человѣческихъ расъ о полезномъ, организовавшись и утвердившись, вызвалъ соотвѣтственныя измѣненія въ нервной системѣ, которыя, благодаря наслѣдованію и накопленію, превратились въ наклонность къ извѣстнымъ нравственнымъ воззрѣніямъ, къ чувствамъ, которыя соотвѣтствуютъ хорошему и дурному поведенію». Такимъ образомъ и совѣсть, по Спенсеру, — не божественнаго, а опытнаго происхожденія.

Стремленіе къ полезному и цѣлесообразному создаетъ этику (нравственность). Люди, живя обществами, свели всѣ этическія (нравственныя) правила въ одно цѣлое, выработали законы, которые опредѣляютъ поведеніе каждаго человѣка въ отдѣльности. Но всѣ эти этическія (нравственныя) правила, выработан-

ныя современными законодательствами, далеко не имѣютъ характера чего-то совершеннаго, безошибочнаго, безусловнаго; наоборотъ, Спенсеръ указываетъ на многія въ нихъ непримиримыя противорѣчія. Такъ, въ силу самосохраненія, каждое общество требуетъ отъ своихъ членовъ два вида поведенія, по существу противоположныхъ другъ другу: вражду ко всѣмъ остальнымъ обществамъ и расположеніе къ своему. Особенно рѣзко сказывается это противорѣчіе у европейскихъ народовъ, которые, сдѣлавшись христіанами, на словахъ стали проповѣдывать любовь и всепрощеніе, а на дѣлѣ несли своимъ сосѣдямъ огонь и мечъ. Это бьющее въ глаза противорѣчіе есть лучшее доказательство того, что этика (нравственность) происхожденія опытнаго, а не божественнаго, и что она всецѣло подчиняется общему закону эволюціи. Спенсеръ устанавливаетъ здѣсь общее положеніе, служащее для оцѣнки дѣятельности каждаго общества, именно: чувства и представленія вырабатываются въ обществѣ сообразно тому, чѣмъ оно занимается. Въ обществѣ, которому постоянно приходится бороться съ внѣшними врагами, вырабатывается такого рода взглядъ, что воинскія доблести нужно цѣнить выше всего, что нападать на врага, разорять и жечь его необходимо, чтобы обезпечить себѣ миръ и покой. Напротивъ, въ обществѣ, гдѣ процвѣтаетъ мирный трудъ, вырабатывается такого рода законъ, который учитъ справедливости, рекомендуетъ честность въ сношеніяхъ съ людьми, уваженіе къ чужому труду, т.-е. способствуетъ совмѣстной плодотворной работѣ на пути всеобщаго развитія и благосостоянія. Неудивительно поэтому, что мы, читая исторію какого-нибудь народа, видимъ, какъ на разныхъ ступеняхъ своей государственной жизни онъ вырабатывалъ различныя, часто противорѣчащія другъ другу правила нравственности: различныя внѣшнія условія жизни требовали отъ этого народа въ разныя времена разнаго поведенія и разныхъ чувствъ.

Каждому живому существу свойственно стремиться къ удовольствію, къ счастью. Это въ порядкѣ вещей, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ основному біологическому закону, что полезная дѣятельность доставляетъ организму удовольствіе, вредная — страданіе. Такимъ образомъ организмъ, стремящійся къ удовольствію, т.-е. къ пользѣ, лучше приспособленъ для жизни, чѣмъ тотъ, у котораго вредная дѣятельность превышаетъ полезную. Кантъ и его послѣдователи полагали, что у каждаго человѣка есть чувство *долга;* это чувство прирождено человѣку отъ вѣка; оно пробуждаетъ человѣка стремиться къ добру, не къ личной, а къ общественной пользѣ, и на высшихъ ступеняхъ развитія приближаетъ его къ Богу. Не отрицая всеобщности

этого чувства, Спенсеръ, однако, возстаетъ противъ того, что это чувство долга прирождено человѣку: оно, говоритъ Спенсеръ, явилось слѣдствіемъ развитія, эволюціи. На первыхъ ступеняхъ своего развитія, когда человѣкъ принужденъ былъ бороться за свою независимость отъ разныхъ враговъ, человѣкъ былъ грубымъ эгоистомъ, т.-е. заботился только лично о себѣ, вовсе не соображаясь съ тѣмъ, что его дѣятельность, его стремленіе къ удовольствію почти всегда бывало вредно и пагубно для другихъ. Затѣмъ, съ развитіемъ общественной жизни и усовершенствованіемъ законодательства, эгоизмъ сталъ мало-помалу отступать на задній планъ, сталкиваться съ альтруистическими побужденіями, *общественная польза* вступила въ борьбу съ *личной выгодой*. Это — вторая ступень развитія нравственнаго чувства. Ее можно примѣнить къ современному состоянію общества, когда личное счастье очень рѣдко совпадаетъ съ благомъ общественнымъ, а служеніе ближнимъ — еще тяжелый долгъ. Наконецъ, третья ступень въ развитіи этики (нравственности) — это еще очень отдаленное будущее, когда личное благо гармонически (стройно) сольется съ благомъ общественнымъ, когда служить ближнимъ будетъ большимъ удовольствіемъ. И тогда, на самой высшей ступени развитія, человѣкъ останется личностью, самимъ собою, сохранитъ свои индивидуальныя (характерныя для него одного) черты, но онъ больше не будетъ насиловать свою волю, принуждая ее, вопреки желанію, стремиться къ общему благу — само служеніе этому благу будетъ неизсякаемымъ источникомъ *личнаго* наслажденія.

Въ своей философіи Спенсеръ отводитъ много мѣста личности, индивидууму. Развитіе личности стоитъ въ тѣсной зависимости отъ воспитанія характера; а такъ какъ воспитаніе характера идетъ крайне медленно, то и общество, въ которомъ отдѣльные члены должны играть видную роль, совершенствуется шагъ за шагомъ, въ медлительной постепенности. Гражданинъ развивается изъ юноши, юноша — изъ ребенка; слѣдовательно, имѣя въ виду общее развитіе, нужно особенное вниманіе обратить на воспитаніе дѣтей. На тысячѣ примѣровъ изъ исторіи, изъ современной жизни и, наконецъ, изъ своего собственнаго опыта Спенсеръ вынесъ убѣжденіе, что ребенку нужно возможно больше давать простора для развитія индивидуальныхъ чертъ и наклонностей. Самостоятельный опытъ — вотъ краеугольный камень въ воспитаніи. Ни школа, ни семья, никто не долженъ слишкомъ стѣснять самодѣятельности ребенка и подгонять его развитіе подъ общеустановленную мѣрку. Кромѣ того, надо заботиться, чтобы ребенокъ возможно меньше находился подъ

вліяніемъ авторитета (лицо, которому вѣрятъ на слово, не провѣряя его) и традиціи (преданіе), такъ какъ чрезмѣрное увлеченіе авторитетами подавляетъ личный починъ.

Какъ мы уже упоминали раньше, жизнь современныхъ государствъ слагалась тысячелѣтіями. Когда-то, во времена сѣдой древности, люди жили отдѣльными семьями, но потомъ стали соединяться въ союзы, племена, государства. Такое соединеніе въ крупныя единицы имѣло свои преимущества и свои невыгоды. Съ одной стороны, организованная группа людей могла легче противостоять нападеніямъ враговъ и лучше обезпечивала безопасность имущества и жизни отдѣльнымъ членамъ этой группы; а съ другой, групповая, племенная жизнь стѣсняла волю отдѣльныхъ членовъ, подчиняя ее общепринятымъ установленіямъ. Отдѣльныя лица и цѣлыя общества должны были приспособляться къ новымъ условіямъ жизни; если они умѣли это сдѣлать, то выживали, мало-по-малу теряя индивидуальныя черты и сливаясь съ общей массой группы или государства; если же почему-либо эти отдѣльныя единицы не могли приспособиться къ новымъ условіямъ государственной жизни, то гибли постепенно. За примѣрами недалеко ходить: массовое вымираніе индѣйцевъ въ обѣихъ Америкахъ, у насъ — вымираніе инородцевъ, особенно пермяковъ Инвеньской дачи Пермской губ., народа, когда-то многочисленнаго и культурнаго. Развитіе соціальной жизни проходитъ тѣ же три ступени, что и развитіе органической жизни вообще, т.-е. суммированіе (интеграцію), расчлененіе (дифференціацію) и переходъ отъ менѣе опредѣленнаго къ болѣе опредѣленному. Настоящее время представляетъ изъ себя переходъ отъ первой ступени ко второй, т.-е. борьбу милитаризма (господство вооруженной силы) съ индустріализмомъ (стремленіе къ свободному развитію промышленности): страхъ передъ опасностью нашествія враговъ мало-по-малу прошелъ, на первый планъ выдвигается *личность*, стремящаяся къ свободной организаціи. Однако вооруженная сила, привыкшая къ безконтрольному господству, не хочетъ уступить новымъ потребностямъ общественной жизни, и вотъ мы видимъ жестокую борьбу (особенно въ Европѣ) военной силы со стремленіемъ общества къ спокойному и свободному проявленію *личности* въ наукѣ, промышленности, торговлѣ, искусствѣ...

Основой соціальной (общественной) жизни Спенсеръ считаетъ справедливость, понимаемую въ самомъ широкомъ смыслѣ. Объясняя все изъ закона развитія, Спенсеръ и чувство справедливости не беретъ, какъ нѣчто данное или врожденное, а принимаетъ его, какъ прошедшее нѣсколько ступеней развитія.

Это чувство въ своей зачаточной формѣ развилось изъ страха передъ местью, передъ общественнымъ мнѣніемъ, передъ наказаніемъ закона, передъ гнѣвомъ боговъ. Чувство страха, удерживая отдѣльнаго индивидуума отъ слишкомъ частыхъ нанесеній обидъ своимъ соотечественникамъ, сдѣлало возможной жизнь обществомъ, а уже въ послѣдней чувство справедливости, выродившееся изъ страха, стало развиваться далѣе. Справедливость въ соціальной жизни требуетъ равной свободы для всѣхъ, ограниченной точно такой же свободой другихъ, т.-е. люди могутъ дѣлать, что они хотятъ, но только такъ, чтобы ихъ дѣятельность *не мѣшала* свободному развитію другихъ лицъ. Въ какомъ же отношеніи должна стоять къ государству отдѣльная личность? Нѣкоторые философы, напр. Огюстъ Контъ, склонны думать, что самымъ совершеннымъ обществомъ будетъ такое, въ которомъ личность совершенно поглощается обществомъ и личные интересы стушевываются передъ соціальными (общественными). Эти философы часто сравниваютъ государственное устройство съ человѣческимъ тѣломъ, въ которомъ отдѣльные члены — руки, ноги, глаза и пр. — слушаются головы. Спенсеръ возражаетъ противъ такого мнѣнія. Во-первыхъ, въ отдѣльномъ организмѣ всѣ члены настолько тѣсно связаны съ жизнью цѣлаго организма, что взятые порознь, они перестаютъ дѣйствовать; тогда какъ разбитое на составныя части общество даетъ все-таки живыя существа, могущія составить новую соціальную группу. Во-вторыхъ, въ отдѣльномъ организмѣ есть только одинъ центръ, чувствующій и управляющій жизнью и дѣятельностью всего организма (т.-е. голова); государство же состоитъ изъ массы такихъ отдѣльныхъ «центровъ», живущихъ вполнѣ самостоятельно, думающихъ и чувствующихъ независимо одинъ отъ другого. Поэтому,—говоритъ Спенсеръ: — «благосостояніе государства, разсматриваемое независимо отъ благосостоянія составляющихъ его единицъ, никогда не можетъ считаться цѣлью общественныхъ стремленій». Значитъ, не личность существуетъ для государства, а государство существуетъ для того, чтобы давать возможность личности развиваться самостоятельно и полно. «По моему мнѣнію,— говоритъ Спенсеръ,—идеаломъ, къ которому мы идемъ, является общество, въ коемъ управленіе будетъ доведено до возможно меньшихъ предѣловъ, а свобода достигнетъ, по возможности, наибольшей широты».

Изъ закона равной свободы Спенсеръ выводитъ всѣ права человѣка — право собственности, право обмѣна, право свободной промышленности, право на свободу слова, печати, вѣроисповѣданія. По мнѣнію Спенсера, жестоко ошибаются тѣ люди,

которые думаютъ, что эти права человѣка опираются на законы, существующіе въ государствѣ: разъ права эти вытекаютъ изъ естественнаго права человѣка на равную свободу для всѣхъ, то само собой понятно, что законы, создаваемые людьми, являются только чѣмъ-то объединяющимъ и закрѣпляющимъ эти права, а не началомъ, дающимъ имъ жизнь. Права человѣка, опирающіяся на законъ равной свободы, гораздо важнѣе и цѣннѣе такъ называемыхъ «политическихъ правъ»: послѣднія нужно разсматривать только какъ *средства* для достиженія естественныхъ правъ, какъ *орудіе* въ рукахъ государства, которое должно заботиться объ охраненіи *личныхъ* правъ своихъ членовъ.

Государство, какъ и все въ мірѣ, тоже подлежитъ закону всеобщаго развитія. Назначеніе государства сводится къ исполненію двухъ обязанностей: къ національной защитѣ отъ вторженія внѣшнихъ враговъ и къ защитѣ личности отъ внутреннихъ враговъ, покушающихся на его естественныя права. Въ прежнія времена, когда человѣкъ дрожалъ за свою жизнь и имущество, опасаясь нападеній сосѣдей-враговъ, первая обязанность была, конечно, важнѣе второй. Но съ теченіемъ времени опасность нарушенія личныхъ и имущественныхъ правъ со стороны внѣшнихъ враговъ стала все болѣе и болѣе уменьшаться; тогда человѣческая личность (индивидуумъ) стала все настойчивѣе и настойчивѣе предъявлять свои права на равную свободу. Однако, въ государствѣ отъ прежней неустанной борьбы осталось нѣсколько такихъ чертъ характера (напр., грубость, распущенность, склонность къ насиліямъ и пр.), которыя въ настоящее время являются источникомъ зла и раздоровъ въ обществѣ. Это вредитъ дальнѣйшему совершенствованію общественной жизни. Чѣмъ же можно избавиться отъ такого зла, которое является досаднымъ пережиткомъ старины? Многіе склонны думать, что улучшеніе законодательства, рѣшительныя соціальныя реформы, смѣна одной формы правленія другой, болѣе либеральной и т. п. являются вѣрнымъ лѣкарствомъ противъ такого несовершенства современной жизни... Спенсеръ находитъ эти взгляды ошибочными; по его мнѣнію, всѣ планы быстрой и основательной перестройки общественнаго зданія, которые теперь восхищаютъ многихъ, должны быть признаны непригодными: быстрая реформа всегда оканчивается ничѣмъ, самое большее измѣненіемъ только внѣшнихъ формъ. «Какъ невозможно, — говоритъ Спенсеръ, — изъ плохого матеріала выстроить хорошій домъ посредствомъ особаго способа строенія, такъ невозможно изъ низшей породы людей сдѣлать хорошее общество посредствомъ особаго рода соціальнаго устройства». Нужно раньше улучшить

отдѣльныхъ членовъ общества посредствомъ правильно поставленнаго воспитанія и образованія, а затѣмъ уже заботиться объ улучшеніи соціальнаго строя... Въ настоящее время всѣ человѣческія общества неуклонно стремятся къ соціализму [1]). Въ этомъ стремленіи Спенсеръ видитъ что-то роковое для человѣчества; соціализмъ, по мнѣнію Спенсера, «будетъ величайшимъ несчастіемъ, какое только переживалъ міръ»: онъ не только не дастъ индивидууму спокойно развиваться подъ охраной гуманнаго закона, но неизбѣжно поведетъ къ военному деспотизму, къ господству грубой силы. Однако, такой печальный взглядъ Спенсера на ближайшее будущее человѣческихъ обществъ значительно смягчается его вѣрой въ конечное торжество закона эволюціи, въ силу котораго общество, часто измѣняя свои пути, стремится все-таки къ совершенству и дойдетъ въ концѣ-концовъ до такого состоянія, когда законъ равной свободы будетъ осуществленъ для всѣхъ.

Въ современныхъ государствахъ каждый гражданинъ долженъ принимать посильное участіе въ политической жизни. Уклоняющіеся отъ этого не исполняютъ прямыхъ своихъ обязанностей и поступаютъ безчестно, такъ какъ они своей бездѣятельностью способствуютъ господству зла и дурныхъ инстинктовъ, пользуются хорошими общественными учрежденіями, не прилагая труда къ ихъ поддержанію. Общество совершенствуется не по волѣ закона, а постольку, поскольку каждый изъ его членовъ стремится къ самосовершенствованію, воспитывая въ себѣ такія начала, которыя, будучи осуществлены въ жизни, доставляютъ ему безмятежное счастье, а другимъ — способы и средства возможно лучше устроить свою жизнь. Такимъ образомъ, высшая форма общественной жизни обезпечиваетъ человѣку неприкосновенность естественныхъ правъ его личности со строгимъ соблюденіемъ закона равной для всѣхъ свободы.

Пособіемъ можетъ служить: «Гербертъ Спенсеръ». Отто Гаупна. Москва. Изд. 1898 г., ц. 50 к.

ЭТИКА.

12. Утилитарная теорія нравственности.

Въ исторіи философіи какъ древней, такъ и новой, мы находимъ не мало разныхъ теорій нравственности. Теоріи эти различаются, во-первыхъ, по тому, что́ онѣ считаютъ *мотивами* нравственнаго дѣйствія. Нѣкоторые полагаютъ, что къ этому

[1]) О соціализмѣ, какъ ученіи, см. XII т. Народной Энциклопедіи.

дѣйствію человѣка побуждаетъ *умъ*, другія видятъ этотъ мотивъ въ *чувствованіяхъ* разнаго рода, напр., любви, или справедливаго возмездія, или симпатіи, или въ инстинктѣ общежительности и т. д. Во-вторыхъ, эти теоріи различно объясняютъ *происхожденіе* нравственности. Въ этомъ смыслѣ можно различать теоріи, выводящія нравственную обязанность изъ внѣшняго человѣку авторитета, который предписалъ ему эти законы. Такими авторитетами одни мыслители считаютъ Божество, другіе — Церковь, третьи — государство и т. д. Напротивъ, другія теоріи нравственности стараются объяснить нравственную обязанность изъ природы самого человѣка, видятъ въ ней не одно внѣшнее предписаніе, но естественный продуктъ особенностей человѣческой природы (автономная теорія). Но самымъ важнымъ для теоріи нравственнаго дѣйствія является не вопросъ о его мотивахъ и происхожденіи, но вопросъ о его высшей цѣли: какую верховную цѣль осуществляетъ или должна осуществлять нравственность? Эта цѣль обыкновенно называется *высшимъ благомъ*. На вопросъ, въ чемъ состоитъ высшее благо, или какую конечную цѣль должно имѣть въ виду нравственное дѣйствіе, разные философы отвѣчали тоже весьма различно. Одни считали такимъ высшимъ благомъ самый нравственный подвигъ, осуществленіе чистаго нравственнаго *долга;* другіе видятъ высшее благо въ *развитіи:* нравственность должна осуществить высшій типъ жизни; третьи, наконецъ, считаютъ конечною цѣлью нравственной дѣятельности *счастіе,* возможное увеличеніе счастія возможно бо́льшаго числа существъ. Согласно этимъ послѣднимъ теоріямъ то дѣйствіе нравственно или хорошо, которое *полезно* для людей, т.-е. увеличитъ ихъ счастіе. Эта теорія называется обыкновенно утилитаризмомъ, отъ латинскаго слова *utilis* (полезный). Мы въ настоящей статьѣ познакомимъ читателя съ подробностями этой теоріи, какъ она была развиваема разными мыслителями. Представителей этой теоріи мы находимъ, строго говоря, уже среди многихъ древнихъ мыслителей — греческихъ и римскихъ. Таковъ былъ, напр., въ древности *Эпикуръ* (341—270 гг. до Р. Хр.) и его послѣдователи, такъ называемые «эпикурейцы». Однако ради краткости мы изложимъ только ученія нѣкоторыхъ *новыхъ* утилитаристовъ, именно тѣхъ, которые внесли въ эту теорію свое особенное содержаніе и тѣмъ углубили ея смыслъ. Въ частности, придется остановиться на взглядахъ *Бентама, Дж. Ст. Милля* и *Спенсера.*

1) *Іеремія Бентамъ* (1778—1832), знаменитый англійскій юристъ и филантропъ, содѣйствовалъ цѣлому ряду важныхъ реформъ въ строѣ англійскаго парламента и самоуправленія, смягче-

нію уголовнаго законодательства, введенію въ него исправительной системы наказаній, основанной на морали, улучшенію суда присяжныхъ. Онъ былъ горячимъ сторонникомъ всеобщаго мира и еще наканунѣ французской революціи излагалъ выгоды всеобщаго разоруженія и приглашалъ Францію и Англію показать въ этомъ примѣръ народамъ. Эта главная его задача—реформировать законодательство на общей философской основѣ—повела его къ размышленію о нравственныхъ принципахъ (началахъ), и онъ явился главою цѣлой группы выдающихся мыслителей и общественныхъ дѣятелей въ Англіи первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, носившей названіе радикаловъ или бентамистовъ.

Всѣ человѣческія дѣйствія, по Бентаму, происходятъ, въ сущности, изъ стремленія къ удовольствію и стремленія избѣгнуть страданія (понимая, однако, удовольствіе и страданіе въ самомъ широкомъ смыслѣ, т.-е. включая сюда не только удовольствія эгоистическія, но и такія, какъ удовольствія дружбы, уваженія, сочувствія и т. д.). Природа поставила человѣчество,—говоритъ онъ,—подъ управленіе двухъ верховныхъ властителей, страданія и удовольствія. Имъ однимъ предоставлено опредѣлять, что мы можемъ дѣлать, и указывать, что мы должны дѣлать. На словахъ человѣкъ можетъ претендовать на отрицаніе ихъ могущества, но въ дѣйствительности онъ всегда остается подчиненъ имъ. Изъ этихъ единственныхъ и естественныхъ мотивовъ человѣческихъ дѣйствій Бентамъ берется объяснить все нравственное поведеніе. Именно нравственное дѣйствіе есть то, при которомъ получится *наибольше удовольствія и наименьше страданія*, т.-е. дѣйствіе наиболѣе въ этомъ смыслѣ выгодное для дѣятеля. Дѣйствіемъ нравственнымъ для отдѣльнаго человѣка надо поэтому считать дѣйствіе наиболѣе для него полезное, нравственнымъ дѣйствіемъ для группы людей является, въ ихъ совмѣстной дѣятельности, то дѣйствіе, которое имъ совмѣстно наиболѣе выгодно и т. д. Общая же цѣль нравственной дѣятельности всѣхъ людей въ совокупности можетъ быть выражена какъ возможное увеличеніе счастія наибольшаго числа людей или, какъ то выражаетъ Бентамъ, *максимизація счастія* (латинское maximus — наибольшій). Бентамъ отказывается доказывать, что люди исключительно стремятся къ счастію. Онъ это считаетъ самоочевиднымъ. Свой же принципъ утилитарной морали онъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: подъ принципомъ пользы я понимаю тотъ принципъ, который одобряетъ или не одобряетъ какое бы то ни было дѣйствіе, смотря по тому, имѣетъ ли оно (какъ намъ кажется) стремленіе увеличить или

уменьшить счастіе *той стороны, объ интересъ которой идетъ дѣло*, или, говоря то же другими словами, содѣйствовать или препятствовать этому счастію. У утилитаристовъ есть, правда, два противника, и Бентамъ рѣзко ихъ опровергаетъ. Первый изъ нихъ есть принципъ аскетизма, который, по мнѣнію Бентама, цѣнитъ дѣйствія обратнымъ образомъ: одобряетъ то, что уменьшаетъ счастіе, и порицаетъ его увеличеніе. Другой же противникъ — ученіе о симпатіи, которое одобряетъ или порицаетъ дѣйствія не по ихъ результатамъ, а только по чувствамъ человѣка, по настроеніямъ его, которые побуждаютъ его къ дѣйствію, и считаетъ хорошими дѣйствія, возникшія изъ симпатіи, и дурными тѣ, въ которыхъ есть эгоистическое настроеніе. Сюда же надо отнести и всѣ тѣ нравственныя теоріи, которыя сводятъ все къ совѣсти, моральному чувству, такъ называемому естественному закону или естественному праву и т. д., и не замѣчаютъ, что въ дѣйствительности эти чувства состоятъ изъ массы эгоистическихъ мотивовъ.

Добродѣтель есть, въ сущности, благоразумный расчетъ, счастіе (для индивидуума или общества), при которомъ, однако, намъ постоянно приходится выбирать болѣе отдаленное удовольствіе и отказываться отъ болѣе близкаго, а главное, вообще принимать во вниманіе интересы другихъ людей, съ которыми связано повсюду наше счастіе. Безнравственный поступокъ есть ошибочное вычисленіе счастія, и порочный человѣкъ дѣлаетъ ошибочную оцѣнку удовольствій и страданій. Гнуснѣйшее удовольствіе, извлекаемое злодѣемъ изъ своего преступленія, само по себѣ не могло бы быть осуждаемо утилитаристомъ, если бы только оно не имѣло вредныхъ послѣдствій для самого преступника или для общества, къ которому онъ принадлежитъ.

Важныя слѣдствія этого ученія, которое можетъ на первый взглядъ казаться безнравственнымъ, оказываются, однако,—говоритъ Бентамъ,—въ высшей степени человѣколюбивы и благодѣтельны. Это обнаруживается, когда мы примемъ во вниманіе реальныя связи, существующія между интересами людей, вслѣдствіе чего то, что вредно для большинства, оказывается косвенно вредно и для самого дѣятеля; поэтому удовольствія, наиболѣе широко распространенныя, должны быть предпочитаемы тѣмъ, которыя доступны для немногихъ; тѣмъ болѣе тѣ, которыя вредны для многихъ, должны быть отброшены, хотя бы и были пріятны для самого дѣятеля. Далѣе, надо принять во вниманіе, что, кромѣ эгоистическихъ удовольствій, человѣку, какъ уже было сказано, свойственны и удовольствія альтруистическія — дружбы, симпатіи и т. д. «Можетъ ли, — говоритъ Бентамъ, —

человѣкъ быть счастливъ, не снискивая любовь тѣхъ, отъ кого зависитъ его счастіе? И можетъ ли онъ снискать ихъ любовь, не убѣждая ихъ, что онъ воздастъ имъ собственной любовью. А какъ внушить имъ это убѣжденіе, если не давать имъ *истинной* любви?»

Если нравственнымъ дѣйствіемъ надо считать то, которое даетъ наиболѣе счастія, то приходится разсчитывать или измѣрять въ этомъ отношеніи наши дѣйствія, принимая въ расчетъ всѣ ихъ послѣдствія. Бентамъ дѣйствительно создалъ своеобразную *моральную* (нравственную) *ариѳметику*, по правиламъ которой можно вычислять сравнительную выгодность или невыгодность поступка. Именно цѣнность удовольствія зависитъ: 1) отъ его *силы*, 2) его *продолжительности*, 3) его *вѣрности или сомнительности* и 4) его *близости или отдаленности*. Но, кромѣ того, приходится принимать во вниманіе не только самое удовольствіе или страданіе, но и ближайшія *послѣдствія* ихъ. Въ этомъ отношеніи есть, во-первыхъ, удовольствія, порождающія удовольствія же, страданія, порождающія тоже страданія (*плодовитость* удовольствій и страданія); во-вторыхъ, удовольствія, приводящія, однако, затѣмъ къ страданіямъ, и страданія, приводящія, однако, затѣмъ къ удовольствію (*нечистота* или смѣшанность удовольствій и страданій) Наконецъ, надо имѣть еще въ виду *распространимость* удовольствій и страданій, т.-е. число лицъ, на которыя они простираются, которыя ихъ чувствуютъ. Итакъ, чтобы опредѣлить съ точностью цѣнность какого-либо дѣйствія, затрогивающаго интересы общества, надо поступать слѣдующимъ образомъ. Взявъ сначала какое-нибудь одно лицо изъ тѣхъ, которыхъ интересы при этомъ наиболѣе затронуты, опредѣлить для него: 1) силу, продолжительность, вѣрность и близость для него всѣхъ удовольствій и всѣхъ страданій, производимыхъ этимъ дѣйствіемъ; 2) плодовитость этихъ удовольствій и нечистоту страданій, съ одной стороны, и плодовитость страданій и нечистоту удовольствій—съ другой. Сложивъ затѣмъ всѣ цѣнности удовольствій, вычесть изъ нихъ всѣ отрицательныя цѣнности страданій. Если балансъ будетъ на сторонѣ удовольствій, значитъ, дѣйствіе хорошо для даннаго лица. Затѣмъ надо сдѣлать такой же расчетъ для всего того числа другихъ лицъ, которыхъ интересы затронуты этимъ дѣйствіемъ. Если балансъ будетъ опять на сторонѣ удовольствій, значитъ дѣйствіе хорошо для всего общества, т.-е. нравственно, въ противномъ же случаѣ вредно, т.-е. безнравственно. На основаніи такихъ расчетовъ, Бентамъ не только строитъ всю мораль, но и законодательство, стараясь опредѣлить повсюду цѣнность законовъ по ихъ *общественной полезности*.

2) *Джонъ Стюартъ Милль* (1806—1873), извѣстный англійскій философъ и политико-экономъ, развилъ дальнѣйшимъ образомъ идеи Бентама въ своей статьѣ «Утилитаризмъ». Эта статья, какъ и другая работа Милля, близко съ ней связанная, именно «О свободѣ», обѣ переведены на русскій языкъ, вполнѣ популярны, и ихъ надо особенно рекомендовать вниманію читателя, который пожелалъ бы основательнѣе ознакомиться съ излагаемымъ ученіемъ. Отличія взглядовъ Милля отъ воззрѣній Бентама сводятся къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ. *Во-первыхъ,* Милль полагаетъ, что оцѣнка удовольствій или счастія происходитъ и должна происходить не только на основаніи величины удовольствія или его надежности, но и по *качеству:* есть удовольствія болѣе низменныя, и имъ надо предпочесть удовольствія болѣе возвышенныя, какъ, напр., наслажденія науки, искусства, высшихъ человѣческихъ идеаловъ и т. д. Дѣло сводится, слѣдовательно, не только къ моральной ариѳметикѣ, но къ нѣкоторой болѣе сложной оцѣнкѣ. Какъ, однако, произвести такое качественное сравненіе, Милль точно не опредѣляетъ. Онъ просто ссылается въ этомъ отношеніи на мнѣніе большинства, или на мнѣніе людей, испытавшихъ и тѣ, и другія наслажденія. *Во-вторыхъ,*—и это очень важный пунктъ въ исторіи утилитаризма,—Милль стремится рѣзче разграничить утилитаризмъ отъ эгоизма, чѣмъ то дѣлалъ Бентамъ. Бентамъ часто выражается такъ, что каждый заботится и стремится только къ своему личному счастію, но, живя въ обществѣ, долженъ, *ради лучшаго достиженія своего счастія,* принимать въ расчетъ и счастіе другихъ, дабы и они приняли въ ихъ дѣйствіяхъ въ расчетъ его благо; каждый руководится лишь эгоистическими мотивами и цѣлями, но по взаимной связи интересовъ и при участіи расчета изъ этого возникаетъ въ обществѣ наибольшее общее счастіе. Напротивъ, Милль положительно утверждаетъ, что «то счастіе, которое утилитаризмъ признаетъ руководящимъ началомъ человѣческихъ поступковъ, не есть личное, эгоистическое счастіе, а счастіе всѣхъ. Онъ требуетъ отъ человѣка въ отношеніи къ своему счастію и къ счастію другихъ самаго строгаго безпристрастія... Безцѣнное ученіе Іисуса Христа: дѣлай другому то, что желаешь, чтобы дѣлали тебѣ самому, люби ближняго, какъ самого себя — есть совершеннѣйшій идеалъ утилитарной нравственности». Нравственность самоотверженія принадлежитъ столько же утилитаристамъ, какъ и другимъ моралистамъ. Они тоже признаютъ въ человѣкѣ способность жертвовать величайшимъ своимъ счастіемъ ради счастія другихъ, и только отрицаютъ, чтобы эта жертва могла быть сама

по себѣ цѣлью: она должна имѣть задачей увеличить общее счастіе. Мало того, при нынѣшнемъ, несовершенномъ состояніи общества «сознательная способность жить безъ личнаго счастія составляетъ самое надежное орудіе для достиженія всей той полноты счастія, какая только теперь достижима». Итакъ, не только цѣль нравственнаго дѣйствія Милль опредѣляетъ, какъ наибольшее общее счастіе, но и мотивами, побуждающими человѣка къ ея достиженію, признаетъ на ряду съ эгоистическими и вполнѣ альтруистическія, въ частности стремленіе къ общежитію. Наконецъ, *въ-третьихъ*, мы находимъ у Милля попытку психологически объяснить происхожденіе не-эгоистическихъ мотивовъ поведенія, стремленія къ добродѣтели, какъ таковой. Онъ объясняетъ это привычкой или ассоціаціей представленій. Напр., деньги, которыхъ человѣкъ первоначально желаетъ ради покупки полезныхъ вещей, дѣлаются затѣмъ для него желательными сами по себѣ. Такъ и добродѣтель, которая первоначально искалась, какъ средство увеличенія счастія, затѣмъ становится сама частію счастія. Вообще Милль стремится показать, что утилитаризмъ вовсе не долженъ быть всегда сознательнымъ расчетомъ шансовъ, но что этотъ расчетъ естественно, въ историческомъ и психологическомъ процессѣ, замѣняется разными сложными чувствами, какъ-то: совѣсти, справедливости и т. п. Задача этики состоитъ въ разъясненіи происхожденія этихъ чувствъ, для чего Милль даетъ рядъ примѣрныхъ анализовъ.

3) *Г. Спенсеру* (1820—1903) принадлежитъ, какъ мы видѣли, оригинальная и широко исполненная философская система, въ которой онъ проводитъ послѣдовательно общій принципъ эволюціи. Его этическія воззрѣнія представляютъ соединеніе идей утилитаризма тоже съ общимъ закономъ развитія. Онъ полагаетъ, какъ и Милль, что конечною цѣлью нравственности должно быть наибольшее счастіе. Но онъ находитъ, что надо объяснить, почему извѣстныя дѣйствія и состоянія доставляютъ намъ удовольствіе, а другія—страданія. Утилитаристы, Бентамъ и Милль, принимаютъ это какъ фактъ, но этого недостаточно. Удовольствіе и страданіе суть субъективные факты или ощущенія въ нашемъ сознаніи (и въ сознаніи вообще живыхъ существъ), и они, какъ всѣ такіе субъективные факты, должны имѣть объективныя причины, именно біологическаго характера. Лишь понявъ эти біологическія или физіологическія причины, мы можемъ построить научную и сознательную теорію нравственности. Иначе говоря, мы должны разсматривать человѣка, его поведеніе и его счастіе въ свѣтѣ общей философіи, брать человѣка, какъ

частицу всего міра, въ которой осуществляются обще-міровые законы.

Какъ извѣстно, такимъ обще-міровымъ закономъ для всѣхъ явленій Спенсеръ считаетъ *законъ развитія*. Этотъ законъ состоитъ въ томъ, что явленія постепенно *дифференцируются* и вмѣстѣ съ тѣмъ *интегрируются*, т.-е. становятся разнообразнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ объединеннѣе. Въ широкой картинѣ онъ показываетъ, что такой именно смыслъ имѣло образованіе нашей планетной системы, т.-е. образованіе цѣльныхъ и различныхъ планетъ и солнца изъ однородной и безсвязной первичной туманности; что, далѣе, такой же характеръ имѣетъ геологическое развитіе самой земли, перешедшей изъ однороднаго состоянія расплавленной массы къ разнообразію послѣдовательно отлагавшихся наслоеній коры земного шара. Общее развитіе органической жизни на землѣ подчинено тому же великому закону, ибо это развитіе идетъ отъ организмовъ совершенно простыхъ, однородныхъ и весьма мало цѣльныхъ къ организмамъ все болѣе сложнымъ, состоящимъ изъ множества различныхъ органовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе цѣльныхъ, т.-е. такихъ, органы которыхъ могутъ существовать лишь во взаимной связи, ибо каждый исполняетъ только одну спеціальную функцію всего организма. Наконецъ и соціальное развитіе объясняется тѣмъ же закономъ. Если мы сравнимъ первобытное, дикое общество, представлявшее весьма мало связную группу существъ, изъ которыхъ каждое исполняло всѣ нужныя для него функціи, т.-е. было вмѣстѣ и воиномъ, и земледѣльцемъ, и хозяиномъ,—съ развитымъ современнымъ государственнымъ строемъ, въ которомъ одни берутъ на себя задачу внѣшней охраны общества (войско), другіе — добычу ему питанія (рабочіе), третьи — распредѣленіе этого питанія всѣмъ нуждающимся (торговцы), четвертые — организацію и управленіе обществомъ (правительство), пятые — его умственное развитіе (художники, ученые, учителя) и т. д., но зато каждый можетъ существовать лишь въ связи и зависимости отъ другого — мы ясно увидимъ, что и здѣсь дѣйствуетъ все тотъ же великій законъ постепенно увеличивающейся дифференціаціи и интеграціи.

Задача нравственнаго поведенія состоитъ именно въ способствованіи этому развитію. То поведеніе нравственно, которое соотвѣтствуетъ развитію, то дурно, которое въ какомъ-нибудь смыслѣ его задерживаетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, большое развитіе есть обыкновенная причина того, что субъективно мы испытываемъ, какъ удовольствіе или счастіе. Пояснить это можно слѣдующимъ образомъ.

Удовольствіе мы испытываемъ при удовлетвореніи потребностей организма, неудовольствіе и страданіе — при неудовлетвореніи ихъ. Таковы, съ одной стороны, напр., удовлетвореніе голода, жажды, потребности къ движеніямъ и нормальнымъ возбужденіямъ, съ другой — голодъ, жажда, чрезмѣрное движеніе, усталость и т. д. Но потребности организма суть именно то, что служитъ его сохраненію или сохраненію всего рода, т.-е. то, что ему полезно, что нормально для его развитія. И то же можно сказать объ организмѣ общественномъ: по мѣрѣ его развитія полезное для общества оказывается вызывающимъ въ его членахъ все больше удовольствія или счастія. Такимъ образомъ, Спенсеръ, помощью разсужденій, которыя мы можемъ здѣсь лишь вкратцѣ отмѣтить, приходитъ къ выводу, что нравственность = развитіе = счастіе.

Таковы важнѣйшіе этапы въ развитіи теоріи утилитаризма, означаемые именами Бентама, Дж. Ст. Милля и Спенсера. Мы видимъ, что эта теорія развивалась отъ полуэгоистической формы у Бентама къ чистому утилитаризму Милля и отъ субъективнаго обоснованія у этого послѣдняго — къ объективному у Спенсера, соединившаго его съ общей теоріей эволюціи. Въ совокупности утилитаризмъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ теорій нравственной философіи. Онъ нашелъ себѣ многихъ сторонниковъ, хотя не мало имѣетъ и противниковъ, выставляющихъ противъ него разные аргументы. Напр., нѣкоторые доказываютъ, что удовольствіе и счастіе вообще не подлежатъ объективному измѣренію, другіе находятъ, что счастіе и развитіе не составляютъ совпадающихъ цѣлей, третьи отвергаютъ вообще, что счастіе человѣчества есть верховная нравственная цѣль и ищутъ этой цѣли въ другомъ, и т. д. Критическое обсужденіе этихъ возраженій выходитъ, однако, изъ предѣловъ нашей статьи.

Литература. *Дж. Ст. Милль.* «Утилитаризмъ». *Его же.* «О свободѣ». *Спенсеръ.* «Основанія науки нравственности». *Гюйо.* «Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности».

13. Свобода воли и ея детерминизмъ.

Широко распространено мнѣніе, что между наукою, съ ея критическимъ и строго-объективнымъ духомъ, и запросами человѣческаго сердца, его исканіями высшей правды и счастья, существуетъ непримиримое противорѣчіе. Согласно этому воззрѣнію, наука, все объясняя, всему находя естественныя причины,

убиваетъ и охлаждаетъ стремленія людей къ идеалу, отказываетъ человѣку въ его надеждахъ и глубокихъ вѣрованіяхъ . Отсюда возникало, особенно въ прежнія времена, подозрительное отношеніе къ наукѣ, стремленіе ограничить ея область, а нерѣдко и прямая къ ней вражда. Особенно сильно проявлялось это со стороны религіозныхъ людей, въ монашеской средѣ, и, главнымъ образомъ, конечно, въ средніе вѣка, и немало ученыхъ пало жертвою за свои открытія: достаточно напомнить, напримѣръ, судьбу сожженнаго на кострѣ въ 1600 году въ Римѣ Джіордано Бруно, заточеннаго на десятки лѣтъ Кампанеллу или осужденнаго инквизиціей Галилея.

Такія преслѣдованія теперь, правда, далеки отъ насъ и нынѣ едва ли возможны. Наука въ ея побѣдоносномъ движеніи пользуется теперь общимъ признаніемъ. То, что считалось еще двѣститриста лѣтъ тому назадъ ересью, напримѣръ, отрицаніе колдовства, по обвиненію въ которомъ десятки тысячъ людей были въ свое время казнены, теперь всѣми сколько-нибудь образованными людьми признается за истину. Именно наука объяснила, что не существуетъ ни мнимыхъ чудесъ колдуновъ, ни сношеній человѣка съ дьяволомъ, что все объяснимо изъ естественныхъ причинъ, что эти несчастныя существа были просто больными, сумасшедшими. Особенно естественная наука въ ея могучемъ движеніи впередъ проникла въ общее сознаніе людей, и мы на каждомъ шагу теперь пользуемся техническими открытіями физики, химіи, медицины и т. д.

Но есть область, въ которой это сознаніе еще далеко не вполнѣ утвердилось. Это область человѣческой души. Здѣсь еще очень многіе вполнѣ добросовѣстно думаютъ, что научное сведеніе всего къ законамъ и причинамъ невозможно и даже опасно. Они полагаютъ, что въ душевныхъ явленіяхъ проявляется произволъ, безусловная свобода человѣческой воли, что въ этомъ и состоитъ достоинство человѣка, что если наука докажетъ, что направленіе воли у человѣка подчинено законамъ природы, исчезнетъ нравственная отвѣтственность за поступки и даже совѣсть. Если,— говорятъ они,— не существуетъ свободы человѣческой воли, если она такъ же зависитъ отъ причинъ, какъ любой механизмъ, то не будетъ болѣе ни святости, ни подвига, злые люди окажутся такими же естественными порожденіями, какъ волки и змѣи въ природѣ. Въ этомъ вопросѣ — вопросѣ о человѣческой волѣ, наукѣ долженъ быть поставленъ предѣлъ: поступки человѣческой воли свободны, не подчинены естественной необходимости, не имѣютъ естественныхъ причинъ. Ихъ причины — только свободный произволъ. Такое ученіе называется *индетерминизмомъ*, т.-е.

неопредѣленностью (воли причинами), вслѣдствіе чего сторонники этихъ взглядовъ отрицаютъ и возможность предвидѣть или предсказывать человѣческія дѣйствія. Противоположное же тому ученіе утверждать, что и воля опредѣляется причинами, и потому называется *детерминизмомъ*. Мы покажемъ теперь, что изъ этихъ двухъ взглядовъ правиленъ детерминизмъ, а затѣмъ выяснимъ, въ какомъ смыслѣ онъ допускаетъ свободу воли, именно, мы увидимъ, что *нужная* для человѣка свобода воли вполнѣ соединима съ опредѣленностью, ея причинами, и что наука, утверждая это, отнюдь не угрожаетъ ничему дѣйствительно цѣнному.

Ученіе о независимости рѣшеній воли отъ всякихъ причинъ, т.-е. индетерминизмъ, возникло въ христіанскомъ ученіи, которое слагалось въ первые вѣка нашей эры. Древняя философія, т.-е. греческая и римская, строго говоря, этого вопроса не знала. Для нея человѣкъ былъ частью единой природы, именно ея высшимъ проявленіемъ. Законамъ этой единой природы подчинена и воля человѣка. Но для церковной философіи дѣло стояло иначе. Во-первыхъ, подъ вліяніемъ противоположности природы и Царства Божія и признанія абсолютнаго (безусловнаго) достоинства за человѣческой душой, послѣднюю стремились изъять изъ подчиненія законамъ природы. Во-вторыхъ, возникъ вопросъ о томъ, откуда явились въ мірѣ зло и грѣхъ. Такъ какъ Всеблагой Творецъ не можетъ быть въ немъ виновенъ, то приходится допустить, что человѣческая душа была одарена Имъ лишь «свободой», которую она и употребила во зло. Намъ нѣтъ нужды входить здѣсь въ обсужденіе этихъ, собственно, религіозныхъ вопросовъ. Замѣтимъ только: церковное рѣшеніе вызывало возраженіе, что всевѣдѣніе Творца должно было открывать Ему заранѣе, какое употребленіе сдѣлаетъ человѣкъ изъ своей свободы. Поэтому даже въ самой христіанской догматикѣ было все же признано нѣкоторыми, напримѣръ, бл. Августиномъ въ IV вѣкѣ и Кальвиномъ въ XII вѣкѣ такъ называемое ученіе о предопредѣленіи, т.-е., что Богомъ заранѣе предопредѣлено, кто какое употребленіе сдѣлаетъ изъ своей свободы — злое или доброе.

Посмотримъ, какія фактическія доказательства приводятъ индетерминисты въ подтвержденіе своей теоріи. Такихъ доказательствъ можно найти два, но оба они при ближайшемъ разсмотрѣніи не выдерживаютъ критики.

Во-первыхъ, индетерминисты указываютъ на то, что люди даже при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, одинаковомъ воспитаніи, одинаковой общественной средѣ поступаютъ, однако, часто совсѣмъ разно. Значитъ, заключаютъ они, кромѣ причинъ есть еще что-то другое — свободная воля, у одного избирающая одни

рѣшенія, у другого — другія. Въ отвѣтъ на это надо замѣтить слѣдующее. Фактъ, приводимый индетерминистами, конечно, существуетъ, но выводъ, дѣлаемый отсюда, ложенъ. Разумѣется, разные люди и при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ поступаютъ различно, но это именно оттого, что они разные, т.-е. представляютъ различныя психофизическія организаціи: если бы взять совершенно одинаковыхъ лицъ и поставить ихъ въ совершенно одинаковыя условія, ихъ дѣйствія были бы тоже вполнѣ одинаковы; но такъ же, какъ сѣмена, посѣянныя на разной почвѣ, даютъ разный урожай, такъ и организація людей участвуетъ въ рѣшеніяхъ ихъ воли. Для того, чтобы аргументъ индетерминистовъ могъ имѣть силу, надо бы доказать еще, что самыя организаціи людей сложились безъ всякихъ причинъ, а это, конечно, невозможно.

Во-вторыхъ, индетерминисты указываютъ на *чувство свободы*, присущее намъ. Мы сознаемъ, говорятъ они, что мы могли бы, если бы захотѣли, поступить иначе, чѣмъ поступили; мы сознаемъ, что могли бы, напримѣръ, теперь встать и пойти, хотя сидимъ, могли бы, если бы захотѣли, поднять правую или лѣвую руку и т. д. Слѣдовательно, дѣйствія людей не вполнѣ опредѣляются причинами, и этихъ дѣйствій поэтому невозможно предвидѣть и предсказать. На это надо, однако, возразить, что и самый психическій фактъ сознанія свободы описанъ здѣсь неточно, выводъ изъ него тоже ложенъ. Прежде всего выводъ сдѣланъ ложный, ибо изъ нашего *чувства* свободы далеко не всегда слѣдуетъ, что мы могли бы дѣйствительно поступить иначе, чѣмъ поступили. Постоянно встрѣчаются случаи, когда человѣкъ надѣется или даже увѣренъ, что онъ могъ бы совершить то или другое, избавиться отъ той или другой страсти, измѣнить весь ходъ своей жизни, и однако оказывается на дѣлѣ совершенно къ этому не способенъ: чувство свободы и силы воли можетъ быть совершенно мнимымъ, и вовсе не соотвѣтствовать дѣйствительности. Во-вторыхъ, фактъ чувства свободы описанъ здѣсь крайне неполно и даже неправильно. Это сознаніе возможности сдѣлать то или другое можетъ быть двоякаго рода. Или оно простое *воспоминаніе о прежнихъ нашихъ дѣйствіяхъ*, о которыхъ мы узнали изъ прежняго опыта, что они намъ доступны. Напримѣръ, нѣкоторые люди могутъ просыпаться въ извѣстный напередъ назначенный часъ. Узнать эту возможность о себѣ можно только изъ опыта. Зная, что я прежде это дѣлалъ, я чувствую и теперь свободу такъ поступить. Очевидно, что такая свобода вовсе не есть индетерминизмъ воли: это слово означаетъ здѣсь только, что *если я пожелаю*, то, судя по прежнему опыту, вѣроятно, что это вновь удастся. Но

для этого еще надо, чтобы явилось желаніе, т.-е. мотивъ для воли такъ поступить: воли безъ причины здѣсь нѣтъ. Или это сознаніе свободы есть не одно знаніе о возможности, а и нѣчто большее. Если я чувствую, напримѣръ, свободу поднять руку, то это означаетъ въ сущности, что я уже испытываю въ этотъ моментъ въ рукѣ особое слабое напряженіе, являющееся началомъ этого движенія. Такимъ образомъ здѣсь я чувствую не самую свободу, но уже дѣйствительное дѣйствіе. И это настолько вѣрно, что такое сознаніе подчинено условіямъ самихъ реальныхъ дѣйствій. Я, напримѣръ, не могу *одновременно* чувствовать свободу и поднять руку и опустить ее, а только одно послѣ другого (какъ самыя дѣйствительныя дѣйствія). Это вовсе не сознаніе безпричинной возможности совершать дѣйствія, а начальныя попытки дѣйствительныхъ дѣйствій, которыхъ возможность нами сознается, именно потому, что оно уже начинаетъ (хотя едва замѣтно) исполняться, т.-е. уже самыя рѣшенія воли нами наблюдаются, какъ совершающіяся. Индетерминизма (неопредѣленности) воли здѣсь нѣтъ и слѣда.

Итакъ, ни одно изъ доказательствъ въ пользу индетерминизма воли не выдерживаетъ критики. Напротивъ, фактовъ, показывающихъ, что рѣшенія человѣческой воли опредѣляются причинами, безконечное множество. Куда мы ни посмотримъ, мы всюду видимъ, что эти рѣшенія обусловлены извѣстными причинами, такъ называемыми мотивами желанія, болѣе или менѣе сознаваемыми самимъ человѣкомъ. Можно поэтому сказать, что если бы намъ были даны всѣ причины, дѣйствующія на волю человѣка, мы могли бы точно *предсказать* всѣ его рѣшенія и поступки, ибо они подчинены вполнѣ законамъ причинности. Правда, въ дѣйствительности это неисполнимо относительно всѣхъ дѣйствій человѣка, и даже, навѣрное, никогда не станетъ исполнимымъ, ибо для этого надо бы знать не только всѣ внѣшнія вліянія, которымъ онъ когда-нибудь подвергался — какъ физическія, такъ и окружающей его общественной и исторической среды, но и всѣ особенности его организма и душевнаго склада, характера, т.-е. то, какъ онъ воспринимаетъ и оцѣниваетъ эти впечатлѣнія въ своемъ сознаніи. Но эта фактическая невозможность полнаго предсказанія ничуть не ослабляетъ теоретическаго смысла того, что всѣ дѣйствія человѣка всецѣло происходятъ по законамъ причинъ и мотивовъ. Притомъ очень многія изъ этихъ дѣйствій и поступковъ мы можемъ предвидѣть и въ дѣйствительности предвидимъ. На этой закономѣрности основаны даже всѣ наши расчеты на людей, все довѣріе къ нимъ, всѣ общія и общественныя дѣла, всѣ воспитательные пріемы и т. д. Совер-

шенная закономѣрность человѣческихъ дѣйствій особенно ясно обнаруживается въ среднихъ числахъ, относящихся къ дѣйствіямъ большихъ человѣческихъ обществъ. Статистика показываетъ намъ, что изъ года въ годъ сохраняются для даннаго общества среднее число заключаемыхъ браковъ, ихъ закономѣрное распредѣленіе по возрастамъ, среднее одинаковое число преступленій, самоубійствъ (при чемъ они одинаково распредѣляются по способу, по мѣсяцамъ, годамъ и часамъ дня), наконецъ даже такіе факты, какъ одинаковое число писемъ, отправляемыхъ по забывчивости безъ адреса. И далѣе, если эти среднія числа начинаютъ измѣняться, статистика обнаруживаетъ тѣ причины, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ это тоже закономѣрное измѣненіе, и которыя сами люди могутъ и не сознавать.

Вообще, показанія нашего сознанія относительно истинныхъ причинъ нашихъ дѣйствій далеко не всегда вѣрныя. Физіологическія причины измѣненій и движеній въ нашемъ тѣлѣ часто совсѣмъ не доходятъ до сознанія (процессы кровообращенія, питанія и др.). Наши чувствованія, далѣе, напримѣръ, недовольство, тоска, возбужденность, радостное настроеніе, а также симпатіи и антипатіи къ людямъ нерѣдко вызываются причинами, въ которыхъ мы сами едва можемъ отдать себѣ отчетъ. Наконецъ даже умственная наша жизнь, наши убѣжденія и вкусы, наши мысли, мечты и планы будущаго зависятъ отъ такой сложной сѣти причинъ и вліяній окружающей насъ общественной среды, изъ которой мы восприняли такое огромное количество научныхъ, литературныхъ, эстетическихъ, нравственныхъ вліяній, что разобраться въ нихъ личное, индивидуальное сознаніе совершенно не въ состояніи. Человѣческая душа, какъ и человѣческое тѣло, есть сложнѣйшій организмъ, въ которомъ столько наслоеній легли одно на другое, что только систематическая наука въ силахъ выяснить законы и причины, въ нихъ дѣйствующія. Простое же личное самонаблюденіе съ его мнимымъ сознаніемъ произвольной свободы такъ же мало въ этомъ состоятельно, какъ мало состоятельна была бы физіологія, если бы она была ограничена опытомъ каждаго относительно его собственнаго тѣла.

Но, спрашивается, это ученіе о полной опредѣленности причинами воли человѣка, т.-е. ученіе детерминизма, не ведетъ ли къ отрицанію особенно цѣнныхъ для человѣка вещей, и въ частности, какъ соединить съ нимъ возможность душевнаго творчества, напримѣръ, поэтическаго, научнаго и т. д. Неужели и эти факты возможно было бы предсказывать, какъ закономѣрныя? Если всѣ дѣйствія людей подчинены причинамъ, то какъ возможно происхожденіе геніальныхъ, *совершенно новыхъ*, мыслей и

чувствъ, еще никогда никому не приходившихъ до того времени въ голову?

Это затрудненіе возникаетъ, однако, лишь потому, что неправильно, именно слишкомъ узко понимаютъ слово *причина*. Когда мы, изучая какое-нибудь явленіе A, устанавливаемъ законъ его зависимости отъ причины B, то это вовсе не значитъ, что содержаніе явленія A уже находилось въ скрытомъ видѣ въ его причинѣ B, т.-е. что между свойствами A и B существуетъ сходство или тождество: теплота, происходящая изъ удара или тренія твердыхъ тѣлъ другъ о друга, вовсе не похожа на это движеніе; вода, происходящая изъ соединенія кислорода съ водородомъ, вовсе не имѣетъ свойствъ этихъ газовъ; вообще, дѣйствіе вовсе не должно походить на свою причину. Мало того, причину явленія вовсе нѣтъ нужды разсматривать, какъ силу, производящую или порождающую явленія. Что и какъ порождаетъ явленія, мы вообще въ наукѣ не знаемъ. Въ точномъ смыслѣ научнаго понятія, причина есть только *необходимое и постоянное условіе* возникновенія дѣйствія или явленія. Установленіемъ такихъ законовъ *постоянной послѣдовательности* и ограничивается задача всякаго научнаго изслѣдованія.

Если это такъ, то вполнѣ допустимо и при строжайшемъ детерминизмѣ возникновеніе въ природѣ совсѣмъ новыхъ фактовъ, никогда еще раньше не бывшихъ, напримѣръ, фактовъ душевнаго творчества новыхъ мыслей. Природа и ея законы причинности вовсе не должны походить на калейдоскопъ, въ которомъ все одни и тѣ же цвѣтныя стеклышки запимаютъ лишь разныя мѣста при каждомъ встряхиваніи, оставаясь, однако, въ прежнемъ числѣ и съ прежними качествами. Исторія органической природы, т.-е. эволюція новыхъ животныхъ и растительныхъ видовъ, никогда еще ранѣе не существовавшихъ, явно показываетъ это. И тоже надо сказать о душевной жизни: при новыхъ комбинаціяхъ причинъ, никогда доселѣ не встрѣчавшихся, должны возникнуть, какъ ихъ слѣдствія, и совсѣмъ новые, никогда еще не бывшіе психическіе факты, т.-е. происходитъ въ этомъ смыслѣ нѣкоторое душевное творчество, появленіе совсѣмъ новыхъ качествъ въ душевной жизни. Это творчество, однако, закономѣрное, то-есть детерминированное: при данныхъ комбинаціяхъ причинъ оно всегда должно возникать. Такимъ образомъ детерминизмъ вполнѣ согласенъ съ прогрессомъ и эволюціей: появленіемъ въ исторіи міра новыхъ, еще не бывшихъ ранѣе фактовъ все высшаго порядка.

Установивъ, такимъ образомъ, смыслъ детерминизма всѣхъ явленій въ мірѣ и, въ частности, детерминизмъ человѣческой

воли, мы теперь, въ заключеніе, должны поставить вопросъ: если воля опредѣляется причинами, то что можетъ означать ея свобода? Детерминизмъ дѣлаетъ ли невозможной всякую свободу воли, и какъ соединить его съ понятіемъ о нравственной отвѣтственности человѣка за его дѣйствія? На этомъ вопросѣ выясняется самая цѣнная сторона детерминизма, именно обнаруживается истинное понятіе о свободѣ воли, вмѣсто того ложнаго понятія объ абсолютномъ ея произволѣ, которое выдвигалъ индетерминизмъ.

Свободу дѣйствій надо понимать не какъ безпричинный произволъ, но какъ *причинную* ихъ *зависимость отъ самаго дѣятеля*. Человѣкъ свободенъ въ тѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, которыя онъ *самъ* производитъ, которыя зависятъ отъ него, отъ его природы, хотя изъ его природы они вытекаютъ необходимо, по законамъ причинности: свобода есть *самопричинность* дѣятеля. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ говорить даже о свободномъ паденіи камня (подъ вліяніемъ *его* тяжести), о свободномъ полетѣ пули (подъ вліяніемъ инерціи ея движенія), о свободномъ ростѣ растенія (которому ничто внѣшнее не мѣшаетъ) и т. д., хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ причинная обусловленность очевидна. Такъ и человѣкъ является свободнымъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ его дѣйствія зависятъ отъ него самого, т.-е. поскольку онъ въ нихъ самопричиненъ.

Эта свобода или самопричинность дѣйствій человѣка можетъ быть, однако, весьма разнаго значенія и цѣнности, смотря потому, въ чемъ мы видимъ самую природу человѣка, и гдѣ проводимъ границу между нашимъ «я» и остальнымъ міромъ.

1) Нашимъ «я» мы можемъ считать свое тѣло и душу, все прочее будетъ тогда «не я». Съ этой точки зрѣнія я свободенъ постольку, поскольку не стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ окружающей меня средою, и поскольку она допускаетъ мои движенія. Это *физическая* свобода. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, узникъ свободенъ двигаться въ предѣлахъ своей камеры, но не свободенъ выйти изъ нея.

2) Нашимъ «я» мы можемъ считать, въ болѣе ограниченномъ значеніи, нашу душу, сознаніе, тогда «не я» будетъ все прочее, весь физическій внѣшній міръ, въ томъ числѣ и мое тѣло. Свободными будутъ въ такомъ случаѣ лишь тѣ движенія моего тѣла, которыхъ причина заключена въ моемъ сознаніи, т.-е. движенія сознательныя, возникающія изъ моего сознанія. Я хочу поднять руку, и рука поднимается — это движеніе свободно; напротивъ, всѣ движенія въ моемъ тѣлѣ, отъ сознанія не зависящія, напримѣръ, зѣвота, чиханіе, кашель, вообще, такъ называе-

мые, рефлексы, далѣе ростъ тѣла, кровообращеніе и т. д. будутъ несвободными. Несвободными будутъ и тѣ дѣйствія, которыя происходятъ въ душевныхъ болѣзняхъ при полномъ потемнѣніи сознанія, напримѣръ, иногда поджогъ, совершаемый припадочнымъ, не могущимъ поэтому и отвѣчать за это дѣйствіе.

3) Наконецъ, въ еще болѣе узкомъ смыслѣ, мы можемъ считать нашимъ истиннымъ «я» не наши страсти и слѣпыя влеченія, но *волю, опредѣленную разумно*. Это — высшій видъ свободы, который можно назвать *нравственною*. Съ этой точки зрѣнія мы назовемъ свободными лишь тѣ наши дѣйствія и рѣшенія, которыя происходятъ послѣ полнаго и разносторонняго обдумыванія поступка и всѣхъ его послѣдствій; напротивъ, поступки, хотя и сознательные, но необдуманные, не подчиненные разуму, а вызванные моментальнымъ порывомъ страсти и желанія или капризомъ вкуса и т. п., вообще, совершенные подъ вліяніемъ такъ называемаго патологическаго аффекта (возбужденія), будутъ нравственно несвободными. Отвѣтственность за такія дѣйствія человѣкъ несетъ, однако, потому что обладаетъ разумомъ, т.-е. могъ бы обдумать свои поступки; въ противномъ случаѣ, напримѣръ, при сумасшествіи или идіотизмѣ или даже въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ отвѣтственность эта отпадаетъ или уменьшается, ибо разумъ не развитъ.

Эта высшая степень свободы, состоящая въ подчиненіи своихъ рѣшеній выработаннымъ нравственнымъ убѣжденіямъ, развивается лишь постепенно и медленно въ человѣчествѣ. Она отнюдь не дана съ самаго начала, какъ природная способность, въ противоположность мнѣнію индетерминистовъ, и она вовсе не есть произволъ, но, напротивъ, высшая, хотя и свободная, дисциплина своей воли. Истинный прогрессъ (т.-е. движеніе впередъ) человѣчества и состоитъ въ постепенномъ развитіи черезъ культуру этой свободы, какъ подчиненному разуму.

Эта разумная или нравственная свобода, какъ цѣль человѣческаго совершенствованія, была уже выдвинута древними греческими мыслителями — Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ, въ качествѣ высшаго нравственнаго блага. Въ извѣстномъ смыслѣ ее можно сравнить съ политическою свободою. Нравственная или разумная свобода, какъ и свобода политическая, достигается лишь постепенно, завоевывается въ борьбѣ съ собою и со зломъ. Обѣ онѣ не являются произволомъ, но, напротивъ, подчиненіемъ: первая — требованіямъ своего разума, вторая — государственному закону, поскольку онъ является выразителемъ общей воли народа и имѣетъ цѣлью общее благо. Ихъ противоположностью оказывается съ одной стороны безудержный разгулъ страстей, съ дру-

гой — попраніе закона, все равно, со стороны ли гражданъ или властей. Въ обоихъ случаяхъ получается анархизмъ и его слѣдствія — насиліе, анархія нравственная или анархія политическая и административная. Прогрессъ же и благо состоитъ въ свободномъ подчиненіи всѣхъ добру и общему благу.

14. Этика гражданской жизни.

Человѣкъ, по своей природѣ, существо общественное. Онъ вездѣ живетъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, да, насколько мы знаемъ, всегда жилъ и раньше такимъ образомъ.

Жизнь въ обществѣ составляетъ прямую потребность человѣка. Человѣкъ, уединенный на сколько-нибудь продолжительное время отъ другихъ, начинаетъ тосковать,— тосковать, какъ будто бы и неизвѣстно почему, но тосковать мучительно и нестерпимо, по извѣстному выраженію, «не находитъ себѣ мѣста». По этой именно причинѣ одиночное заключеніе есть самое жестокое изъ всѣхъ наказаній для человѣка. Почти что никто его не выноситъ: заключенные надолго въ одиночную тюрьму чаще всего или изобрѣтаютъ какой-нибудь способъ покончить съ собой, или сходятъ съ ума.

Такимъ образомъ, общество намъ нужно прежде всего ради самаго *общенія* съ другими людьми. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это общеніе приноситъ намъ величайшую пользу и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Кромѣ потребности въ общеніи у насъ есть и множество другихъ потребностей. И если бы мы жили въ одиночку, то мы не въ состояніи были бы обезпечить себѣ даже и сотой или тысячной доли удовлетворенія этихъ потребностей. Наша жизнь внѣ общества, по степени удовлетворенія нашихъ потребностей, стояла бы не на высотѣ человѣческой, а на высотѣ животной жизни, да еще, пожалуй, съ разницей далеко не въ нашу пользу. Въ самомъ дѣлѣ, удовлетвореніе потребностей требуетъ борьбы,— борьбы со всѣмъ окружающимъ,— той самой борьбы, которую называютъ *борьбой за существованіе*. Эта борьба требуетъ оружія, и всѣ животныя для этой борьбы такъ или иначе вооружены самой природой: у одного есть зубы или когти, у другого — быстрыя ноги, у третьяго — панцырь или какія-нибудь колючки, у четвертаго — такая окраска тѣла, что она дѣлаетъ его незамѣтнымъ для враговъ, у пятаго — необычайно острое зрѣніе или необычайно тонкое обоняніе. Словомъ, всѣ чѣмъ-нибудь надѣлены, чтобы защищаться или нападать. Только одинъ человѣкъ совершенно беззащитенъ со своими «голыми» руками. У него даже нѣтъ внѣш-

няго покрова на тѣлѣ: изъ шерсти, какъ у звѣрей, или изъ пуха и перьевъ, какъ у птицъ. Природа не защитила его даже отъ холода, сырости и другихъ атмосферическихъ вліяній, нерѣдко крайне вредно отзывающихся на всемъ состояніи его организма.

Правда, взамѣнъ всего этого у человѣка есть *умъ*, и онъ съ помощью этого ума побѣждаетъ все окружающее, заставляетъ работать на себя всѣ силы природы, подчиняетъ себѣ и животныхъ и растенія. Но въ томъ-то и дѣло, что этотъ самый умъ человѣка могъ развиться только въ обществѣ. Не даромъ же на него даже тогда, когда онъ уже вполнѣ развился, такъ пагубно дѣйствуетъ полное отсутствіе общества; не даромъ всѣ умственныя и нравственныя силы человѣка совершенно разрушаются, когда онъ оторванъ отъ другихъ людей и заключенъ въ четырехъ стѣнахъ. Такимъ образомъ, самый нашъ умъ намъ въ помощь только въ обществѣ. И здѣсь силы этого ума удесятеряются, потому что мы употребляемъ его на то, чтобы создать *сотрудничество, взаимопомощь*, а уже это сотрудничество, это соединеніе усилій многихъ дѣлаетъ насъ, людей, побѣдителями и господами всей остальной природы. Тамъ, гдѣ единичный человѣкъ былъ бы безсиленъ, безпомощенъ, тамъ группа людей, соединившихъ свои усилія воедино, творитъ чудеса, обращаетъ себѣ на пользу все, что только встрѣчаетъ передъ собою. И благодаря этому каждый отдѣльный человѣкъ не только оказывается хорошо защищеннымъ отъ грозящихъ ему отовсюду опасностей, но и такъ обезпечиваетъ удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей, какъ ему невозможно было бы и мечтать объ этомъ, если бы онъ жилъ въ одиночку. А удовлетворивъ однѣ потребности, онъ испытываетъ и развиваетъ въ себѣ другія. На ряду съ потребностями физическими онъ развиваетъ и удовлетворяетъ потребности умственныя, нравственныя, религіозныя, эстетическія. Онъ, какъ существо, растетъ, развивается и облагораживается. Онъ превращается въ того «культурнаго» человѣка, какимъ мы его теперь знаемъ.

Вотъ что человѣку даетъ «общество». Оно есть не только предметъ его прямой потребности, но оно есть самое могучее *орудіе* для достиженія и дальнѣйшаго развитія всѣхъ его человѣческихъ цѣлей. Оно и есть его главная сила въ борьбѣ за существованіе. Безъ него онъ былъ бы жалкимъ существомъ, которое всегда оставалось бы животнымъ,— и даже не самымъ лучшимъ изъ животныхъ.

Однако для того, чтобы общество служило людямъ въ качествѣ такого орудія, съ нимъ, какъ и со всякимъ орудіемъ, надо

умѣть обращаться. Надо пользоваться имъ соотвѣтственно его назначенію, употреблять его во благо, а не во зло. Въ самомъ дѣлѣ, начните домомъ пользоваться, какъ загономъ для скота, или порубите лодку на дрова,— много ли они такимъ образомъ принесутъ пользы? Но вѣдь то же самое и со всякимъ другимъ орудіемъ, предназначеннымъ и приспособленнымъ для какой-либо опредѣленной цѣли; то же самое и съ обществомъ.

Общество, какъ орудіе, предназначено также служить совершенно опредѣленной цѣли, а именно *сотрудничеству* людей, ихъ *взаимопомощи*. По внѣшности, люди въ группѣ, въ обществѣ, ничѣмъ не отличаются отъ людей внѣ общества. Общество не даетъ имъ въ руки ничего такого, чего у нихъ не было бы уже и у каждаго въ отдѣльности: у каждаго изъ нихъ остается та же голова, тѣ же руки, тѣ же способности; и если они хотятъ увеличить свою силу, получить отъ пребыванія въ обществѣ пользу, то имъ надо *соединить* свои усилія вмѣстѣ, начать дѣйствовать *сообща*. Если они этого не сдѣлаютъ, то и общество каждому изъ нихъ рѣшительно ничего не прибавитъ. А если они еще вмѣсто того, чтобы помогать, начнутъ *вредить* другъ другу, и *противодѣйствовать* одинъ другому,— то отъ совмѣстнаго пребыванія только проиграютъ.

Итакъ, общество есть орудіе взаимопомощи, сотрудничества людей. Пользоваться имъ иначе — это значитъ извращать его естественную роль, значитъ не извлекать изъ него свойственную ему пользу, а употреблять его во зло.

Но если такъ, то спрашивается: какъ же съ обществомъ, какъ съ такимъ орудіемъ, надо обращаться, что съ нимъ дѣлать?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, съ одной стороны, простой и легкій, а съ другой — сложный и трудный. Простой и легкій, потому что онъ теоретически ясенъ: живя въ обществѣ, надо *помогать* другъ другу, надо *соединять* свои усилія вмѣстѣ, надо *сотрудничать*. Отъ этого каждый сдѣлается какъ бы во много разъ сильнѣе, каждый удовлетворитъ свои потребности во много разъ больше и лучше, чѣмъ если бы онъ это дѣлалъ самъ, въ одиночку. И теоретически противъ этого даже спорить невозможно: это ясно, какъ день.

Но какъ этого добиться *практически*, какъ обезпечить и устроить такъ, чтобы люди, дѣйствительно, другъ другу *содѣйствовали*, а *не противодѣйствовали*,— это вопросъ, который разрѣшить не такъ-то легко.

Вѣдь человѣкъ прежде всего существо эгоистическое, а затѣмъ и всегда разумное. Какъ устроить въ какомъ-либо дѣлѣ взаимопомощь, надъ этимъ надо, во-первыхъ, подумать и

это сообразить, а во-вторыхъ, даже когда это придумано, надо имѣть увѣренность въ томъ, что если я начну вамъ помогать, такъ и вы мнѣ отвѣтите тѣмъ же; а если я буду вамъ помогать, а вы мнѣ будете только противодѣйствовать, или если вы для виду начнете мнѣ содѣйствовать, а потомъ, въ самую нужную минуту, меня покините, или, еще хуже того, предательски выступите противъ меня, то вѣдь при такихъ условіяхъ взаимопомощь невозможна. Тогда ужъ лучше каждому бороться за свой рискъ и страхъ и противъ природы, и противъ людей: побѣдилъ, такъ побѣдилъ, а побѣжденъ, по крайней мѣрѣ, жаловаться не на кого.

Вотъ, значитъ, главная трудность: *какъ* начать, и *кто* начнетъ въ обществѣ *помогать* другимъ, вмѣсто того, чтобы заботиться исключительно о самомъ себѣ? Для начала такой практики надо имѣть увѣренность въ томъ, что на мою помощь мнѣ также отвѣтятъ содѣйствіемъ, а не противодѣйствіемъ — но откуда взять такую увѣренность раньше всякаго опыта, оправдывающаго такую увѣренность, или, лучше сказать, при наличности кругомъ опыта, постоянно ее опровергающаго?— или же надо имѣть побужденіе къ помощи другому безъ всякаго расчета на полученіе отъ него того же самаго, т.-е. совершенно безкорыстно, или даже, какъ говорятъ, *самоотверженно*. Надо имѣть побужденіе помогать другому, хотя бы даже въ ущербъ самому себѣ.

Откуда же взять такое побужденіе?

Этотъ вопросъ разрѣшаемъ не мы, люди, нашимъ человѣческимъ разумомъ, а этотъ вопросъ разрѣшила за насъ сама природа своимъ вѣчнымъ, неистощимымъ, удивительнымъ творчествомъ. Она вложила въ людей такое побужденіе, или, лучше сказать, зерно этого побужденія вложила еще въ животныхъ, а у людей оно только разрослось въ огромное, многовѣтвистое дерево.

Мы выше сказали, что человѣкъ существо эгоистическое, т.-е., значитъ, себялюбивое, любящее себя, а не другихъ. Но вѣдь это не совсѣмъ такъ. Въ человѣкѣ живетъ любовь къ себѣ, эгоизмъ, но живетъ также и любовь къ другимъ, альтруизмъ. Правда, эгоизмъ преобладаетъ, но, въ извѣстномъ размѣрѣ, въ извѣстной степени, альтруизмъ также въ человѣкѣ несомнѣненъ, какъ и эгоизмъ. *Многихъ* ли другихъ людей любитъ тотъ или иной человѣкъ, и *въ какой степени* онъ ихъ любитъ,—это другой вопросъ, но едва ли даже можно представить себѣ такого человѣка, который не любилъ бы абсолютно и рѣшительно никого.

Такимъ образомъ, въ человѣкѣ есть любовь къ себѣ—эгоизмъ и любовь къ другимъ — альтруизмъ. И, конечно, крайне интересно, въ виду величайшей важности послѣдняго для общественной жизни, дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ онъ развился и какой степени развитія достигъ онъ въ человѣчествѣ.

Выше мы сказали, что зерно, самый зачатокъ альтруизма, заложенъ уже у животныхъ. И это потому, что уже въ животной жизни трудно совсѣмъ обойтись безъ взаимопомощи, безъ помощи одного другому. Больше всего эта помощь требуется организму, пока онъ еще не достигъ полнаго развитія, пока онъ еще не приспособленъ къ самостоятельной жизни и пока онъ совершенно безпомощенъ, какъ передъ своими врагами, такъ и передъ всевозможными окружающими его невзгодами. Тутъ посторонняя помощь организму, сколько-нибудь сложному,— организму, періодъ роста и развитія котораго требуетъ продолжительнаго времени, неизбѣжно необходима. Безъ нея онъ никогда не могъ бы достигнуть полной зрѣлости, а слѣдовательно, не могъ бы оставить послѣ себя и потомства. Справедливо указываютъ поэтому нѣкоторые изслѣдователи этого вопроса, что если бы природа не создала спеціальнаго побужденія къ помощи другому уже у животныхъ, то возникновеніе и развитіе высшихъ видовъ животныхъ оказалось бы, по одной этой причинѣ, совершенно невозможнымъ.

И вотъ это побужденіе: безкорыстная любовь къ другому существу,—любовь, готовая оказывать помощь безъ всякаго расчета на воздаяніе, появляется уже въ животномъ царствѣ, и появляется въ видѣ родительскаго, точнѣе, *материнскаго* инстинкта, т.-е. въ видѣ чувства любви *рождающаго* организма къ своему дѣтенышу. Это отношеніе матери къ своему дѣтенышу и есть тотъ пунктъ, гдѣ впервые въ животной жизни появился альтруизмъ, безкорыстное чувство любви къ другому. И въ предѣлахъ животной жизни этотъ источникъ альтруизма почти что не развился дальше. Любовь отца къ своему потомству или мало развита, или даже совсѣмъ отсутствуетъ. Любовь братьевъ между собою, если и существуетъ, то въ ничтожной степени, а любви между болѣе отдаленными родственниками совсѣмъ не замѣчается, кромѣ, можетъ-быть, нѣкоторыхъ породъ животныхъ, живущихъ стадами (такъ называемое, стадное чувство).

Совсѣмъ не то у человѣка. Въ человѣчествѣ этотъ первоначальный источникъ или зародышъ альтруизма развился гораздо шире и дальше. Такъ, здѣсь на ряду съ чувствомъ материнскимъ сильно развилось также и чувство отцовское. Правда, оно

все же, повидимому, всегда уступаетъ по силѣ чувству материнскому, но далеко не въ такой степени, какъ у животныхъ. Чувство братское также достигаетъ у людей значительной степени и нерѣдко принимаетъ крайне нѣжныя формы. За предѣлами братскаго чувства развивается чувство *родственное* или *родовое*, соединяющее между собою всѣхъ кровныхъ родственниковъ. Еще дальше развивается чувство *племенное*, а за нимъ, когда образуются еще большія соединенія людей, такъ называемыя націи, развивается также и чувство *національное*, соединяющее въ извѣстной степени всѣхъ тѣхъ, кто принадлежитъ къ одной и той же національности. Однако и на этомъ развитіе альтруистическаго чувства въ человѣчествѣ не останавливается: ко всѣмъ предыдущимъ видамъ альтруизма на болѣе высшихъ, болѣе культурныхъ ступеняхъ жизни присоединяется чувство *общечеловѣческое*,— чувство расположенія ко всякому человѣку, кто бы онъ ни былъ, и только потому, что онъ также человѣкъ.

Такимъ образомъ, это развитіе альтруистическаго чувства въ человѣчествѣ въ своемъ постепенномъ ходѣ ясно и наглядно. Начинаясь изъ одного сильно бьющаго источника (материнскаго чувства), оно непрерывно распространяется дальше и дальше, концентрическими кругами, захватывая все болѣе и болѣе отдаленные слои человѣчества. При этомъ сила чувства въ этихъ все дальнѣйшихъ и дальнѣйшихъ концентрическихъ кругахъ постепенно ослабляется: материнское чувство сильнѣе отцовскаго, отцовское сильнѣе братскаго и т. д.—національное сильнѣе общечеловѣческаго. Но какъ бы то ни было, а все же альтруистическое чувство, хотя и въ слабой степени, но охватываетъ въ настоящее время все человѣчество. И даже больше того: человѣкъ чувствуетъ *жалость*, т.-е. то же расположеніе или ту же любовь, также и къ животнымъ. Иными словами, чувство альтруизма въ своемъ развитіи даже переходитъ границы человѣчества и соединяетъ насъ, хотя и очень слабой связью, съ остальнымъ животнымъ міромъ.

Итакъ, сама природа, въ своемъ неистощимомъ творчествѣ, вкладываетъ въ человѣка то побужденіе, безъ котораго взаимопомощь была бы, вѣроятно, совершенно невозможна между людьми,— вкладываетъ безкорыстное желаніе не ради награды или воздаянія, а ради любви къ другому, оказать ему помощь. Однако достаточно ли для обезпеченія развитой и разнообразной общественной жизни только одной этой благодѣтельной работы природы, вкладывающей въ насъ непосредственное чувство любви другъ къ другу?

Нѣтъ,— одной работы природы, какъ она ни важна и ни необходима, все же недостаточно. Къ работѣ природы здѣсь надо

присоединить работу нашего собственнаго, человѣческаго ума, работу нашего человѣческаго сознанія. И это по многимъ причинамъ.

Во-первыхъ, работа природы въ смыслѣ соединенія людей альтруистическимъ чувствомъ, явно, еще не завершена. Болѣе далекіе и позднѣе развившіеся виды альтруизма — чувство *національное*, и, въ особенности, чувство *общечеловѣческое*, далеко не доведены въ насъ природой до надлежащей степени и силы. Внутри государствъ, даже тѣхъ, которыя построены изъ однороднаго національнаго матеріала, идетъ жестокая *классовая* борьба; а между государствами все еще вспыхиваютъ по временамъ войны, которыя при нынѣшнихъ заранѣе заготовленныхъ вооруженіяхъ и при нынѣшней военной техникѣ превращаются въ такія человѣческія побоища, о которыхъ прежнія времена не имѣли никакого представленія. Людямъ все еще фактически далеко до идеала, поставленнаго передъ ними ученіемъ Христа: стать дѣйствительно *братьями* другъ другу.

Во-вторыхъ, даже тамъ, гдѣ альтруизма, какъ чувства, достаточно, его работу надо все же дополнить работой человѣческаго ума. Альтруизмъ даетъ только побужденіе къ взаимопомощи, а въ чемъ она должна состоять, объ этомъ вѣдь надо еще подумать. Любовь, какъ всякое чувство, сама по себѣ слѣпа. Любовь толкаетъ меня къ тому, чтобы сдѣлать добро тому, кого я люблю, а въ чемъ можетъ и должно состоять это добро,— это надо рѣшить разумомъ, размышленіемъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, тутъ есть для разума и еще одна, въ высшей степени важная, задача: человѣкъ разумомъ, сознаніемъ долженъ *уравновѣсить* въ себѣ дѣйствіе эгоизма и дѣйствіе альтруизма. Мы только что говорили, что альтруизмъ въ людяхъ недостаточно развитъ по сравненію съ эгоизмомъ. Значитъ ли это, что желательно, чтобы въ людяхъ эгоизмъ совсѣмъ исчезъ, чтобы люди совсѣмъ перестали заботиться о самихъ себѣ и о своемъ благѣ и чтобы они заботились *только* и *исключительно* о благѣ другихъ? Извѣстный англійскій философъ Гербертъ Спенсеръ, въ своемъ ученіи о нравственности, ставитъ этотъ вопросъ, и онъ рѣшаетъ его отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, совершенное исчезновеніе въ людяхъ эгоизма означало бы полное уничтоженіе у нихъ чувства самосохраненія. А какъ бы другіе ни заботились о человѣкѣ, они все же не могутъ замѣнить ему собственнаго чувства самосохраненія. Значитъ, уничтоженіе инстинкта самосохраненія прямо грозило бы гибелью человѣчеству, и тогда не къ кому было бы прилагать, какъ замѣчаетъ по этому поводу Спенсеръ, и самаго чувства альтруизма.

Слѣдовательно, не требуется, чтобы альтруизмъ совсѣмъ вытѣснилъ въ человѣкѣ эгоизмъ, — нѣтъ, надо только, чтобы онъ его въ человѣкѣ съ собою *уравновѣсилъ*. Именно по этой причинѣ *идеаломъ* здѣсь должна служить любовь братская, гораздо болѣе уравновѣшенная, чѣмъ, напримѣръ, любовь материнская, которая дѣйствительно, будучи поставлена передъ своимъ предметомъ, вытѣсняетъ, нерѣдко, всякое чувство самосохраненія. *Братья* любятъ другъ друга, готовы помогать другъ другу, готовы даже, если это потребуется, приносить жертвы другъ для друга, но, однако, они всегда думаютъ и каждый о себѣ, о своемъ самосохраненіи, о своемъ благосостояніи. Видъ любимаго брата или любимой сестры не вытѣсняетъ въ человѣкѣ чувства самосохраненія, желанія жить и для себя.

Изъ всего этого мы видимъ, что при созданіи общества и при устроеніи общественной жизни рядомъ съ работой альтруистическаго чувства должно быть отведено мѣсто, и притомъ очень важное мѣсто, также и работѣ человѣческаго ума. Работа ума должна здѣсь продолжить и дополнить работу чувства, чтобы человѣкъ могъ извлечь изъ общества и общественной жизни всю ту пользу, какую они могутъ и должны ему приносить. Надо надъ обществомъ и общественной жизнью *думать*, надо умомъ добиваться того, какъ ихъ лучше устроить; надо составить себѣ такой взглядъ на общество и такія правила поведенія въ обществѣ, чтобы общество въ наибольшей степени выполняло свою роль: дать возможность человѣку, личности достигнуть наибольшаго благополучія и наибольшаго развитія своихъ силъ,—того развитія, при которомъ человѣкъ, дѣйствительно, становится достойнымъ имени человѣка.

Но если въ обществѣ и для общества, кромѣ работы природы, соединяющей насъ, людей, какъ своего рода цементомъ, чувствомъ взаимной любви и расположенія, требуется еще *наша* собственная, человѣческая работа, работа нашего ума, нашего сознанія, то, спрашивается, что же намъ нашъ разумъ въ этомъ отношеніи говоритъ? Какія основныя *идеи* о томъ, какъ людямъ слѣдуетъ жить въ обществѣ, онъ выставляетъ?

А онъ намъ говоритъ слѣдующее.

Если общество должно служить именно орудіемъ взаимопомощи людей, а не орудіемъ ихъ взаимнаго угнетенія, то первое и основное правило, какое должно быть положено отъ имени разума въ основу общественной жизни, это то, чтобы люди взаимно *уважали* другъ друга, т.-е. взаимно уважали другъ въ другѣ *человѣческое достоинство* каждаго. Когда мнѣ, на моемъ жизненномъ пути, при преслѣдованіи мною *моихъ* жизненныхъ цѣлей,

встрѣчается камень, растеніе, животное, я могу воспользоваться ими для моихъ цѣлей, какъ это мнѣ будетъ удобнѣе, не заботясь о томъ, какъ это отзовется на нихъ самихъ и на ихъ существованіи. Камень я могу раздробить или застроить въ мое жилище, растеніе я могу съѣсть, если оно съѣдобное, животное я могу истребить, если оно вредное, или заставить работать на себя, если оно мнѣ полезное. Словомъ, на камень, на растеніе, на животное я могу смотрѣть, какъ на простое *средство* для своихъ цѣлей и эксплоатировать ихъ въ этомъ смыслѣ, не задаваясь вопросомъ о томъ, нѣтъ ли у этихъ предметовъ или существъ своихъ собственныхъ цѣлей, и не уничтожаю ли я для нихъ своимъ обращеніемъ съ ними возможности совершать свой собственный жизненный процессъ, достигать своихъ собственныхъ жизненныхъ цѣлей. Иными словами, это и значитъ, что я не обязанъ *уважать* ихъ, не обязанъ уважать ихъ минеральнаго, растительнаго или животнаго *достоинства*: никакого такого самостоятельнаго достоинства у нихъ въ моихъ глазахъ нѣтъ,— а они имѣютъ для меня только одно достоинство: послужить для меня средствомъ для моихъ цѣлей, если они на это годятся, а если не годятся или служатъ мнѣ препятствіемъ, то я просто устраню ихъ съ своего пути.

Такимъ образомъ, особаго, самостоятельнаго *достоинства* предметы внѣшней природы (камни, растенія, животныя) для насъ не имѣютъ и имѣть не могутъ: мы вовсе не обязаны ихъ *уважать*. Мы можемъ ихъ любить, чувствовать къ нимъ привязанность, какъ, напримѣръ, это въ особенности часто бываетъ по отношенію къ домашнимъ животнымъ, мы можемъ ихъ жалѣть, не причинять имъ зла и мученій; вѣдь вообще надо избѣгать причинять какому бы то ни было живому существу напрасныя страданія и мученія; въ этомъ отношеніи совершенно правильно сказано: «блаженъ, иже и скоты милуетъ». Но это вовсе не значитъ, что въ отношеніи своего достоинства животныя или растенія *приравниваются* къ человѣку. Нѣтъ, нашъ разумъ говоритъ, что человѣкъ всегда остается *выше*, *цѣннѣе* всего остального въ природѣ, и что поэтому все остальное въ природѣ должно *служить* человѣку, т.-е., иными словами, человѣкъ на все остальное можетъ смотрѣть, какъ на *средство* для своихъ цѣлей. Поэтому, если человѣку грозитъ голодная смерть, то онъ *въ правѣ* употребить себѣ на пищу всякое животное, поддерживать свое *высшее* существованіе за счетъ жизни безусловно низшаго, по сравненію съ нимъ, существа. Или, другой вопросъ, который нерѣдко поднимался и обсуждался: въ правѣ ли ученые производить съ животными опыты, причиняющіе имъ боль и мученія, —

въ правѣ ли они производить надъ животными такъ называемыя *живосѣченія*, т.-е. разрѣзать тѣло и органы животныхъ, когда они еще живы? На этотъ вопросъ надо отвѣтить *утвердительно*. Разъ опыты съ животными производятся именно ради науки, т.-е. ради увеличенія человѣческихъ знаній, то это значитъ, что они производятся, въ концѣ-концовъ, ради пользы человѣка; здѣсь животное приносится въ жертву человѣку. А это нравственно допустимо, потому что человѣкъ безусловно выше животнаго. Хотя, конечно, и здѣсь надо ограничиваться только тѣмъ, что неизбѣжно — необходимо для успѣховъ науки.

Итакъ, каждый изъ насъ въ правѣ смотрѣть на все остальное въ природѣ, какъ на нѣчто *служебное* себѣ, въ правѣ пользоваться всѣмъ въ природѣ, какъ *средствомъ* для своихъ цѣлей, въ правѣ ни за чѣмъ въ природѣ не признавать равнаго себѣ *достоинства* и *цѣнности*. Но совсѣмъ не то по отношенію къ *человѣку*. Никто изъ насъ не въ правѣ смотрѣть на другого человѣка, какъ онъ смотритъ на животное или на растеніе, т.-е. просто какъ на орудіе или средство для своихъ собственныхъ цѣлей. Никто не въ правѣ ставить себя *выше* другихъ людей въ томъ смыслѣ, чтобы считать для себя дозволеннымъ причинять другому страданіе и зло ради собственнаго блага или жертвовать жизнью другого — ради сохраненія своей собственной жизни. Конечно, люди между собою не одинаковы и не равноцѣнны: одинъ умнѣе, другой глупѣе, одинъ добрѣе, другой злѣе, одинъ богато одаренъ талантами и способностями, другой духовно нищъ и убогъ, одинъ красивъ, другой безобразенъ. Но какъ бы ни различались люди между собою по своимъ талантамъ, качествамъ, способностямъ, разъ они хотятъ жить въ обществѣ и пользоваться совмѣстно благами общественной жизни,—разъ они хотятъ поддерживать въ обществѣ взаимопомощь и сотрудничество, они должны начать съ того, что въ каждомъ другомъ человѣкѣ признать своего *товарища* по общественной жизни, т.-е. признать въ немъ такое же *достоинство* человѣка, какое каждый приписываетъ самому себѣ, и, дѣйствительно, *уважать* это достоинство. Безъ этого общественная жизнь невозможна. Ибо если одни будутъ смотрѣть въ ней на другихъ только какъ на средство для достиженія своихъ собственныхъ личныхъ цѣлей, и если они, въ соотвѣтствіи съ этимъ, будутъ эксплоатировать этихъ другихъ, какъ мы эксплоатируемъ животныхъ или растенія, то имъ нечего требовать отъ этихъ эксплоатируемыхъ *честнаго* къ себѣ отношенія,—тогда ужъ надо всецѣло положиться на одну свою силу и управлять другими посредствомъ страха; иными словами, надо общество и общественную жизнь превратить изъ орудія

взаимопомощи и сотрудничества въ орудіе притѣсненія и эксплоатаціи однихъ другими. Но, во-первыхъ, это не такъ-то легко; опытъ показываетъ, что вездѣ притѣсняемые дѣлаютъ попытки, болѣе или менѣе успѣшныя, къ тому, чтобы сбросить съ себя наложенное на нихъ другими людьми иго. А во-вторыхъ,—и это, въ сущности, самое главное,—общество перестаетъ при этихъ условіяхъ быть могучимъ орудіемъ повышенія благополучія человѣческой жизни и развитія изъ человѣка все болѣе и болѣе высокаго существа; оно теряетъ это свое значеніе, и устраивать такое общество — это все равно, что превращать жилой домъ въ загонъ для скота, или топить печь дровами, полученными отъ разлома мебели или музыкальныхъ инструментовъ.

Мы можемъ какъ угодно цѣнить другъ друга или относиться другъ къ другу во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но какъ товарищи по общественной жизни, если мы хотимъ извлечь изъ нея всю ея пользу, мы должны признать, что каждый изъ насъ въ правѣ претендовать на то, чтобы участіе въ общественной жизни было ему *въ выгоду*, а не *во вредъ*, чтобы онъ получалъ отъ общества *помощь*, а не притѣсненіе и эксплоатацію. И, признавъ это, мы должны это *честно* соблюдать. Въ этомъ отношеніи общество и общественная жизнь не должны заключать въ себѣ ни взаимнаго *насилія*, ни взаимнаго *обмана*, а оно должно быть тѣмъ, чѣмъ ему надлежитъ быть по самой своей природѣ: поприщемъ взаимопомощи и сотрудничества людей, съ цѣлью обезпечить общее повышеніе уровня человѣческаго существованія.

Вотъ что необходимо для общественной жизни съ точки зрѣнія разума: онъ повелѣваетъ намъ, людямъ, взаимное *уваженіе*. Любите вы или не любите другого человѣка — это зависитъ не отъ васъ, а отъ природы; но отъ васъ зависитъ, во всякомъ случаѣ, *уважать* въ немъ человѣка, уважать въ немъ то человѣческое *достоинство*, на которое претендуете и вы сами.

Знаменитый философъ Кантъ эту же самую мысль превосходно выразилъ такимъ образомъ: онъ говоритъ, что на всякаго человѣка надо смотрѣть, какъ на *самоцѣль*, а не какъ на средство для другихъ цѣлей. Всякій человѣкъ — самъ себѣ цѣль, нельзя въ этомъ отношеніи ставить его *ниже* какого-нибудь другого человѣка; въ этомъ отношеніи всѣ мы другъ другу равны, какъ бы мы ни отличались другъ отъ друга своими качествами, способностями, талантами. Согласно Канту, это есть категорическое (само себѣ приказывающее) велѣніе нашего внутренняго нравственнаго сознанія (по-обыкновенному, нашей совѣсти), но это же вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннее *основаніе* всякой общественной жизни: безъ признанія каждаго члена общества *самоцѣлью*, обще-

ственная жизнь, какъ взаимопомощь и сотрудничество, совершенно невозможна.

Но если къ общественной жизни надо уже приступать, надо подходить съ честной мыслью о томъ, чтобы всякаго другого человѣка считать здѣсь *самоцѣлью*, а не простымъ средствомъ для цѣлей другихъ людей, то спрашивается: что́ же внутри нея *можно* дѣлать и чего нельзя? И какъ въ ней соединять свои дѣятельности *возможно*, какъ въ ней *сотрудничать*?

Прежде всего, очевидно, что, входя въ общество, мы вовсе не должны терять всей своей индивидуальной (личной) свободы, не должны ставить всей своей дѣятельности въ зависимость отъ другихъ. Нѣтъ, мы можемъ попрежнему преслѣдовать свои индивидуальныя цѣли, можемъ личными усиліями создать свое личное благо, но только мы должны при этомъ отказаться отъ такихъ дѣйствій и дѣятельностей, которыя прямо *мѣшаютъ* другимъ, которыя *несовмѣстимы* съ такими же дѣятельностями другихъ. Иными словами, у каждаго въ обществѣ остается его индивидуальная свобода, но только съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы она не нарушала такой же свободы всѣхъ другихъ. Это правило общественной жизни можно выразить словами: живи самъ, но не мѣшай жить другимъ!

Однако могутъ сказать, что это правило все же ограничиваетъ «естественную» свободу человѣка. Не вступая въ общество, я могъ бы дѣлать не стѣсняясь все, что мнѣ угодно, значитъ, въ томъ числѣ, дѣлать и то, что вредно другимъ, но что полезно мнѣ. А вступивши въ общество, я отъ послѣдняго долженъ отказаться; свобода въ обществѣ есть прежде всего *ограниченіе* естественной свободы и, слѣдовательно, невыгодна для индивидуума.

Да, наша «естественная», необузданная, несогласованная съ благомъ другихъ свобода, въ обществѣ должна быть ограничена, въ такой мѣрѣ, чтобы *не вредить* другимъ. Въ этомъ смыслѣ мы, люди, вступая въ общество, если угодно, пѣчто теряемъ. Но зато эта потеря болѣе, чѣмъ съ избыткомъ, возмѣщается тѣмъ, что мы въ обществѣ получаемъ возможность *соединять свои усилія* вмѣстѣ, *сотрудничать*, и тѣмъ безконечно повышать продуктивность и результаты этихъ нашихъ усилій, направленныхъ на удовлетвореніе нашихъ жизненныхъ потребностей. Однако и въ этомъ соединеніи нашихъ усилій, въ этомъ сотрудничествѣ, для того, чтобы оно было вѣрнымъ основной идеѣ взаимнаго *уваженія* людей въ обществѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы оно было наиболѣе продуктивнымъ, надо слѣдовать извѣстнымъ правиламъ, указаннымъ намъ разумомъ.

Во-первыхъ, такое соединеніе усилій многихъ или даже всѣхъ участниковъ общества должно быть направлено на такое дѣло, которое было бы для нихъ *общимъ* дѣломъ, т.-е. дѣломъ, приносящимъ благо каждому изъ нихъ, или, иначе, дѣломъ, обезпечивающимъ *общее благо*. Соединять усилія надо на общемъ дѣлѣ, ради общаго блага. Только при этомъ условіи соединеніе усилій, сотрудничество будетъ для людей вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ *взаимопомощью*. Если же трудъ и усилія какихъ-либо людей привлекаются къ такому дѣлу, которое имъ совершенно чуждо, въ которомъ они не имѣютъ никакого интереса, то совершеніе такого дѣла не будетъ уже взаимопомощью для его участниковъ, а здѣсь одни люди будутъ только *средствомъ* для другихъ. Они будутъ работать, тратить свои силы, а результаты ихъ труда будутъ всецѣло доставаться и итти на благо другимъ. Это, конечно, нарушеніе основной идеи общества и общенія, какъ взаимопомощи, но вмѣстѣ съ тѣмъ подобное сотрудничество далеко не будетъ давать и всей возможной своей продуктивности, потому что часть изъ участниковъ его будетъ совершенно не заинтересована въ его успѣшности, а, наоборотъ, будетъ заинтересована въ томъ, чтобы отъ него избавиться.

Впрочемъ, говоря здѣсь объ *общемъ* дѣлѣ, надо сдѣлать одну оговорку. Не требуется, чтобы всякое дѣло, въ которомъ участвуютъ члены общества, было для нихъ *общимъ* дѣломъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ, важно здѣсь, чтобы во всякомъ дѣлѣ, совершаемомъ людьми сообща, осуществлялась непремѣнно ихъ *взаимопомощь*. Поэтому, если вы сегодня участвуете въ *моемъ* дѣлѣ и оказываете мнѣ помощь, а завтра я участвую въ *вашемъ* дѣлѣ, помогая, съ своей стороны, вамъ, то это все равно, какъ если бы мы сообща дѣлали наше общее дѣло. Или, если я участвую въ *вашемъ* дѣлѣ, а вы мнѣ за это участіе отдѣляете часть тѣхъ продуктовъ и результатовъ, которые достигнуты этимъ дѣломъ и которые я, значитъ, могу употребить въ свою пользу, то и благодаря этому *ваше* дѣло становится вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы, и моимъ дѣломъ. Словомъ, понятіе *общаго дѣла* надо здѣсь расширить, разумѣя подъ нимъ всякій видъ взаимопомощи или сотрудничества, въ которомъ каждый изъ его участниковъ тѣмъ или инымъ путемъ получаетъ свою выгоду или вознагражденіе за свое участіе. Во всякомъ сотрудничествѣ работа должна итти, если и не падъ общимъ дѣломъ, то, во всякомъ случаѣ, надъ *общимъ благомъ*; оно должно клониться не ко благу *нѣкоторыхъ* только своихъ участниковъ, а ко благу *всѣхъ*. Весь устанавливаемый въ обществѣ порядокъ взаимныхъ отношеній долженъ истекать, зна-

читъ, изъ идеи *общаго* блага всѣхъ участниковъ общественной жизни, а не *частнаго* блага тѣхъ или другихъ его членовъ или группъ.

Итакъ, значитъ, совмѣстная работа людей въ обществѣ прежде всего должна быть работой надъ ихъ *общимъ благомъ*. Но для правильнаго устроенія общественной жизни одного этого указанія или одной этой идеи — идеи общаго блага — еще мало, ибо она касается только *качественной* стороны дѣла, а между тѣмъ въ немъ есть еще и сторона *количественная*. Ну, хорошо — представимъ себѣ, что мы всѣ работаемъ надъ нашимъ общимъ благомъ. Но что это значитъ съ количественной стороны? Это значитъ, что каждый изъ насъ вкладываетъ въ это дѣло извѣстное количество своего труда, своихъ усилій, и изъ результатовъ этого дѣла получаетъ за свое участіе извѣстную долю. Развѣ все равно для меня, *сколько* съ меня *возьмутъ* въ общее дѣло, и *сколько* я изъ этого общаго дѣла *получу*? Конечно, не все равно. Тутъ, очевидно, требуется извѣстная *соразмѣрность* между моимъ вкладомъ и моимъ полученіемъ, и если такой соразмѣрности нѣтъ, то мы говоримъ, что это *несправедливо*. Такимъ образомъ, кромѣ работы надъ *общимъ* благомъ, общественная жизнь съ ея основной идеей взаимопомощи людей, требуетъ, во-вторыхъ, также и *справедливаго* вознагражденія каждаго за его участіе въ общемъ дѣлѣ. А если такъ, то какое же вознагражденіе за участіе въ трудахъ и тяготахъ общей жизни можно считать для каждаго справедливымъ?

Это—вопросъ, на который нельзя отвѣтить цифрами или мѣрами; но все же это вопросъ, на который можно отвѣтить достаточно точно. Для этого надо только и здѣсь помнить, что всякій человѣкъ въ общественной жизни долженъ быть *самоцѣлью*, а не средствомъ для другихъ, хотя бы и для такъ называемаго общаго блага. Поэтому, при учетѣ доли каждаго въ результатахъ общей работы, надо смотрѣть на то, что дало его участіе общему дѣлу? Въ какой мѣрѣ оно повысило его продуктивность? То ему и надо вернуть. Вѣдь сотрудничество въ работѣ — это могучій инструментъ, долженствующій служить всѣмъ участникамъ, — инструментъ, повышающій продуктивность труда каждаго изъ сотрудничающихъ; трудъ каждаго, проходя черезъ сотрудничество, становится несравненно продуктивнѣе. Такъ вотъ и надо каждому вернуть то, что онъ произвелъ съ помощью сотрудничества, и что, значитъ, ему принадлежитъ. «Воздай каждому свое» — это и есть основное правило справедливости. Конечно, при этомъ возвращеніи каждому того, что онъ вложилъ въ общественную жизнь, но съ тѣмъ приращеніемъ, какое обще-

ственная жизнь способна придать труду каждаго, не всякій получитъ *одинаково*. Но это и естественно. Ибо одинъ вкладываетъ въ общее сотрудничество одно, а другой—другое: одинъ—болѣе цѣнное для общаго дѣла, а другой — менѣе цѣнное. Заслуга одного передъ общимъ дѣломъ болѣе велика, заслуга другого менѣе велика. Напримѣръ, въ сраженіи: заслуга геніальнаго полководца, заслуга Суворова или Наполеона — одна, а заслуга рядового солдата — другая. Или въ промышленномъ дѣлѣ: заслуга Уатта, Стефенсона, Эдисона — одна, а заслуга простого рабочаго — другая.

Мы люди, конечно, не походимъ другъ на друга такъ, какъ экземпляры вещей, сдѣланныхъ на одной и той же фабрикѣ; каждый изъ насъ надѣленъ отъ природы своими особыми качествами, талантами, способностями. Съ другой стороны, и обществу, для обезпеченія общаго блага, требуются отъ его членовъ *разныя* услуги. Поэтому провести между людьми, какъ выражаются, полную *нивеллировку*, сдѣлать участь и судьбу людей въ обществѣ совершенно одинаковыми, математически равными, разумѣется, нельзя. И не въ такомъ механическомъ уравненіи доли каждаго, какъ въ трудѣ общественной жизни, такъ и въ его вознагражденіи, заключается *идея справедливости*. Но она все же заключается въ томъ, чтобы всѣхъ людей въ обществѣ и ихъ заслуги, такъ же, какъ и ихъ грѣхи передъ обществомъ, мѣрить *одною и тою же мѣрою*. Кто больше даетъ обществу, тотъ долженъ и больше получать, и притомъ въ мѣру оказанной заслуги; а кто меньше даетъ, тотъ долженъ меньше и получать. Справедливость требуетъ не *равной* участи для людей, а *равной* мѣры при опредѣленіи этой участи. Въ этомъ именно смыслѣ она есть, дѣйствительно, идея *равенства*, или, точнѣе сказать, *равноправія* людей въ обществѣ. *Цѣна* людямъ въ обществѣ, какъ и въ природѣ, разная, но оцѣнивать-то ихъ отъ имени общества надо *одною и тою же* мѣрою.

Итакъ, всякое общеніе людей, всякое ихъ сотрудничество, поскольку оно, дѣйствительно, хочетъ быть взаимопомощью, должно подчиняться этимъ двумъ внутреннимъ началамъ: во-первыхъ, *по качеству*, оно должно быть направлено на *общее дѣло и общее благо*, а во-вторыхъ, *по количественному* распредѣленію долей участія каждаго, какъ въ общественномъ трудѣ, такъ и въ наградѣ за него, оно должно быть *справедливымъ*. Идея общаго блага и идея справедливости — это двѣ основныхъ внутреннихъ идеи, на которыхъ зиждется общественная жизнь, и которыя ей диктуются человѣческимъ разумомъ.

Къ несчастію для людей и для ихъ общественной жизни, эта послѣдняя не можетъ держаться только на одной своей *внутренней* основѣ: ее приходится скрѣпить еще и однимъ *внѣшнимъ* средствомъ, безъ котораго она не была бы въ такой мѣрѣ прочной, какъ это ей требуется. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что извѣстное число людей затѣяли общее дѣло ради своего общаго блага, что они соединили ради этого свои усилія, создали сотрудничество, и предположимъ даже, что создали его съ совершенно справедливымъ распредѣленіемъ участія каждаго, какъ въ общемъ трудѣ, такъ и въ общемъ вознагражденіи. Пусть, такимъ образомъ, дѣло начато и пусть оно идетъ. Очевидно, оно будетъ имѣть смыслъ, оно принесетъ свои благодѣтельные для всѣхъ участниковъ результаты лишь въ томъ случаѣ, если его, по намѣченному плану, доведутъ до конца, т.-е., иными словами, если каждый изъ участниковъ *честно* выполнитъ въ немъ все то, что ради общаго блага и по справедливости выпало на его долю. Ну, а если участники этого общаго дѣла, хотя бы нѣкоторые, начнутъ его вѣроломно покидать раньше его окончанія? Если одинъ скажетъ: мнѣ оно не нравится: другой скажетъ: я передумалъ; третій скажетъ: мнѣ оно не по силамъ, и т. д.; что же тогда станется съ самимъ дѣломъ? Очевидно, оно развалится, погибнетъ.—и если такъ, такъ лучше бы его и не начинать. Словомъ, разъ начатое общее дѣло непремѣнно требуетъ *постоянства* въ своемъ выполненіи,—требуетъ, чтобы всѣ его участники до конца исполняли отведенную имъ въ этомъ дѣлѣ роль, и безъ такого постоянства общественное дѣло теряетъ всякій смыслъ, лучше сказать, оно становится совершенно невозможнымъ.

Но если, такимъ образомъ, общаго дѣла, сотрудничества, взаимопомощи не стоитъ и начинать, если не доводить ихъ до конца, если не сдѣлать ихъ прочными и постоянными, то спрашивается, какъ же этого достигнуть? Мы сказали выше, что для этого надо, чтобы каждый *честно* выполнилъ свою роль, ни въ чемъ не *измѣнилъ* общему дѣлу. Конечно, большинство людей это понимаетъ и готовы такъ именно и поступить, но вѣдь есть такіе, которые такого частнаго отношенія къ своему дѣлу не обнаруживаютъ, — это люди вѣроломные или, какъ иначе выражаются, люди со *злой* волей. Что же съ ними дѣлать? Кто-нибудь скажетъ: не принимать ихъ въ товарищество! Да, это вѣрно. Но вѣдь не всякое человѣческое сожительство или сотрудничество вполнѣ добровольно: не всегда можно сказать: мы недовольны другъ другомъ и потому расходимся въ разныя стороны. Семья, община, государство — это все сожительства людей, вовсе не добровольныя: тутъ нельзя недо-

вольнымъ просто разойтись, или неподходящихъ просто выкинуть вонъ; приходится все же жить вмѣстѣ, а слѣдовательно, и сотрудничать. Да, наконецъ, и въ самомъ добровольномъ сотрудничествѣ люди другъ въ другѣ могутъ ошибиться и среди нихъ могутъ оказаться вѣроломные, злые и нечестные, значитъ, и здѣсь возникаетъ тотъ же вопросъ: что же съ ними дѣлать и какъ все-таки обезпечить прочность и постоянство общей работы?

Что дѣлать? Вотъ тутъ-то и приходится, такъ какъ нельзя положиться на одно *внутреннее сознаніе* всѣми людьми выгодности общаго дѣла, когда оно поставлено по всей справедливости,— приходится прибѣгнуть къ *внѣшнему средству*, чтобы все-таки это общее дѣло оставалось прочнымъ. Такимъ внѣшнимъ средствомъ является *принужденіе*, сила. Не хочешь добровольно и честно выполнять общаго дѣла, не прогнѣвайся: тебя заставятъ, принудятъ къ этому силою. И такъ какъ опытъ показываетъ, что въ обществѣ всегда есть люди, готовые вѣроломно *нарушать* общую жизнь, *уклоняться* отъ участія въ ея общемъ трудѣ, или лукавить при его выполненіи, то общество уже заранѣе грозитъ такимъ своимъ членамъ, что оно, съ своей стороны, причинитъ имъ то или иное зло, *накажетъ* ихъ, если они будутъ поступать несогласно съ правилами общей жизни. Эта угроза наказаніемъ имѣетъ цѣлью подѣйствовать на нихъ хоть *страхомъ*, если они плохо слушаются голоса чести и совѣсти. А ужъ, конечно, разъ пригрозивши, надо эту угрозу потомъ приводить въ исполненіе.

Такъ общественная жизнь, сотрудничество, взаимопомощь между людьми, къ сожалѣнію, и осложняются этимъ *внѣшнимъ* и крайне прискорбнымъ элементомъ — *принужденіемъ*. Тѣхъ, кто не хочетъ добровольно и честно поддерживать мирнаго сожительства людей и общественнаго ихъ сотрудничества, къ этому *принуждаютъ* угрозами, а если угрозы не дѣйствуютъ, ихъ приводятъ въ исполненіе *силою*. Общество, организуя въ своей средѣ сотрудничество и общую жизнь, организуя ихъ ради общаго блага и по справедливости, и устанавливая для этого у себя право и государство, дѣлаетъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ организаціей *принудительной*, снабжаетъ ихъ *силой*. И безъ этой принудительности и силы, пока люди таковы, каковы они есть, пока между ними есть злые и недобросовѣстные,—общественная жизнь невозможна. Въ рукахъ власти и государства должна быть сила и принужденіе, иначе общественная жизнь развалится, сдѣлается непрочной. Эта необходимость примѣненія въ государствѣ принужденія и силы, само собою разумѣется, прискорбна, достойна сожалѣнія, но она неустранима.

Но если общественная жизнь людей, такимъ образомъ, не можетъ быть совершенно добровольной; если въ нее приходится внести, для того чтобы она была прочной и постоянной, извѣстную дозу принужденія и силы, то, во всякомъ случаѣ, надо помнить объ одномъ: что примѣненіе ихъ *оправдывается* только тогда, когда ими хотятъ обезпечить внутреннюю основу общественной жизни, т.-е. общее благо и справедливость. Въ противномъ случаѣ они остаются лишенными внутренняго оправданія и ничѣмъ не отличаются отъ простого насилія. Весь этотъ вопросъ о принужденіи въ общественной жизни подробно разсматривается въ ученіи о правѣ и государствѣ, здѣсь же мы замѣтимъ себѣ только одно: за правомъ и справедливостью должна быть и сила, чтобы поддержать ихъ противъ тѣхъ, кто не хочетъ имъ добровольно подчиняться. Но ни въ коемъ случаѣ тотъ, у кого въ рукахъ сила, не долженъ считать себя въ правѣ дѣлать поэтому все, что ему захочется, и такимъ образомъ пользоваться силой не для обезпеченія общаго блага и справедливости, а только для своихъ личныхъ цѣлей.

Въ заключеніе замѣтимъ, что все то, что мы изложили выше, можетъ быть названо этикой гражданской, т.-е. совмѣстной, общественной жизни людей, притомъ этикой, основанной частью на *естественныхъ*, данныхъ самой природой, а частью на *разумныхъ*, т.-е. вытекающихъ изъ нравственнаго сознанія людей, началахъ. Эти начала и основанную на нихъ этику нашей общественной жизни надо признать просто потому, что мы *люди*, и потому, что мы *разумные* люди. Ибо, какъ люди разумные, мы должны признать, что совсѣмъ безъ этихъ началъ общественная жизнь была бы невозможна, и что она становится тѣмъ полезнѣе для людей, чѣмъ больше она проникается указанными началами.

Общество есть могучее орудіе для развитія и расцвѣта человѣческой жизни, но имъ надо какъ слѣдуетъ пользоваться.

Педагогика.

1. Что такое педагогика, и чему она учитъ?

I.

Къ концу XVIII и въ теченіе XIX вѣка освобождаемые отъ крѣпостной зависимости крестьяне становятся все болѣе и болѣе замѣтными среди другихъ сословій въ Европѣ. И однимъ изъ первыхъ желаній тѣхъ, кто недавно былъ рабомъ, было желаніе побольше знать, быть просвѣщенными. Въ 1871 году произошло одно событіе, которое заставило не только народъ, но и правительства разныхъ странъ обратить свое особенное вниманіе на образованіе и школу. А именно, въ войнѣ Франціи съ Германіей нѣмцы одержали рядъ побѣдъ. Французское правительство увидѣло, что нѣмцы оказались сильнѣе оттого, что солдаты нѣмецкіе были лучше подготовлены въ своей народной школѣ. «Францію побѣдилъ нѣмецкій народный учитель» — говорили тогда, и съ этихъ поръ всѣ европейскія государства стали считать образованіе народа и школу дѣломъ первостепеннымъ. Франція же немедленно послѣ войны ввела у себя обязательное для всѣхъ дѣтей обученіе.

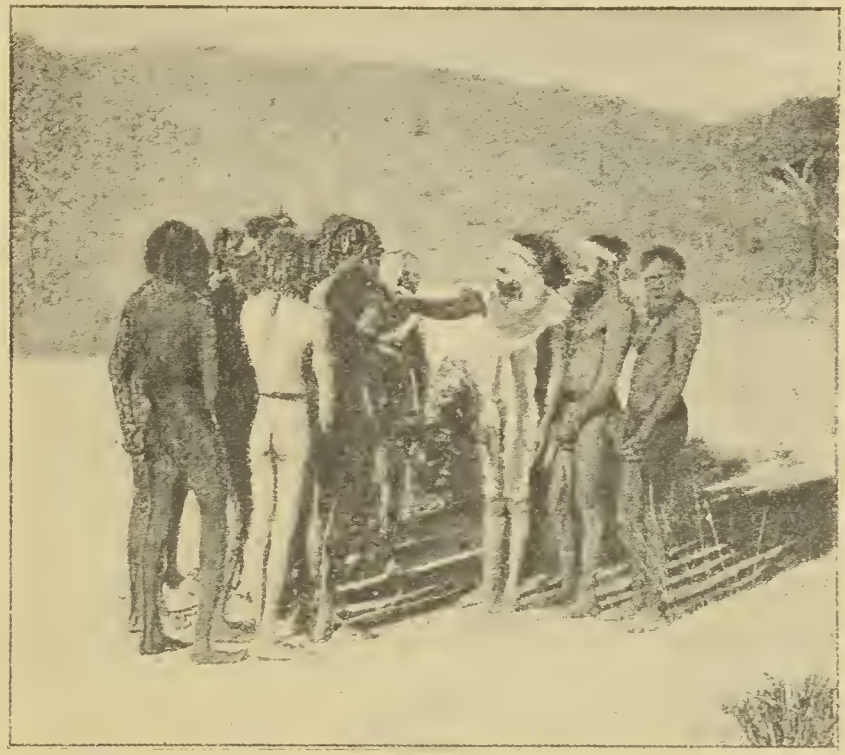
Кромѣ всего этого, къ концу XIX вѣка стала все больше выдвигаться особая наука — педагогика, которая помогала правильно и хорошо устроить школу и учить дѣтей.

Итакъ, и народъ, и правительство, и наука заинтересовались къ началу нашего XX вѣка народнымъ просвѣщеніемъ. Можно сказать, что XIX вѣкъ оставилъ въ наслѣдство XX великій вопросъ о томъ, какъ создать хорошую школу, и завѣщалъ правильно рѣшить этотъ вопросъ.

И такъ было не только въ Европѣ: въ Америкѣ мы видимъ то же самое Не успѣли негры сдѣлаться изъ рабовъ свободными, какъ среди нихъ появился въ концѣ XIX вѣка знаменитый учитель Бookеръ Вашингтонъ. Этотъ человѣкъ родился въ рабствѣ, но, освободившись, поставилъ цѣлью своей жизни служить святому дѣлу просвѣщенія своихъ соотечественниковъ. Онъ основалъ въ Южной Америкѣ особую школу, которая под-

готовляла въ учителя другихъ молодыхъ негровъ и сильно способствовала распространенію тамъ просвѣщенія.

Словомъ, въ наше время школа является самой важной заботой для правительствъ, для городскихъ и сельскихъ обществъ. Такъ какъ всегда бываетъ такъ, что насчетъ важныхъ вопросовъ горячѣе всего спорятъ, то и объ устройствѣ школы существуетъ много мнѣній и разногласій. Наука, которая ищетъ истиннаго отвѣта относительно правильной постановки дѣла просвѣщенія, и называется педагогикой.



Школа у австралійскихъ дикарей.
Жрецъ обучаетъ молодыхъ людей своему искусству и прикосновеніемъ руки разрѣшаетъ имъ говорить.

Что же такое школа, для которой нужна педагогика, *и каково значеніе школы для людей?*

Если мы посмотримъ на животныхъ и на людей, когда они были еще дикарями, то увидимъ, что имъ было гораздо труднѣе бороться съ холодомъ, голодомъ и другими природными условіями, чѣмъ теперь. Теперь человѣкъ уже научился лучше охотиться, научился сѣять хлѣбъ, строить жилища, добывать огонь, лѣчить болѣзни. Въ старину же, когда люди не умѣли бороться за свое существованіе, многіе милліоны не могли выжить и погибали. Тѣ же, кто былъ посильнѣе, оставались въ

живыхъ и мало-по-малу научились избѣгать опасностей отъ явленій природы, пріобрѣтали опытность въ борьбѣ за свое существованіе. Весь свой опытъ, всѣ пріобрѣтенныя въ долгой и суровой борьбѣ знанія человѣчество передаетъ своимъ дѣтямъ, которымъ поэтому живется легче, чѣмъ ихъ отцамъ.

Передача вѣковой мудрости и опыта можетъ происходить различнымъ образомъ. Дѣти могутъ просто смотрѣть на старшихъ и повторять то, что дѣлаетъ отецъ, мать и другіе взрослые люди. И когда у людей знаній было немного, то такой способъ передачи былъ удобенъ. Такъ точно подражаютъ своимъ родителямъ животныя: котята подражаютъ въ прыжкахъ и охотѣ на мышей старой кошкѣ; лиса заставляетъ около норы продѣлывать своихъ дѣтенышей все то, что дѣлаетъ сама.

Но когда у людей стало очень много полезныхъ знаній, когда они изобрѣли книгопечатаніе, научились строить пароходы, придумали много усовершенствованій въ промышленности, торговлѣ, военномъ дѣлѣ, медицинѣ и пр.,— тогда сдѣлалось невозможнымъ передавать потомству такія иногда очень трудныя знанія посредствомъ простого подражанія. Знаній стало такъ много, что надо было отобрать нужныя для всѣхъ людей отъ тѣхъ, которыя необходимы отдѣльнымъ спеціалистамъ. Кромѣ того, нужно было передавать эти знанія въ какомъ-нибудь порядкѣ, а не случайно. Наконецъ надо было передавать знанія такъ, чтобы передача была легкой, интересной и не отнимала напрасно много времени. Для того, чтобы одно, старшее, поколѣніе могло передавать другому, младшему, *въ порядкѣ* и *самымъ удобнымъ образомъ* тѣ знанія, которыя считаются необходимыми для человѣка, — для этого и были заведены школы. Значитъ, школа является передаточнымъ пунктомъ, который передаетъ дѣтямъ полезныя для борьбы за существованіе познанія, но не какъ попало, а въ опредѣленномъ порядкѣ.

Такъ какъ школа облегчаетъ намъ борьбу за существованіе и помогаетъ передавать *по наслѣдству* изъ поколѣнія въ поколѣніе все полезное, то на ученомъ языкѣ говорятъ, что школа служитъ *факторомъ* (орудіемъ) *наслѣдственности*. Она способствуетъ сохраненію полезнаго стараго, прежняго, передаетъ старину, то-есть, какъ говорятъ иначе, она консервативна. Она оглядывается назадъ и говоритъ дѣтямъ: «смотрите, какъ много хорошаго придумали ваши предки для того, чтобы вамъ легче было бороться за свое существованіе; научитесь и вы этому». Ясно, что школа въ этомъ случаѣ является факторомъ *консервативнымъ*, такъ какъ сохраняетъ и передаетъ полезное *старое*, прежнее.

Но это только *одна* сторона дѣла, только *одно* важное значеніе школы.

Глядя назадъ, школа въ то же время еще болѣе смотритъ впередъ и рѣшаетъ другой трудный вопросъ. Она думаетъ: какія *новыя* знанія, *новыя* привычки, *новыя* воззрѣнія, такія, какихъ не было въ старинѣ, понадобятся для дѣтей, когда они вырастутъ. Школа угадываетъ, что̀ новое нужно будетъ для борьбы за существованіе. Школа старается внушить новое знаніе, новые взгляды. Она какъ бы предостерегаетъ людей и говоритъ имъ: «вы суетитесь и въ суетѣ вы слѣпы: вы не видите, что въ близкомъ будущемъ нужны будутъ иныя знанія и иные люди. И если у васъ не будетъ ни того ни другого, то вы погибнете или будете затерты тѣми народами, которые догадливѣе васъ и лучше понимаютъ, что̀ требуется для ближайшаго будущаго». Но для того, чтобы правильно угадать, что̀ именно нужно для будущаго, школа должна очень внимательно разсмотрѣть настоящее, открыть въ немъ хорошія стороны и плохія сѣмена, угадать, какіе плоды дадутъ эти сѣмена. Иначе говоря, школа должна *критически* оцѣнить все то образованіе, какое она даетъ молодому поколѣнію.

Значитъ, школа не только помогаетъ людямъ скорѣе и лучше научиться отъ предковъ ихъ мудрости и опыту, но оказываетъ человѣку и другую, болѣе важную услугу. Она приспособляетъ человѣка къ будущему, она учитъ его такимъ новымъ привычкамъ и знаніямъ, которыхъ онъ по наслѣдству отъ предковъ не получилъ, но которыя ему въ его собственной жизни окажутся очень нужными. Они помогутъ ему узнать, какъ лучше устроить собственную свою жизнь, какое занятіе выбрать и какъ лучше всего исполнять свою работу, т.-е. какъ *приспособить* себя къ окружающему. Если обратить вниманіе на школу съ этой стороны дѣла, то на ученомъ языкѣ надо сказать, что школа является *факторомъ приспособленія*.

Выходитъ такъ, что школа не только передаетъ дѣтямъ наслѣдство отъ предковъ, но и учитъ ихъ, какъ распорядиться этимъ наслѣдствомъ: что̀ пустить въ оборотъ, что̀ попридержать, а что̀ и совсѣмъ выбросить. И такъ какъ школа въ этомъ случаѣ смотритъ въ будущее, заботится о будущемъ, то и является факторомъ *прогрессивнымъ* (прогрессъ — движеніе впередъ).

На это значеніе школы надо обратить особенное вниманіе, такъ какъ изъ этого слѣдуетъ, что школа для того, чтобы быть дѣйствительно полезной для человѣка, должна, охраняя полезное прошлое, непремѣнно быть прогрессивной, учить дѣтей итти все впередъ и впередъ, улучшая полученное отъ предковъ наслѣдство. Какъ же школа можетъ улучшать по-

лученное наслѣдство? Дѣло въ томъ, что по наслѣдству отъ родителей дѣти получаютъ только сѣмена, зачатки, зародыши разныхъ привычекъ, болѣзней и т. д. Эти зародыши и сѣмена можно въ школѣ погубить, вытравить, а можно дать имъ разрастись, развиться. На школѣ и лежитъ великая и святая обязанность: дѣйствовать на дѣтей такъ, чтобы добрыя, полезныя сѣмена развить, укрѣпить, а дурныя заглушить и совсѣмъ уничтожить.

Теперь мы можемъ отвѣтить, что школа имѣетъ два значенія: она служитъ *консервативному* фактору наслѣдственности и *прогрессивному* фактору приспособленія. Поэтому и на вопросъ, что же такое школа, надо сказать: *школа — такое установленіе, которое не только передаетъ въ строгомъ порядкѣ и облегченнымъ путемъ подрастающему поколѣнію весь опытъ, пріобрѣтенный человѣчествомъ, но и производитъ критическую оцѣнку этого опыта и дѣйствуетъ такъ, что заглушаетъ одни зачатки и поощряетъ другіе.* Все это школа дѣлаетъ съ цѣлью облегчить каждому отдѣльному человѣку борьбу за существованіе. Но помогая отдѣльнымъ лицамъ, школа учитъ цѣлые народы, какъ имъ лучше жить. Поэтому понятно и вполнѣ справедливо такое изреченіе: «у какого народа будетъ лучшая школа, тотъ будетъ первымъ и самымъ сильнымъ народомъ и одержитъ надъ другими побѣду и въ торговлѣ, и въ промышленности, и въ военномъ дѣлѣ». А одинъ извѣстный русскій ученый Янжулъ сказалъ: «Будетъ Россія образована, будетъ она и богата».

Изъ всего сказаннаго видно, что школа должна критически оцѣнить настоящее, заглушить одни зародыши, развить другіе и т. д. Все это очень трудно сдѣлать, и тѣ люди, которые работаютъ въ школѣ, приносятъ народу большую пользу. Недаромъ одинъ русскій писатель (Некрасовъ) говоритъ объ учителяхъ: «Сѣйте разумное, доброе, вѣчное... Спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ!» Для того, чтобы хорошо работать въ школѣ и сдѣлать ее дѣйствительно полезной, учитель долженъ очень много знать, онъ долженъ понимать, что теперь самое главное въ жизни, чтобы научить этому главному дѣтей. Словомъ, учитель долженъ имѣть знанія и убѣжденія. Но этого мало. Есть люди, которые очень много знаютъ, но не умѣютъ передать своихъ знаній дѣтямъ. Этому интересному и трудному дѣлу, т.-е. тому, какъ самымъ скорымъ и легкимъ образомъ учить въ школѣ. — научаетъ особая наука *педагогика*. Она показываетъ, какъ учили въ школахъ раньше, какъ учили совсѣмъ безъ школъ, какъ учатъ теперь. Все это она сравниваетъ, взвѣшиваетъ и показываетъ, *какъ надо устроить разумную школу и*

какъ въ ней хорошо преподавать. На первый взглядъ, учить другихъ не трудно. Учили же прежде и отставные солдаты! Многіе поэтому не понимаютъ, какъ сильно нужна для учителя педагогика. О такихъ людяхъ русскій ученый съ насмѣшкой разсказываетъ слѣдующее: повстрѣчался будто бы одинъ такой человѣкъ, по имени Критонъ, съ древнимъ мудрецомъ Сократомъ. Сократъ остановилъ его и предложилъ ему слѣдующій вопросъ:

— Скажи мнѣ, Критонъ: если твои сапоги причиняютъ тебѣ боль и тебѣ въ нихъ неловко ходить, — къ кому обратишься ты за выясненіемъ причины зла и его исправленіемъ?

— Къ сапожнику! — отвѣтилъ нисколько не задумавшись, Критонъ.

— Прекрасно. А если стѣна твоего дома покачнулась и грозитъ паденіемъ, кого пригласишь ты совѣтникомъ и, если возможно, предотвратителемъ бѣдствія?

— Плотника, — столь же рѣшительно отвѣтилъ Критонъ.

— Превосходно. А если въ воспитаніи твоихъ сыновей то или другое тебѣ кажется несоотвѣтствующимъ цѣли, если у тебя, однимъ словомъ, возникнутъ сомнѣнія педагогическаго характера, — къ кому обратишься ты за совѣтомъ и помощью?

На лицѣ Критона выразилось недоумѣніе; послѣ нѣкотораго размышленія онъ неувѣренно и скорѣе въ тонѣ вопроса отвѣтилъ:

— Тоже къ плотнику?

Но Сократъ съ кроткой улыбкой отрицательно покачалъ головой.

— Къ врачу?.. Къ химику?.. Къ жрецу Юпитера?

Сократъ продолжалъ отрицательно качать головой. Критонъ, смутившись, нѣкоторое время промолчалъ; но вдругъ точно осѣненный новой мыслью, онъ ударилъ себя по лбу и тономъ вполнѣ увѣреннаго въ себѣ человѣка воскликнулъ:

— Къ журналисту! (человѣку, который пишетъ въ газетахъ и журналахъ).

Но къ его удивленію, и на этотъ разъ со стороны Сократа одобренія не послѣдовало.

— Такъ къ кому же? — спросилъ Критонъ.

— Къ *педагогу,* — тихо и внушительно сказалъ Сократъ.

Критонъ выпучилъ глаза.

— Неужели? Первый разъ слышу.

И много есть такихъ людей, которые не понимаютъ, что для воспитанія нашихъ дѣтей въ школѣ необходимы учителя, спеціально подготовленные, т.-е. изучившіе спеціально педагогику.

Руководить учителями тоже должны люди, хорошо знакомые съ педагогикой. Знаменитый нѣмецкій ученый Э. Геккель говоритъ по этому поводу слѣдующее: какъ сильно удивились бы въ Пруссіи, если бы въ военные министры былъ назначенъ человѣкъ, который никогда не служилъ солдатомъ, не знаетъ новыхъ усовершенствованій военнаго искусства, новаго вооруженія, тактики и не представляетъ себѣ ясно, какъ постепенно развивалось военное дѣло, начиная съ древнихъ временъ. А вѣдь школа и школьное дѣло обширнаго культурнаго государства въ настоящее время не менѣе сложно и трудно, чѣмъ военное дѣло, и требуетъ ничуть не меньшей общей и спеціальной подготовки.

И дѣйствительно, руководители школьнаго дѣла въ разумномъ государствѣ тоже должны знать, какой была школа раньше, какія въ ней новыя вѣянія, какъ лучше всего обучать всѣмъ предметамъ,—словомъ, руководители тоже должны получить спеціальную (т.-е. особую) педагогическую подготовку.

Въ настоящее время на педагогику смотрятъ, какъ на очень важную и необходимую науку, потому что убѣдились въ необходимости школъ. А хорошей школы, какъ видно изъ всего сказаннаго, безъ педагогики завести нельзя.

Чтобы еще, съ другой стороны, посмотрѣть на важное и большое значеніе педагогики,—зададимъ себѣ такой вопросъ: отъ чего зависитъ богатство не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлаго народа? Нѣкоторые думаютъ, что богатымъ надо считать тотъ народъ и то государство, въ которомъ есть много денегъ, много звонкой монеты, много матеріально обезпеченныхъ людей. Но другіе говорятъ, что о богатствѣ цѣлаго народа нельзя судить по тому, сколько въ государствѣ денегъ. Если у народа мало здоровыхъ, умныхъ, знающихъ, дѣятельныхъ и энергичныхъ работниковъ, если мало способныхъ и талантливыхъ людей, любящихъ свою родину, или, какъ иначе говорятъ, мало *духовныхъ силъ*, то такой народъ нельзя считать богатымъ. Богатство и деньги быстро уйдутъ, если въ народѣ мало духовныхъ силъ, а много людей, которые любятъ только тепло, покой и роскошь и предаются наслажденіямъ. Такой народъ — не крѣпкій народъ, и его народное богатство въ ближайшемъ будущемъ пропадетъ. И вотъ люди, которые любятъ свою страну и свой народъ, хотятъ узнать: какъ же можно удержать народное богатство и какъ сдѣлать, чтобы обезпечить этому богатству развитіе и увеличеніе въ будущемъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, въ чемъ же заключается богатство народное, капиталъ всей націи.

Народное богатство состоитъ изъ двухъ главныхъ половинъ: *хозяйственной* и *духовной*. Подъ хозяйственной половиной надо

Вопросы, которые изучаетъ наука-ПЕДАГОГИКА.

А. Вопросъ о томъ, какъ учили *прежде*, съ самыхъ древнихъ временъ:
исторія педагогики.

Б. Вопросъ, какъ устроить школу и обученіе *теперь:*
система педагогики.

I. Какія существуютъ школы и какъ ихъ устроить:
практическая педагогика.

II. Какъ подготовиться къ работѣ въ школѣ:
теоретическая педагогика.

I. Гдѣ можно учить дѣтей: **формы воспитанія.**

А. Какъ учить въ семьѣ:
домашнее воспитаніе.

В. Какъ учить многихъ дѣтей вмѣстѣ:
массовое воспитаніе.

Какъ устроены **закрытыя** учебныя заведенія:

1. Институтымужскіе и женскіе.
2. Духовныя и военныя школы.
3. Сиротскіе дома.
4. Исправительныя учрежденія.
5. Учрежденія для неспособныхъ.
6. Учрежденія для идіотовъ.
7. Школы для глухихъ, нѣмыхъ, слѣпыхъ.
8. Для калѣкъ.
9. Для эвилептиковъ (т. - е. припадочныхъ).

Какъ устроены **открытыя** учебныя заведенія.

1. Дающія **общія** для всякаго человѣка знанія.
2. Дающія **спеціальную** подготовку для спеціалистовъ.
3. Дающія **внѣшкольное** образованіе народу по окончаніи школы.

II. Какъ управлять школой и оборудовать ее: **школьное управленіе.**

1. Кто хозяинъ школы: семья, общество, государство или церковь?
2. Какъ устроить зданіе школы и обставить ее всѣмъ необходимымъ для ученья.
3. Кто и какъ долженъ руководить школой.
4. Какъ подготовить хорошихъ учителей для школы и обезпечить имъ дальнѣйшее образованіе (съѣзды, лѣтніе курсы).

III. Чего должна добиваться школа: **цѣль воспитанія.**

IV. Какими средствами должно работать въ школѣ: **средства воспитанія.**

А. Какъ дѣйствовать **на умъ** дѣтей и обучать ихъ разнымъ знаніямъ:
дидактика.

Какія правила общія при обученіи всѣмъ предметамъ:
общая дидактика.

1. Цѣль обученія вообще
2. Средства обученія.

↓

Какимъ вредметамъ надо учить и какъ сдѣлать обученіе скорымъ, легкимъ, интереснымъ?

Особыя правила при преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ:
частная дидактика или методики:

↓

1. Цѣль обученія чтенію, ариѳм. и другимъ предметамъ.
2. Особые пріемы учителя при преподаваніи чтенія, ариѳметики и другихъ предметовъ.

В. Какъ дѣйствовать **на душу** дѣтей.

1. Какъ управлять дѣтьми: **дисциплина.**
2. Какъ дѣйствовать на волю и характеръ дѣтей: **нравственное воспитаніе.**
3. Какъ дѣйствовать на **тѣлесное** здоровье дѣтей.

понимать промышленность обрабатывающую, промышленность добывающую и торговлю. А подъ областью духовной (духовными силами) надо понимать науку и знанія народа, искусство народа, т.-е. его музыку, его родную пѣсню, рисунки, постройку и украшеніе жилищъ и т. д., наконецъ, нравы народа и его религію. Чтобы сказанное было яснѣе, представимъ его въ такой таблицѣ:

Народное богатство:

А. Область хозяйственная:	**Б. Область духовная:**
1. Обрабатывающая промышленность.	1. Наука.
2. Добывающая пром.	2. Искусство.
3. Торговля.	3. Нравы.
	4. Религія.

Та наука, которая учитъ насъ, какъ обезпечить и развить одну важную половину народнаго богатства, именно область хозяйственную, называется наукой о народномъ хозяйствѣ, или *политической экономіей*. Другая наука, которая учитъ насъ, какъ развить и обезпечить другую половину народнаго богатства, именно область духовную, называется *педагогикой*.

Науки, необходимыя для развитія народнаго богатства:

1. Политическая экономія.	2. Педагогика.

Такимъ образомъ въ настоящее время *педагогика и политическая экономія считаются родными сестрами*, и притомъ такими сестрами, отъ слова и указанія которыхъ зависитъ все благосостояніе каждаго народа.

Отсюда ясно, какъ серьезно надо смотрѣть въ XX вѣкѣ на педагогику.

Но все-таки мы еще не знаемъ, какіе же именно вопросы рѣшаетъ педагогика, какія новыя знанія она даетъ и отъ какихъ ошибокъ спасаетъ учителя и школу.

Представимъ сперва для ясности всѣ вопросы, которые разъясняетъ наука педагогика, въ наглядной таблицѣ, а затѣмъ дадимъ объясненіе этой таблицы. Эта таблица является какъ бы генеральной картой всей педагогической области въ наукѣ.

II.

Разсмотримъ всю эту карту педагогики подробнѣе.

Оказывается, педагогическая наука разсматриваетъ очень много и очень важныхъ для людей вопросовъ. На каждый самый маленькій вопросъ, указанный въ нашей таблицѣ, можно написать цѣлую книгу, и притомъ очень интересную и живую. Остановимся, напримѣръ, на *исторіи педагогики*. Здѣсь являются два главныхъ вопроса: 1) какія *мысли*, или иначе, какія

идеи, теоріи о воспитаніи и о школѣ высказывались съ самыхъ древнихъ временъ? Но, какъ извѣстно, мысли о какомъ-нибудь дѣлѣ могутъ быть самыя хорошія, а самое дѣло совсѣмъ не такъ хорошо. Такъ и о школѣ. Мало знать, какія мысли были о ней у великихъ людей.

Нужно отвѣтить и на другой вопросъ: 2) какія на самомъ дѣлѣ были школы въ разныя времена, чему *на самомъ дѣлѣ* въ этихъ школахъ учили, какіе въ нихъ были порядки? Это тоже разъясняетъ исторія педагогики и даетъ

Монастырская школа въ средніе вѣка.

очень интересный и важный отвѣтъ. А именно, исторія педагогики утверждаетъ, что всегда и вездѣ у всякаго народа школа на самомъ дѣлѣ была такой, какимъ былъ самъ народъ, само общество. Когда въ народѣ самое важное мѣсто занимало духовенство, то и школы были только духовныя, когда въ государственной жизни важную роль стали играть торговцы, стали строить городскія училища для дѣтей купцовъ и промышленниковъ и т. д. Словомъ, самое важное, что дѣлалось въ народѣ, въ обществѣ, отражалось и на устроеніи школъ: *школа всегда соотвѣтствуетъ состоянію общества*. Если посмотрѣть на

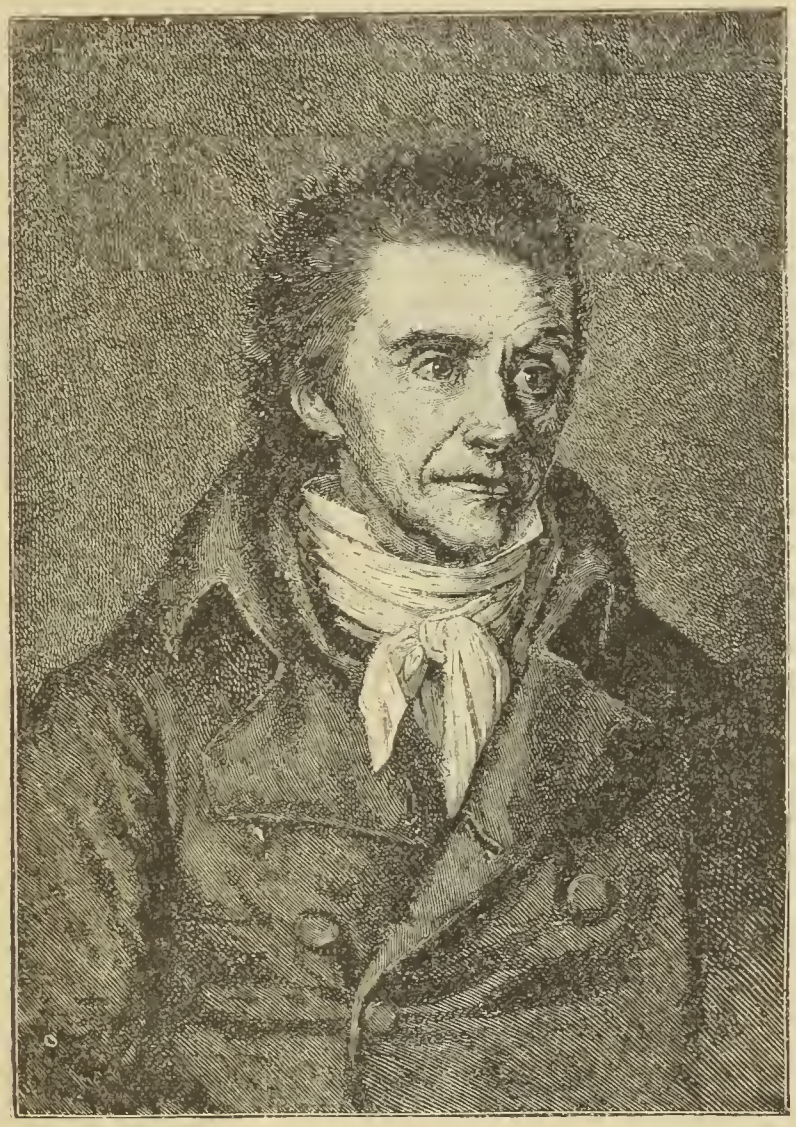
исторію Западной Европы, то окажется, что въ средніе вѣка когда церковь и духовенство все держали въ своихъ рукахъ, стали заводить тамъ монастырскія и соборныя школы. Въ нихъ читали священныя книги, учили богослуженію, церковному пѣнію, молитвамъ, псалтыри и т. д. Но вотъ около XII вѣка и далѣе въ Западной Европѣ быстро стали итти въ гору, расти и процвѣтать города. Торговля и промыслы стали сильно развиваться. Городское сословіе, т.-е. купцы и промышленники, стали поэтому въ государствѣ нужнѣе, а значитъ, и важнѣе. И какъ разъ въ это же время начинаютъ строиться уже не монастырскія и церковныя, а городскія школы, для дѣтей городскихъ мѣщанъ,

Школа въ XVI вѣкѣ.

купцовъ, ремесленниковъ. Въ этихъ школахъ учили писать, читать и, главнымъ образомъ, считать. Когда очень сильны были въ Западной Европѣ свѣтскіе крупные землевладѣльцы, помѣщики и придворные, то возникли особыя рыцарскія школы для дѣтей этихъ богатыхъ и знатныхъ людей. Учили здѣсь уже опять совсѣмъ другому: какъ драться на поединкахъ, на пикахъ, на рапирахъ, какъ хорошо пѣть пѣсни, сочинять стихи для праздниковъ, ловко танцовать, красиво скакать верхомъ, стрѣлять въ цѣль, плавать. Наконецъ выступаетъ мало-по-малу впередъ въ Западной Европѣ крестьянство. Позже другихъ сословій выступило оно впередъ, и *позже* другихъ школъ появились на Западѣ *народныя школы*.

И чѣмъ больше мы будемъ знать, какъ были поставлены школы у разныхъ народовъ и въ разныя времена, тѣмъ лучше мы будемъ понимать, отъ чего именно зависитъ хорошее устройство школъ.

Не менѣе полезны намъ мнѣнія великихъ учителей и ученыхъ о томъ, какъ устроить школы и учить въ нихъ. Изъ та-



Великій педагогъ — Песталоцци.

кихъ мнѣній мы можемъ многому поучиться. Если заглянуть въ древнюю Грецію, то здѣсь еще задолго до Рождества Христова появился первый такой выдающійся педагогъ-мыслитель, Платонъ. Онъ училъ, что школа должна готовить полезныхъ для государства гражданъ. Первый педагогъ, который подробно

изложилъ вопросъ, какъ и чему надо учить дѣтей съ самыхъ малыхъ лѣтъ, былъ знаменитый славянинъ (чехъ) Янъ Амосъ Коменскій (XVII вѣкъ). Онъ требовалъ, чтобы дана была возможность всѣмъ получить первоначальное образованіе: «Надо подготовить всѣхъ, родившихся людьми, ко всему человѣческому». И дѣйствительно, надо дать дорогу къ просвѣщенію даже самымъ бѣднымъ, потому что среди бѣдноты таится много жилъ плодоносныхъ, много людей, которые могутъ составить гордость своей страны.

Изъ болѣе новыхъ знаменитыхъ педагоговъ извѣстны два человѣка: швейцарецъ *Песталоцци* и нѣмецъ *Гербартъ*.

Песталоцци былъ настоящимъ пророкомъ новой школы и новаго ученія. Онъ отдалъ всю свою жизнь и средства на служеніе дѣтямъ и школѣ. Онъ видѣлъ, какъ бѣдно и грубо живутъ крестьяне, и понялъ, что это оттого, что крестьяне необразованы. И онъ сталъ учить дѣтей, чтобы изъ нихъ выросли лучшіе люди. Онъ писалъ книги, устраивалъ школы, самъ кормилъ, лѣчилъ и училъ дѣтей. Училъ не только знаніямъ, но и ручному труду, чтобы человѣкъ умѣлъ трудиться, прилагать свои знанія къ дѣлу. Чтобы завести лучшія школы, Песталоцци ѣздилъ къ Наполеону, но тому было въ то время не до школъ. При свиданіи съ императоромъ Александромъ I Песталоцци поразилъ государя своею горячностью, съ которою онъ просилъ освободить русскихъ крестьянъ отъ рабства и устроить хорошія народныя школы.

Слушая, главнымъ образомъ, голоса своего сердца, Песталоцци былъ учителемъ-пророкомъ, но не создалъ педагогической науки. Первымъ педагогомъ-*ученымъ* былъ Гербартъ (XIX вѣкъ), который и считается основателемъ науки-педагогики. Онъ въ своихъ сочиненіяхъ подробно отвѣтилъ на вопросы: какъ установить дисциплину въ школѣ, какъ преподавать различныя науки и какъ дѣйствовать на душу ученика, чтобы онъ сталъ хорошимъ человѣкомъ. Въ настоящее время по всему свѣту распространены мысли Гербарта; его послѣдователи вездѣ пользуются большимъ успѣхомъ. Лучшій русскій ученый педагогъ К. Ушинскій тоже внимательно изучалъ сочиненія Гербарта.

Итакъ, исторія педагогики знакомитъ насъ и съ *дѣлами*, и съ *мыслями* въ школьномъ дѣлѣ, начиная съ очень древнихъ временъ.

Теперь посмотримъ, что̀ именно разъясняетъ педагогика по вопросу о томъ, какъ устроить школу и ученіе *теперь*. На этотъ счетъ, какъ уже выше сказано, существуетъ нѣсколько разныхъ отвѣтовъ, существуютъ разные взгляды, разныя направле-

нія, или теченія, въ педагогикѣ. Главныхъ направленій четыре. Первое называется *гербартіанскимъ*, отъ имени—«Гербартъ». Уже названіе показываетъ, что это теченіе въ педагогикѣ признаетъ самыми правильными взгляды Гербарта и его учениковъ. Это направленіе распространено и въ Европѣ, и въ Америкѣ. Оно учитъ, что учитель долженъ развивать *только умъ* ученика и давать ему побольше знаній. У кого много знаній, тотъ будетъ и чувствовать правильно, и поступать нравственно. Надо постепенно, отъ легкаго къ трудному, давать ученику ясныя знанія, все разъяснять очень подробно. Такое обученіе будетъ дѣйствовать и на поступки (на волю), на характеръ ученика, т.-е., иначе говоря, такое *обученіе* будетъ *воспитывать* ученика. Такой взглядъ въ педагогикѣ называется теоріей «*воспитывающаго обученія*». Но другое направленіе въ педагогикѣ полагаетъ, что одно только образованіе ума, одно только обученіе не можетъ дѣйствовать и на характеръ человѣка, т.-е. воспитывать человѣка. Поэтому другое теченіе въ педагогикѣ считаетъ, что у ребенка надо развивать не умъ только (какъ думаютъ гербартіанцы), а главнымъ образомъ *чувства*. Поэтому въ школѣ надо давать не очень много знаній, но учить такъ, чтобы возбуждать въ ученикахъ хорошія *чувства*, — чувство радости, охоты къ ученію, чувство интереса, чувства любви къ природѣ, къ свѣтлому дню, къ ясному солнцу, чувство любви къ человѣку, къ красотѣ, къ родинѣ, чувство самопожертвованія, правды и т. п. Когда дѣти будутъ имѣть такія чувства, то они сами захотятъ одно знать, другое сдѣлать, открыть новое вокругъ себя. Словомъ, когда въ школѣ радость, когда учитель часто занимается тѣмъ, что

Школа XVIII вѣка.

Учителя придумывали тонкія и жестокія наказанія для провинившихся дѣтей: ставили ихъ на колѣни на ребро деревянной призмы, надѣвали на нихъ шапку съ ослиными ушами и т. д.

сами дѣти подскажутъ, — тогда въ школѣ быстро заводится порядокъ, сами дѣти заводятъ его, и сами дѣти стремятся къ новымъ и новымъ знаніямъ. Дѣти въ такой школѣ не только выучиваютъ то, что разсказалъ учитель. Нѣтъ, они сами съ радостью добиваются знанія, сами догадываются, сами смѣлѣе все придумываютъ. Иначе говоря, въ такой школѣ дѣти не столько заучиваютъ чужое, сколько *сами творятъ*. А кто умѣетъ самъ творить, самъ въ жизни о многомъ догадываться, у кого развита такая смѣтка, тотъ очень полезный и нужный для общества человѣкъ. Нѣтъ хуже въ работѣ или на войнѣ или въ другомъ дѣлѣ человѣка, который не можетъ самъ творить, который все чужимъ умомъ живетъ, все припоминаетъ, какъ другіе это дѣлаютъ, а самъ ничего новаго придумать не можетъ. Для того, чтобы изъ школы не выходили такіе люди, которые знаютъ порядочно, но ничего своего придумать не могутъ, надо въ школѣ не столько дѣйствовать на умъ, сколько на чувство дѣтей, чтобы возбуждать ихъ къ *творческой* работѣ. Такъ думаетъ другое направленіе, которое распространяютъ среди учителей два извѣстныхъ нѣмецкихъ педагога, живущихъ въ вольныхъ городахъ — Любекѣ и Гамбургѣ. Педагоги эти — Шаррельманъ и Гансбергъ.

Итакъ, одни думаютъ, что ученье надо поставить такъ, чтобы дѣйствовать *на умъ*, другіе — *на чувство*.

Третье направленіе полагаетъ, что въ школѣ надо, главнымъ образомъ, давать не знаніе, вліять не на умъ, не на чувство, а на умѣнье энергично, быстро и находчиво дѣйствовать, работать, т.-е. дѣйствовать на *волю* дѣтей, закалять ихъ характеръ. Такъ выученныя дѣти будутъ жить не для себя, а для общества и будутъ въ немъ энергичными работниками. Для этого въ школѣ надо не только изучать науки, но и исполнять разныя работы, гдѣ одинъ ученикъ помогаетъ другому. И работы эти должны быть не для забавы и развлеченія, а поставлены совершенно серьезно. Только послѣ такой школы всѣ дѣти будутъ понимать, что̀ значитъ общая работа, общественный трудъ, будутъ понимать, что во всякомъ общемъ трудѣ одни безъ другихъ не могутъ обойтись. Такія дѣти дѣйствительно будутъ уважать трудъ и всѣхъ трудящихся. А безъ этого забитый рабъ машины и кабинетный ученый никогда не научатся понимать и любить другъ друга. Это третье педагогическое теченіе называется *соціальной* (т.-е. общественной) педагогикой. Во главѣ этой педагогики стоитъ нѣмецкій ученый Наторпъ.

Всѣ эти различныя мнѣнія указываютъ на то, что въ педагогикѣ, какъ и въ другихъ наукахъ, истину надо искать осто-

рожно и съ большимъ трудомъ. Чтобы рѣшать педагогическіе вопросы правильно, надо хорошо знать душу школьника. Поэтому въ педагогикѣ появилось новое теченіе. четвертое, которое и хочетъ хорошо изучить школьника, его умъ, его память, вниманіе, силу его понятливости, его догадливость, интересы, скорость утомленія отъ умственныхъ занятій и другіе вопросы. Все это очень важно для школы, потому что поможетъ учить такъ, какъ требуютъ способности и силы учениковъ. Испытуютъ учениковъ особымъ образомъ: при помощи машинъ, инструментовъ, похоже на то, какъ доктора изслѣдуютъ больныхъ. Такіе

Современная нѣмецкая школа (Маннгеймъ).

опыты надъ учащимися называются «экспериментами». а потому и все теченіе называется *экспериментальной педагогикой* или педологіей. (Подробно объ этомъ въ книгѣ Лебедева, часть II, указанной въ концѣ этой статьи.)

Обратимся далѣе опять къ разсмотрѣнію таблицы. Тамъ стоитъ вопросъ: какъ учить дѣтей *вмѣстѣ?* Вопросъ этотъ также очень труденъ и вотъ почему. По своимъ способностямъ и по силамъ ученики бываютъ разные: способные, средніе и слабые. Учатъ же ихъ вмѣстѣ, въ одномъ классѣ и по однѣмъ книгамъ. Слабый спѣшитъ за среднимъ и все больше отстаетъ. Изъ силъ выбивается, плачетъ часто, но

нѣтъ ему радости отъ ученья, потому что этого слабаго ребенка надо бы учить иначе, а въ школѣ всѣхъ учатъ одинаково и уроки задаютъ одинаковые. Но и для способныхъ дѣтей наша школа не очень-то полезна. Способный рвется впередъ, надо бы дать ему такую работу, которая заняла бы *всѣ* его силы. Такой мальчикъ много можетъ сдѣлать. А мы ему задаемъ столько, сколько и среднему и слабому, мы даемъ ему меньше умственной пищи, чѣмъ онъ требуетъ. Этимъ мы приносимъ вредъ способному мальчику. Мы пріучаемъ его проводить время безъ работы, сидѣть въ классѣ безъ дѣла, лѣниться.

Чтобы избѣжать такой бѣды, одинъ нѣмецкій педагогъ въ городѣ Маннгеймѣ придумалъ слѣдующее устройство школъ, которое и называется *маннгеймской системой*. Онъ раздѣлилъ всѣ народныя школы города на четыре разряда: для очень способныхъ дѣтей, для среднихъ, для неуспѣвающихъ и для отсталыхъ (слабыхъ). Въ одной школѣ учатся или только способные, или только средніе, или только слабые ученики. Дѣлается это такъ. Сперва всѣ поступающія дѣти приходятъ въ обыкновенную, какъ и у насъ, народную школу (разрядъ А), но не трехгодичную, какъ у насъ, а восьмигодичную. При поступленіи нѣкоторыя дѣти оказываются, несомнѣнно, слабоумными, и ихъ тотчасъ же помѣщаютъ въ пріюты для идіотовъ.

Всѣ остальныя принимаются въ *первый* классъ и учатся цѣлый годъ всѣ вмѣстѣ. За это время учителя и доктора наблюдаютъ за вновь поступившими. Что же происходитъ въ концѣ перваго года ученія? Нѣкоторыя дѣти оказываются послѣ годичнаго наблюденія за ними слабоумными, и ихъ переводятъ въ пріюты для идіотовъ. Другія дѣти оказываются слабыми по успѣхамъ вслѣдствіе того, что они имѣютъ какіе-нибудь умственные или физическіе недостатки. Такихъ дѣтей переводятъ въ особыя школы (разрядъ В). Эти школы состоятъ изъ четырехъ классовъ съ особой программой. Дѣтей здѣсь не только учатъ, но и лѣчатъ и кормятъ даромъ молокомъ, хлѣбомъ. Лѣтомъ ихъ даромъ отвозятъ и подкрѣпляютъ въ особыхъ школьныхъ колоніяхъ въ лѣсу. И изъ этихъ почти придурковатыхъ дѣтей выходятъ юноши, способные съ пользой служить въ конторѣ, на почтѣ и т. п. Изъ нихъ бы безъ ученья вышли попрошайки и нищіе. Правда, въ этихъ школахъ учатъ особенно: въ каждомъ классѣ не болѣе 15 учениковъ, учителя въ эти школы назначаются самые лучшіе, все объясняется самымъ наглядньмъ способомъ.

Кромѣ такихъ дѣтей, къ концу года оказываются такіе ученики, которые не могутъ перейти въ слѣдующій классъ, но не

по слабости умственныхъ способностей, а по другимъ причинамъ: поздно поступили въ школу, должны были помогать бѣднымъ родителямъ дома, долго болѣли и т. д. Что дѣлать съ такими дѣтьми? Ихъ тоже переводятъ въ особыя школы (разрядъ Б), состоящія изъ шести классовъ съ особой программой. Учатъ въ этихъ школахъ тоже особеннымъ образомъ. А именно уроки устроены такъ, что ученики каждаго класса разбиваются на группы. Та группа, которая отстала по ариѳметикѣ, имѣетъ *больше* уроковъ въ день по ариѳметикѣ. Другая группа, которая отстала по родному языку, имѣетъ *больше* уроковъ чтенія и письма и т. д. Такимъ образомъ дѣти могутъ быстро догнать то, что они пропустили и въ чемъ отстали. И когда они догонятъ, то переходятъ съ большой радостью къ своимъ прежнимъ товарищамъ, т.-е. обратно переходятъ въ школу разряда А. Словомъ, они *могутъ догнать* товарищей, отъ которыхъ отстали, и это придаетъ имъ силъ и охоты лучше учиться и скорѣе догнать. Кто изъ учениковъ не догонитъ товарищей въ школѣ А, тотъ учится въ разрядѣ Б всѣ шесть лѣтъ. Значитъ, онъ проучился годъ въ школѣ разряда А, да 6 лѣтъ въ разрядѣ Б. Итого 7 лѣтъ. А учиться въ Германіи необходимо 8 лѣтъ. Для такихъ учениковъ существуетъ уже не отдѣльная школа, а особый классъ, дополнительный 7 классъ, куда могутъ попасть и тѣ ученики изъ разряда А, которые въ 6 классѣ плохо учатся: вмѣсто того, чтобы учиться съ трудомъ въ 7 и 8 классѣ, они переводятся въ этотъ 7 дополнительный классъ.

Наконецъ, въ концѣ перваго года обученія въ первомъ классѣ оказываются успѣвающіе: средніе и очень способные. Они пока вмѣстѣ переходятъ во 2 классъ. Когда они проучатся годъ во 2 классѣ, то въ концѣ года происходитъ опять вся описанная исторія, т.-е. опять дѣти размѣщаются по разнымъ разрядамъ. Средніе и способные учатся вмѣстѣ четыре года. При переходѣ въ пятый классъ въ основномъ разрядѣ А остаются только средніе дѣти, а способныя переводятся въ особыя школы (разрядъ Г), гдѣ курсъ больше и особенно хорошо проходятся новые языки: англійскій, французскій, итальянскій.

Ко всему этому надо добавить, что тѣ способные ученики, которые хотѣли бы попасть въ гимназіи и другія среднія учебныя заведенія, переводятся въ особую подготовительную школу (разрядъ Д), гдѣ ихъ учатъ 1½ года, и затѣмъ они переходятъ въ гимназію или реальное училище. Такъ какъ о нѣкоторыхъ дѣтяхъ очень трудно сказать, идіоты ли они или нѣтъ, то ихъ помѣщаютъ для испытанія, чтобы не отдавать сразу въ пріюты для идіотовъ, въ особую школу (разрядъ Е). И если кто хоть

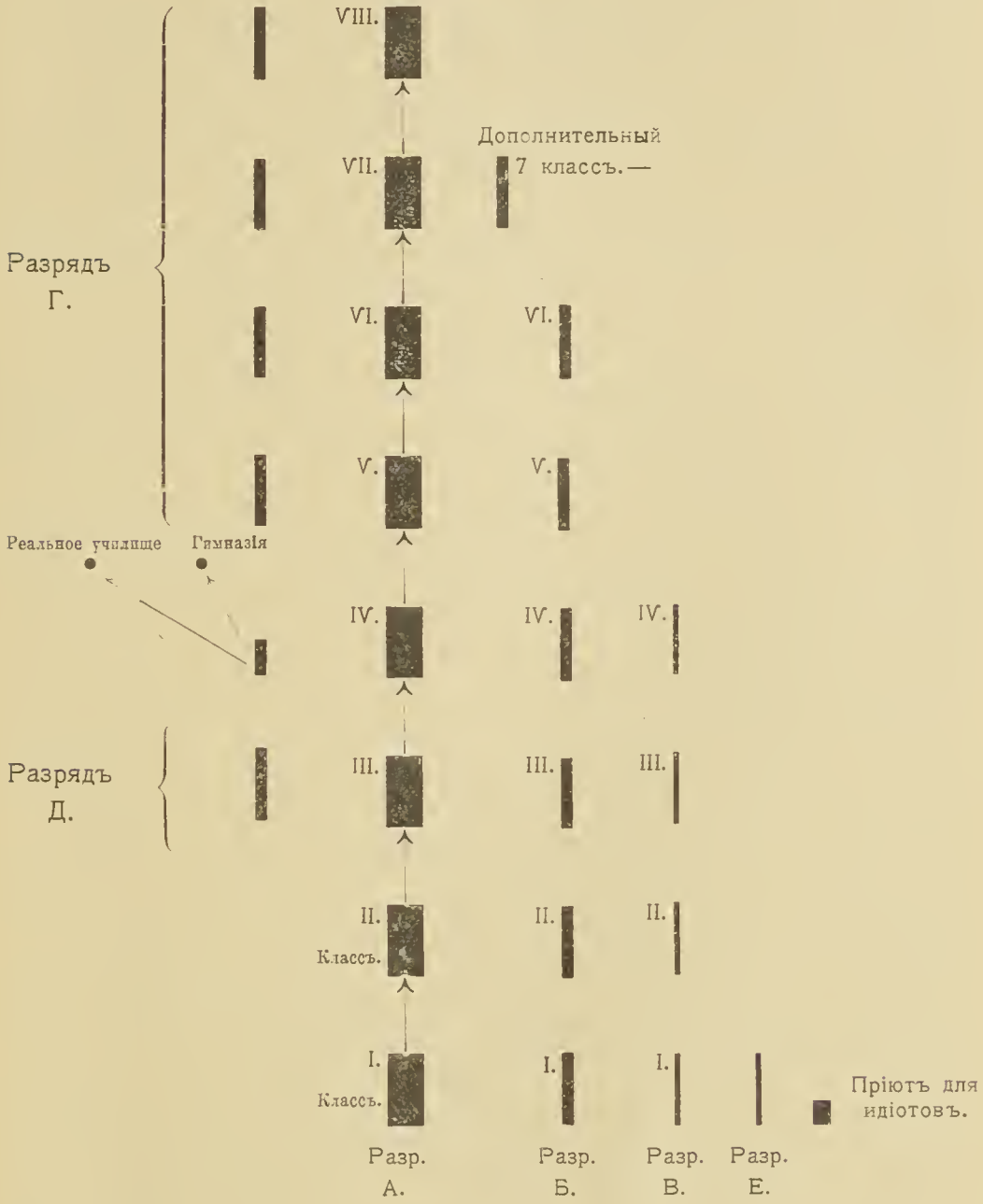
немного поддается ученію, его берутъ черезъ годъ изъ школы разряда Е въ школу разряда Б.

Изложенная здѣсь педагогическая система очень занимательна: здѣсь дѣйствительно каждый, по мѣрѣ данныхъ ему отъ рожденія способностей, можетъ учиться все дальше и даже безпрепятственно переходить изъ низшей школы въ среднюю, потому что эти школы связаны между собою, а не стоятъ такъ, какъ у насъ, т.-е., что если кто окончилъ народную, то уже опоздалъ въ среднюю. Все сказанное будетъ яснѣе въ слѣдующей таблицѣ (см. стр. 153).

Изъ всего сказаннаго видно, что хорошей школѣ нужна помощь понимающаго въ педагогикѣ врача: тогда школа можетъ сильно помогать народному здоровью.

Но, кромѣ больныхъ дѣтей, бываютъ и дѣти-преступники. Если каждаго укравшаго что-нибудь судить вмѣстѣ со взрослыми у обыкновенныхъ судей, то во время суда и слѣдствія дѣти научаются отъ взрослыхъ многому дурному. Послѣ суда такія дѣти обыкновенно становятся еще хуже, чѣмъ до суда. И на этотъ важный вопросъ обратила вниманіе педагогика. Она прежде всего задала вопросъ: откуда берутся малолѣтніе преступники? Оказывается, что, напримѣръ, въ Германіи насчитываютъ три милліона дѣтей, которыя лишены присмотра своихъ матерей, потому что эти матери заняты на разныхъ работахъ. Такія матери рождаютъ дѣтей слабыхъ и тѣломъ и душою, дѣтей искалѣченныхъ. Обремененныя чрезмѣрнымъ трудомъ бѣдныя матери часто рождаютъ мертвыхъ дѣтей. Въ Германіи ежегодно рождается 60 тысячъ мертворожденныхъ и около 100 тысячъ дѣтей-калѣкъ. Въ такомъ мірѣ холодныхъ и больныхъ людей легче зарождается порокъ, и въ Германіи — 53 тысячи *малолѣтнихъ* преступниковъ. Теперь въ Америкѣ, Англіи и Германіи требуютъ, чтобы для дѣтей были *особые* судьи, чтобы дѣти даже не появлялись на судахъ вмѣстѣ со взрослыми, такъ какъ отъ этого дѣти не исправляются, а становятся хуже. Особые судьи должны быть педагогами, чтобы умѣть увѣщавать дѣтей. И если такой судья-педагогъ видитъ, что ребенокъ случайно, по непониманію, сталъ преступникомъ, то, по заявленію этого судьи, ребенка даже не судятъ. Судья слѣдитъ, чтобы за этимъ ребенкомъ особо присматривали. Словомъ, особые дѣтскіе судьи стараются разными воспитательными мѣрами предупредить новое преступленіе, а не наказывать за сдѣланное. Одинъ американецъ говоритъ: «Если мы хотимъ исправить дитя и сажаемъ его для этого въ арестный домъ, то это похоже на то, какъ если бы мы, пожелавъ излѣчить его отъ нечистоплотности, посадили

МАННГЕЙМСКАЯ СИСТЕМА ШКОЛЪ.



его въ помойную яму». Арестный домъ для ребенка есть преддверіе въ адъ...

Итакъ, педагогика учитъ, что воспитывать въ школахъ надо учителю въ союзѣ съ докторомъ и опытнымъ судьею.

Всѣ приведенные примѣры показываютъ, что педагогика разсматриваетъ самые важные и интересные вопросы человѣческой жизни. Вопросовъ этихъ, какъ видно изъ таблицы, которую мы пояснили нашими примѣрами, очень много. Если бы разсматривать таблицу до конца, то даже для краткаго знакомства со всѣми вопросами, понадобилось бы нѣсколько книгъ. Педагогика — обширная наука, для которой нужна и медицина и юриспруденція. Поэтому, чтобы изучать педагогику, надо знать и другія науки, а именно: психологію, школьную гигіену, логику и этику. Кромѣ того, нужны: философія, всеобщая исторія, государственное и полицейское право, эстетика, физіологія и статистика, т.-е. наука о томъ, какъ вести умѣлый, ясный и точный счетъ и отчетъ всему, что касается школьныхъ вопросовъ. Итакъ, педагогика разсматриваетъ много важныхъ вопросовъ и учитъ тому, какъ старшее поколѣніе должно самымъ лучшимъ образомъ воспитывать и обучать своихъ дѣтей въ семьѣ и школѣ. Если слѣдовать указаніямъ педагогики, то учиться будетъ не тяжело даже для слабыхъ дѣтей. Раньше, когда не умѣли правильно обучать, учиться было очень трудно. Русскій народъ создалъ даже пословицу: «корень ученія *горекъ*, но *сладки* его плоды».

Теперь люди нашли лучшіе способы обучать и учатъ легко, интересно, такъ что всякій, кто хочетъ, можетъ много знать. Но отъ многаго знанія человѣку часто бываетъ тяжело жить. Дѣло въ томъ, что кто мало знаетъ, тотъ живетъ какъ слѣпой: онъ не видитъ и не понимаетъ многаго хорошаго, что находится вокругъ него, но онъ не видитъ и плохого. А вѣдь въ жизни кругомъ насъ очень много плохого: много зла, неправды, несправедливости, обидъ. И кто много знаетъ, тотъ лучше видитъ все это, и больно ему дѣлается на душѣ, неспокойно ему живется. Кто получилъ настоящее образованіе въ школѣ, тотъ дѣлается болѣе тонкимъ и чуткимъ человѣкомъ, очи его становятся зорче и видятъ они далеко, замѣчаютъ даже то, чего никогда не замѣтитъ неученый человѣкъ. Такому человѣку кажется иногда: лучше бы я оставался теменъ и неученъ, да не замѣчалъ всего зла въ жизни кругомъ насъ. Люди давно уже примѣтили, что знаніе приноситъ человѣку часто безпокойство.

Въ одной пѣснѣ поется:

Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить,
У кого въ головѣ добра немного есть,
А сидитъ тамъ одно-одинешенько,
А и сидитъ оно крѣпко-накрѣпко,
Словно гвоздь обухомъ вколочешный.

И глядитъ ужъ онъ на свое добро,
Все глядитъ, не спуская глазъ,
И не смотритъ по сторонушкамъ,
А знай прётъ впередъ, напроломъ идетъ,
Давитъ встрѣчнаго-поперечнаго.

А бѣда тому, братцы, на свѣтѣ жить,
Кому Богъ далъ очи зоркія,
Кому видѣть далъ во всѣ стороны!..

Правда, надо сказать, что безъ знаній хоть и зло замѣчается меньше, но и хорошее въ жизни не такъ увидишь, и не интересна жизнь безъ знаній. Вотъ почему многіе люди лучше хотятъ больше знать, хоть и страдать отъ этого больше, чѣмъ мало знать и быть покойными и довольными отъ невѣжества, уподобляясь неразумнымъ животнымъ.

Выходитъ такъ, что педагогика дѣлаетъ ученіе легкимъ и хорошимъ, а человѣка зрячимъ и все понимающимъ. Но въ жизни кругомъ насъ много злого, и все это мы начинаемъ видѣть и отъ этого страдаемъ. Словомъ, когда-то народъ говорилъ «корень ученія горекъ, но сладки его плоды», а теперь надо сказать: «корень ученія сталъ *сладокъ*, но *горьки* его плоды».

Для того, чтобы народъ былъ счастливъ и доволенъ, оказывается, мало одной только хорошей школы. Надо, чтобы *и жизнь* кругомъ насъ стала лучше, справедливѣе, правдивѣе.

Но и здѣсь на помощь человѣку приходитъ школа и ученье. Она поможетъ узнать, въ чемъ же именно зло жизни, что именно плохо въ насъ и въ окружающей насъ жизни. Школа и ученье укажутъ намъ, какъ сдѣлать лучшими себя и устроить лучше жизнь кругомъ насъ, какъ реформировать себя и жизнь.

И обновленная жизнь не будетъ заставлять людей сожалѣть, что они много знаютъ и потому понимаютъ все зло кругомъ. Обновленная жизнь не будетъ, какъ говорятъ иначе, вызывать мучительныхъ противорѣчій.

Когда юноша *послѣ свѣтлой, интересной школы* будетъ входить въ *хорошую, бодрую, свободную жизнь*, чтобы энергично

и съ вѣрой трудиться на пользу родины, тогда народъ скажетъ объ ученьи не то, что до сихъ поръ говорилъ. Тогда народъ перемѣнитъ старинную пословицу на новую: «корень ученія *сладокъ* и *сладки* его плоды».

И школа тогда будетъ хороша, и жизнь тоже. Если людямъ будетъ когда-нибудь хорошо житься, то этимъ они будутъ обязаны теперешнему XX вѣку, потому что, какъ было указано въ началѣ этой статьи,— XX вѣкъ *первый* обратилъ такое большое вниманіе на воспитаніе дѣтей, школу и педагогику.

Указаніе книгъ:

Тѣмъ, кто хочетъ узнать подробнѣе о вопросахъ, которые изложены въ этой статьѣ, а также тѣмъ, кто желаетъ получить больше чисто практическихъ указаній о школѣ и педагогикѣ, нужно прочесть слѣдующія книги (самыя нужныя книги отмѣчены *звѣздочкой*):

1* *Балталонъ*. «Воспитательное чтеніе». 1908 г., цѣна 80 коп. Здѣсь разсматривается программа народной школы и даются прекрасныя указанія о преподаваніи правописанія, объяснительнаго чтенія, списокъ книгъ для чтенія въ школѣ.

2* *В. Вахтеровъ*. «Предметный методъ обученія». 50 коп. Книга даетъ богатыя свѣдѣнія о методѣ преподаванія различныхъ предметовъ въ школѣ, о наглядности преподаванія, о музеяхъ и учебныхъ пособіяхъ для всѣхъ предметовъ, даже для объяснительнаго чтенія.

3. *В. Вахтеровъ*. «Спорные вопросы образованія». 1907 г. 25 коп. Здѣсь разбираются вопросы о равномъ для всѣхъ образованіи, о профессіональномъ и общемъ образованіи.

4. *Джемсъ*. «Психологія въ бесѣдахъ съ учителями». Переводъ прив.-доц. Ивановскаго. 1906 г. 50 коп. Эта глубокая книга, просто написанная, сдѣлаетъ кругозоръ народнаго учителя шире и освѣтитъ важный вопросъ педагогики, такъ называемую апперцепцію.

5* *А. Лебедевъ*. «Школьное дѣло», выпускъ I. Изданіе Сытина, цѣна 90 коп.— Очень хорошая книга съ планами и рисунками, которая даетъ самыя подробныя и дѣловыя указанія, какъ и изъ чего построить хорошую школу, какъ обставить ее наглядными пособіями, учебниками, книгами для чтенія. Книга очень полезна для земскихъ библіотекъ, сельскихъ обществъ, городскихъ самоуправленій, для учительскихъ семинарій, народныхъ учителей и строителей школьныхъ зданій.

6* *А. Лебедевъ*. «Школьное дѣло», выпускъ II. «Дѣти». 1911 г., ц. 1 р. 60 к.— Хорошая и полезная книга, въ которой есть краткая исторія педагогики, дѣтская психологія, дидактика и вопросъ о томъ, какъ узнать способности ребенка, силу его вниманія, памяти и т. д. (экспериментальная педагогика). Цѣнность обѣихъ книгъ Лебедева состоитъ еще въ томъ, что въ нихъ подробно указаны книги и статьи по всѣмъ отдѣламъ педагогики. Готовится къ печати III вып.: Какъ и чему обучать въ школѣ.

7. *А. Нечаевъ*. «Современная экспериментальная психологія». Томъ I. 1909 г. (просить *второе* изданіе). Въ этой книгѣ излагается искусство объясненія урока на основаніи указаній научной педагогики.

8. *А. Музыченко.* «Философско-педагогическая мысль и школьная практика». Вступительная лекція. 1909 г. 25 к. (Изъ XXIV тома Извѣстій Института Кн. Безбородко въ Нѣжинѣ). Книга разбираетъ всѣ новыя движенія въ педагогическомъ дѣлѣ.

9. *Е. Янжулъ.* «Американская школа». 1908 г. 2 р. 50 к. (просить непремѣнно *четвертое* изданіе). Интересно описывается, какъ поставлена дисциплина, преподаваніе всѣхъ предметовъ и ручной трудъ въ школахъ Америки.

2. Какой должна быть школа?

Мы уже видѣли изъ предыдущей статьи, какимъ важнымъ дѣломъ въ жизни народа становится теперь школа. Она работаетъ уже не въ одиночку, а въ союзѣ съ докторомъ и судьей. Доктора получаютъ для этого особое образованіе и знакомятся съ психологіей и педагогикой. Судьи, которые судятъ дѣтей школьнаго возраста, тоже получаютъ особую подготовку и особыми мѣрами приводятъ къ исправленію, не отдавая въ тюрьму, даже порочныхъ дѣтей, которыя уже совершили какое-нибудь преступленіе. Для этого у американскихъ судей есть добровольные помощники, такъ называемые дѣтскіе попечители. Такіе попечители стараются вернуть чужихъ дѣтей, совершившихъ преступленіе, на путь добра. Что должны дѣлать съ этой цѣлью въ Америкѣ попечители, видно изъ особаго устава, который очень интересенъ не только для попечителя, но и для учителя и для каждаго взрослаго человѣка. Вѣдь каждый взрослый человѣкъ долженъ протянуть руку помощи тому ребенку, который находится безъ всякаго призора, безъ работы и заботы, а потому легко можетъ совершить что-нибудь нехорошее. Вотъ этотъ уставъ попечителямъ:

Попечитель и ребенокъ.

Прежде всего постарайтесь пріобрѣсти довѣріе ребенка. Объясните ему цѣль и значеніе попеченія, и то, что вы являетесь его другомъ.

Вначалѣ проявите къ нему довѣріе; но никогда не позволяйте ему успѣшно обмануть васъ.

Навѣщайте его каждую недѣлю; приглашайте его къ себѣ и смотрите, чтобы онъ аккуратно являлся на зовъ.

Изучайте особенности характера ребенка, его привычки, вкусы и примите близко къ себѣ его интересы.

Узнайте, какъ идутъ его успѣхи въ школѣ (если онъ ее посѣщаетъ), просматривайте его отмѣтки, посѣтите школу и побесѣдуйте съ учителемъ.

Если онъ не ходитъ въ школу, то наблюдайте за тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ постоянныя занятія, посѣтите работодателя и убѣдитесь въ условіяхъ труда; улучшайте эти условія въ случаѣ необходимости, но не поощряйте частыхъ перемѣнъ мѣста. Узнайте, на что онъ тратитъ деньги и склоните его къ экономіи. Попросите врача осмотрѣть мальчика. Золотуха и плохое питаніе часто являются объясненіемъ извращенности мальчика. Немногіе могутъ быть нравственными героями при физической слабости или болѣзни.

Пригласите его посѣтить ваше дѣло или службу. Онъ долженъ знать кое-что изъ вашей жизни.

Доказывайте мальчику тѣ положенія, которыя вы утверждаете. Разсудительный мальчикъ не воспримetъ чужого, пока онъ не провѣритъ этого.

Посмотрите, какъ онъ развлекается; пусть онъ посѣтитъ религіозное общество, или помогите ему организовать клубъ мальчиковъ.

Посмотрите, что онъ читаетъ; достаньте для него билетъ въ читальню и помогите въ выборѣ книгъ. Узнайте, кто является его друзьями, и пригласите ихъ къ себѣ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, по возможности, не разглашайте о томъ, что ребенокъ судился — покажите ребенку, что вы дѣлаете это, чтобы развить въ немъ уваженіе къ самому себѣ.

Если, однако, вы признаете, что ему нельзя вѣрить, запросите сосѣдей.

Наконецъ не теряйте терпѣнія и надежды.

Попечитель и семья.

Познакомьтесь съ отцомъ и матерью. Битва наполовину выиграна, если вы пріобрѣли довѣріе родителей. Узнавъ семью, вы научите ее, какъ помогать мальчику.

Посѣщайте семью его по возможности разъ въ мѣсяцъ.

Внимательно изучайте семейныя и окружающія условія; выясните положеніе ребенка среди нихъ.

Прежде всего старайтесь сохранять дружескія отношенія съ семьей, въ случаѣ же разногласій или необходимости мѣръ воздѣйствія на семью, сообщайте суду для рѣшенія.

Попечитель и судъ.

Представляйте суду отчетъ 1 числа каждаго мѣсяца согласно установленному образцу.

Совѣтуйтесь чаще лично съ судьей. Сообщайте сейчасъ же суду о всѣхъ случаяхъ дурного поведенія, но рѣшайте ихъ,

по возможности, неофиціально, прибѣгая къ офиціальной жалобѣ лишь въ крайнемъ случаѣ.

Состоящія на испытаніи дѣти должны быть освобождены (отъ попеченія) судьей лично по рекомендаціи попечителя.

Не спѣшите порвать связь между попечителемъ и судомъ.

Американская жизнь показываетъ, что попечители, которые берутся наблюдать за подростками вмѣсто того, чтобы сажать малолѣтнихъ въ тюрьму, часто дѣлаютъ этихъ малолѣтнихъ полезными работниками. А въ тюрьмѣ они стали бы еще хуже. Приведемъ два случая изъ американской жизни.

Одна дѣвочка 15 лѣтъ изъ бѣдной, но уважаемой семьи была отдана на фабрику. Здѣсь она увидѣла, что другія дѣвушки одѣваются красивѣе ея. Она впала въ искушеніе и украла одежду у своей товарки. Послѣ разбирательства ея дѣла судъ отдалъ ее подъ надзоръ. Попечитель пріискалъ ей хорошее мѣсто въ качествѣ прислуги. Здѣсь она оставалась 4 мѣсяца за небольшую плату, но затѣмъ бросила мѣсто и вернулась на фабрику. Мать не пожелала этого и по совѣщаніи съ попечителемъ дѣвочкѣ поставили на выборъ: или отдача въ пріютъ или поступленіе прислугой въ новый домъ, гдѣ меньше работы. Она избрала послѣднее и развила въ себѣ трудолюбіе и привычку къ правильной жизни.

Другой примѣръ: мальчика представили въ судъ за кражу велосипеда. Онъ принадлежалъ къ хорошей семьѣ, имѣлъ собственныя деньги въ банкѣ и собственный велосипедъ. Было очень неясно, для чего онъ укралъ велосипедъ. Поговоривъ съ мальчикомъ, судья приговариваетъ его въ исправительно-воспитательное заведеніе, но не отдаетъ его туда на самомъ дѣлѣ, а даетъ условную отсрочку и назначаетъ добровольнаго попечителя. Вскорѣ случается новая кража: мальчикъ крадетъ книги изъ школы и продаетъ ихъ. Его ведутъ къ спеціалисту доктору, и докторъ находитъ, что черепъ мальчика производитъ значительное давленіе на мозгъ. Родители заявляютъ, что нѣсколько времени назадъ мальчикъ получилъ сильный ударъ копытомъ въ голову. По совѣщаніи съ родителями и врачомъ рѣшено было сдѣлать операцію, которая протекла успѣшно. По выздоровленіи мальчика опредѣлили въ военную школу, гдѣ онъ развился и былъ освобожденъ отъ надзора [1]). Итакъ, школа каждаго государства тѣсно связана теперь съ вопросами народнаго здоровья и уменьшенія преступности. За послѣднее

---

[1]) Приведенный уставъ и примѣры заимствованы въ сокращеніи изъ обширной работы по этому вопросу Люблинскаго. («Вѣстникъ Воспитанія». 1911 г., № 4).

время отъ школы ждутъ *еще одной* великой услуги. Чтобы понять, въ чемъ она состоитъ, надо вспомнить, что уже давно стали указывать на перенаселеніе людей. Люди размножаются быстро, получается избытокъ населенія и жить становится для всѣхъ тяжелѣе. Одни ученые, чтобы помочь бѣдѣ, требуютъ, чтобы всѣ люди старались имѣть меньше дѣтей. Другіе ученые утверждаютъ, что больные, хилые и слабые люди совсѣмъ не должны жениться и имѣть дѣтей, а сильные и здоровые должны имѣть дѣтей какъ можно больше. Наконецъ есть ученые, которые для физическаго и духовнаго оздоровленія людей и для лучшей ихъ жизни требуютъ государственныхъ и общественныхъ преобразованій *бо́льшаго числа хорошихъ школъ* и распространенія среди народа правильныхъ взглядовъ *на воспитаніе* молодого поколѣнія и *педагогику. Школа должна быть главной заботой государства,* и на нее государство должно затрачивать больше всего денегъ.

Если школа — такое великое и важное дѣло, то она требуетъ особаго устройства, разумной организаціи.

Устраивая школы, мы должны поэтому спросить прежде всего: какія школы народу выгоднѣе основывать, — такія, которыя даютъ *общее* образованіе или такія, которыя даютъ *спеціальное?*

Для отвѣта на вопросъ посмотримъ, чѣмъ отличается *общеобразовательная* школа отъ школы *спеціальной.*

Спеціальная школа даетъ своимъ ученикамъ *сноровку* къ какому-нибудь одному занятію, къ извѣстной профессіи: она даетъ *подготовку* къ какой-нибудь *практической* дѣятельности въ области техники, промышленности, торговли, земледѣлія, лѣсоводства, горнаго дѣла и т. п.

Гораздо труднѣе опредѣлить, что такое общеобразовательная школа и общее образованіе. Обыкновенно говорятъ, что общимъ надо назвать такое образованіе, которое *воспитываетъ* и *образовываетъ* человѣка. Такой отвѣтъ будетъ тогда вполнѣ понятнымъ, если мы объяснимъ себѣ, что значитъ «*воспитывать*» и «*образовывать*». «*Воспитывать*» — значитъ вліять главнымъ образомъ, на *характеръ* ученика. Если человѣкъ энергично дѣйствуетъ и въ дѣйствіяхъ его есть единство, опредѣленность и устойчивость въ поступкахъ, т.-е. если онъ дѣйствуетъ всегда въ одинаковыхъ случаяхъ одинаково, — тогда мы говоримъ, что у такого человѣка есть *характеръ*. Можно заранѣе, напередъ угадать, что̀ такой человѣкъ сдѣлаетъ, и чего онъ не сдѣлаетъ въ важномъ и рѣшительномъ случаѣ. Изъ сказаннаго видно, что съ характеромъ у человѣка соединяется умѣнье *дѣйство-*

вать; чѣмъ энергичнѣе и самостоятельнѣе дѣйствуетъ человѣкъ, тѣмъ болѣе сильнымъ надо назвать его характеръ. Поэтому и школа вырабатываетъ и улучшаетъ характеръ ученика тѣмъ, что пріучаетъ его умѣло, находчиво и энергично дѣйствовать, т.-е., какъ иначе говорятъ, развиваетъ волю ученика. Сдѣлать *волю сильной* и *развитой,* — вотъ въ чемъ теперь заключается выработка характера въ школѣ. И школа нашла особый способъ развивать волю. Школа замѣтила, что у человѣка есть иногда и знаніе, есть и умѣніе, но дѣйствовать, проявить волю, человѣкъ не можетъ оттого, что у него нѣтъ никакого *интереса.* Безъ интереса воля человѣка спитъ, интересъ является тѣмъ мостомъ, который ведетъ человѣка отъ желанія къ дѣйствію, т.-е. къ проявленію воли.

Это можно изобразить слѣдующимъ образомъ:

Развитіе воли.

Знаніе, умѣніе. — *Воля* (дѣйствіе).

Интересъ.

Итакъ, мы нашли, что «*воспитывать*» значитъ — вырабатывать *характеръ,* а это значитъ — закалить *волю;* этого же можно достигнуть, главнымъ образомъ, при посредствѣ развитія *интереса* въ ученикѣ.

Значитъ, мы нашли, что *общее* образованіе должно *воспитывать,* т.-е. развивать *интересъ.* Если мы узнаемъ, что значитъ «развивать интересъ», тогда мы поймемъ ясно, что такое «воспитывать» въ школѣ.

Существуетъ много вещей на свѣтѣ, которыя интересуютъ человѣка съ малаго возраста. Но всѣ эти вещи можно распредѣлить между нѣсколькими главными интересами. Въ самомъ дѣлѣ: все, что интересуетъ насъ, можно раздѣлить на двѣ главныя большія части: 1) что находится внѣ насъ, въ окружающемъ насъ мірѣ, и 2) что дѣлается въ насъ самихъ, въ нашей душѣ. Первые интересы называются *объективными,* т.-е. относящимися къ предметамъ, окружающимъ человѣка. Вторые интересы называются *субъективными,* т.-е. относящимися къ самому человѣку, къ его душѣ. Когда человѣкъ интересуется тѣмъ, что его окружаетъ, то онъ задаетъ всегда два вопроса: прежде всего онъ спрашиваетъ, «*что такое* я вижу предъ собой, какъ это называется?» Затѣмъ онъ спрашиваетъ: «*отчего* это происходитъ въ мірѣ такъ, а не иначе?» Это значитъ, что человѣкъ

сперва интересуется тѣмъ, какія неизвѣстныя ему вещи существуютъ на свѣтѣ, а затѣмъ хочетъ узнать, какъ и почему эти вещи произошли и для чего существуютъ. Первый интересъ называется *эмпирическимъ*, второй — *спекулятивнымъ*. Эти интересы сильнѣе всего развиты у тѣхъ людей, которые занимаются наукой.

Но человѣка очень интересуетъ и онъ самъ, его собственныя чувства, желанія, вкусы. надежды, ожиданія, т.-е. тѣ интересы, которые мы выше уже назвали субъективными. Разсмотримъ, ихъ подробнѣе. Каждый человѣкъ въ жизни страдаетъ, и часто нѣтъ ему ни отъ кого помощи въ горѣ, и самъ онъ помочь себѣ не можетъ. Онъ чувствуетъ поэтому свое безсиліе и находитъ утѣшеніе въ томъ, что ожидаетъ помощи отъ какой-то высшей, небесной силы, въ которую начинаетъ вѣрить. Вѣритъ онъ въ нее еще и потому, что видитъ на свѣтѣ много такого, чего не можетъ себѣ никакъ объяснить. Вѣря въ высшее существо, человѣкъ хочетъ узнать, что это за существо, какъ его познать, какъ къ нему относиться, какъ получить отъ него помощь. Интересъ человѣка къ такому Существу, которое очень высоко, свято и могущественно, называется *религіознымъ* интересомъ. Кромѣ этого, каждый человѣкъ очень интересуется тѣмъ, что ему нравится, что его радуетъ. Нѣкоторыя вещи и люди нравятся ему потому, что кажутся ему красивыми. Красота интересуетъ всякаго человѣка, но только одни лучше оцѣниваютъ, что̀ красиво и что̀ не красиво, у нихъ лучше развитъ вкусъ, другіе не такъ хорошо различаютъ, что красиво, такъ какъ не имѣютъ развитого вкуса. Кто интересуется и оцѣниваетъ все съ точки зрѣнія красоты (эстетики), тотъ имѣетъ *художественный* интересъ. Есть и такіе люди, которые стремятся ко всему доброму. Что бы они ни увидали, они спрашиваютъ себя, оцѣниваютъ въ душѣ: — добро это или зло. Къ добрымъ людямъ такіе люди чувствуютъ любовь, симпатію, сочувствуютъ имъ и интересуются ими. Такая любовь и такой интересъ къ *отдѣльнымъ людямъ*, которыхъ мы считаемъ добрыми и потому стремимся имъ дѣлать добро — называется *симпатическимъ* интересомъ. Бываетъ и такъ, что мы любимъ и считаемъ добрыми не отдѣльныхъ лицъ, но цѣлое *общество* сразу: *всю* родину, все государство или все человѣчество. Мы интересуемся ими, сроднились съ ними и изо всѣхъ силъ работаемъ для ихъ пользы. Такой интересъ въ человѣкѣ называется *соціальнымъ*. Для наглядности представимъ въ таблицѣ *всѣ* интересы, которыми только можетъ жить человѣкъ:

Многосторонній интересъ.

A. Интересъ къ предметамъ внѣ насъ, объективный.

- Вопросъ «что?» (Ознакомленіе съ существующими вещами.) → **1. Эмпирическій** интересъ.
- Вопросъ «отчего?» (Осмысленіе вещей, пониманіе причинъ.) → **2. Спекулятивный** интересъ.

B. Интересъ человѣка къ самому себѣ, субъективный.

Оцѣнки человѣкомъ вещей, поступковъ и людей:

- Съ точки зрѣнія краснваго. (Эстетическія оцѣнки.) → **3. Художественный** интересъ.
- Съ точки зрѣнія добраго. (Этическія оцѣнки.)
  - Сочувствіе къ отдѣльнымъ лицамъ. → **4. Симпатическій** интересъ. (Къ близкимъ, знакомымъ, семьѣ.)
  - Сочувствіе къ группѣ людей. къ обществу. → **5. Соціальный** интересъ. (Къ родинѣ, отечеству, всему человѣчеству).

Интересъ къ высшему Существу. → **6. Религіозный** интересъ.

Изъ таблицы видно, что все, интересующее человѣка, можно размѣстить въ *шесть* группъ. Ясно, что всѣхъ интересовъ у человѣка можетъ быть шесть. И всѣ они очень важны, потому что когда есть сильный интересъ, тогда является желаніе работать для того, чтобы или пріобрѣтать все новыя и новыя знанія, или прилагать знанія къ дѣлу. Но очень часто случается, что въ молодые годы у человѣка *случайно* развивается только одинъ интересъ. На другіе интересы его никто не натолкнулъ, такъ и остался онъ однобокимъ. Напримѣръ, бываетъ, что мальчика никто не натолкнетъ на художественный интересъ, этотъ интересъ и спитъ въ немъ. А можетъ-быть, этотъ мальчикъ какъ разъ способенъ быть прекраснымъ художникомъ. Отъ этого страдаетъ и мальчикъ, который не развиваетъ данные ему природой таланты, страдаетъ и государство, которое лишается способнаго работника. Вотъ поэтому школа обязана такъ поставить дѣло, чтобы *натолкнуть* дѣтей въ школѣ на *всѣ интересы*, и всѣ эти интересы *равномѣрно* развивать. Тогда ученикъ увидитъ, сколько интереснаго вообще есть въ мірѣ, и только послѣ этого онъ выберетъ, въ частности, то, къ чему у него лежитъ душа и есть способность.

Теперь мы можемъ сказать, что *общимъ* называется такое образованіе, которое развиваетъ *равномѣрно всѣ интересы въ ученикѣ*. Когда ученикъ взглянетъ широко кругомъ, узнаетъ всѣ интересы и на всѣхъ нихъ свои силы помѣряетъ, тогда этотъ ученикъ захочетъ отъ *общихъ* интересовъ перейти къ одному, *спеціальному* интересу. Такой ученикъ и долженъ будетъ тогда перейти изъ обще-образовательной школы въ спеціальную, которая приготовитъ его къ самому интересному для него занятію къ *одной профессіи*. Такая спеціальная школа называется поэтому *профессіональной*.

Намъ ясно стало важное значеніе интереса, и мы разъяснили всѣ существующіе интересы. Слѣдовательно, мы поняли, что воспитывать «въ школѣ» это значитъ — равномѣрно и глубоко развивать *всѣ* интересы въ ученикѣ. Это и есть *первый признакъ общаго образованія*.

Второй признакъ его состоитъ въ томъ, что оно не только воспитываетъ, но и *образовываетъ* человѣка.

Что же значитъ «образовывать» въ школѣ? Образовать человѣка — значитъ полно, стройно и гармонично развить умъ человѣка, т.-е. 1) сообщить человѣку *всѣ* главныя стороны знанія и притомъ сообщить такъ, 2) чтобы одни знанія не противорѣчили другимъ, а согласовались между собою и подкрѣпляли другъ друга. Надо такъ учить ребенка, чтобы всѣ знанія,

которыя онъ получилъ, дали ему полный и ясный отвѣтъ на самые важные, интересные и безпокойные вопросы. Каждый человѣкъ испытываетъ очень большое желаніе узнать, какъ и

Песталоцци у императора Александра I.

Песталоцци горячо проситъ императора Александра I освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и устроить народныя школы.

кѣмъ созданъ видимый міръ, какъ появился человѣкъ на землѣ, для чего живетъ человѣкъ на свѣтѣ, для чего онъ самъ живетъ: для пользы другимъ, для себя или еще для чего-нибудь. Это все тревожные вопросы, и человѣкъ не можетъ успокоиться,

не давъ себѣ хоть какого-нибудь отвѣта на нихъ. Одинъ русскій поэтъ перечислилъ эти вопросы въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Я знать хочу: къ чему съ лазури небосвода
Льетъ солнце свѣтъ и жизнь въ волнахъ своихъ лучей?
Кѣмъ создана она, — могучая *природа*,
Твердыни горъ ея и глубь ея морей?

Я знать хочу, къ чему *я* созданъ *самъ* въ природѣ...
И если мой вопросъ замолкнетъ безъ отвѣта,
И если съ горечью сознаю я умомъ,
Что никогда лучомъ желаннаго разсвѣта
Не озарить мнѣ мглы, чернѣющей кругомъ, —
Къ чему мнѣ ваша жизнь безъ цѣли и значенья?

Если на всѣ эти вопросы дать стройный отвѣтъ, то у человѣка будетъ правильный взглядъ на себя и на міръ, т.-е. будетъ *стройное міровоззрѣніе*. Такой человѣкъ будетъ спокоенъ духомъ, онъ «найдетъ гармонію между собою и міромъ, въ самомъ себѣ гармонію создастъ».

Для такого стройнаго міровоззрѣнія нужно дать ученику 1) тѣ знанія, которыя разъясняютъ ему *природу* и мѣсто человѣка въ этой природѣ (естественно-историческое міровоззрѣніе), и 2) тѣ знанія, которыя разъясняютъ, какъ жили *люди* прежде и теперь живутъ съ другими людьми, въ государствѣ и т. п. (историческое міровоззрѣніе). Сообщить въ школѣ ученику эти двѣ группы знаній, которыя помогутъ ему составить правильное и стройное міровоззрѣніе, — все равно, что правильно «образовать» ученика.

Итакъ, *общимъ* образованіемъ называется такое, которое *воспитываетъ характеръ человѣка, возбуждая всѣ интересы равномѣрно, и даетъ человѣку матеріалъ для выработки міровоззрѣнія.*

Спеціальное же образованіе развиваетъ только *одинъ* какой-нибудь интересъ и готовитъ человѣка прямо къ какому-нибудь практическому дѣлу.

Теперь мы можемъ отвѣтить на нашъ главный вопросъ: какая школа выгоднѣе для народа: обще-образовательная или спеціальная? На первый взглядъ кажется, что выгоднѣе давать дѣтямъ спеціальную подготовку, которая всегда даетъ знанія для практическаго дѣла и вѣрнаго заработка. Но на самомъ дѣлѣ оказывается, что тѣ люди, которые получили *только* спеціальную подготовку безъ общей, въ своей работѣ не могутъ придумать чего-нибудь новаго, какого-нибудь улучшенія или усовер-

шенствованія, не могутъ изобрѣсти чего-нибудь очень хорошаго. Безъ общей подготовки изъ людей выходятъ, большею частью, несамостоятельные работники, которые умѣютъ дѣлать свое дѣло только такъ, какъ другіе до нихъ дѣлали. Готовить въ школѣ такихъ людей невыгодно для народа и государства, потому что безъ людей самостоятельныхъ, безъ изобрѣтателей и творцовъ народъ не можетъ улучшать себя, свои силы, торговлю и промышленность. Нѣмцы давно поняли, что одно спеціальное образованіе дѣлаетъ людей узкими, и потому въ основу своего школьнаго дѣла положили обще-образовательную школу: низшую и среднюю. Однако нѣмцы видѣли и то, что *одно только* общее образованіе не подготовляетъ человѣка къ работѣ и бываетъ причиною, что человѣкъ не можетъ себѣ найти никакого дѣла въ жизни, самъ страдаетъ отъ этого и обществу пользы не приноситъ. Поэтому нѣмцы устроили свои школы такъ, что *послѣ всякой общеобразовательной* можно поступать въ соотвѣтствующую *спеціальную* и такимъ образомъ, получивъ общее образованіе, увѣнчать его спеціальнымъ. При этомъ, спеціальное образованіе у нѣмцевъ коротко. Напримѣръ, послѣ народной общей школы, гдѣ надо учиться 8 лѣтъ, поступаютъ въ разныя спеціальныя, гдѣ надо учиться всего одинъ или два года. Развитые общей школой ученики быстро схватываютъ различныя спеціальныя знанія. У нѣмцевъ очень хорошо еще и то, что общее и спеціальное образованіе связано у нихъ особымъ образомъ: въ *низшую* спеціальную школу можно поступить только послѣ окончанія *низшей* общей школы, въ *среднюю* спеціальную только послѣ окончанія *средней* общей. Вслѣдствіе этого у нѣмцевъ и ученикъ народной школы, и ученикъ средней школы получаютъ необходимую подготовку къ тому дѣлу, которое имъ по силамъ, и при этомъ не остаются безъ общаго образованія.

Итакъ, школа, *во-первыхъ*, должна быть такъ устроена, чтобы каждый ребенокъ получалъ общее образованіе, а послѣ этого общаго фундамента — спеціальное. Одно безъ другого можетъ быть вредно. Одно съ другимъ должно быть въ тѣсной связи.

Во-вторыхъ, школа должна быть такъ устроена, чтобы способный ученикъ могъ свободно и безъ препятствій переходить изъ низшей школы въ среднюю, изъ средней—въ высшую. Если школа не такъ устроена, то это невыгодно для народа, потому что много способныхъ дѣтей не могутъ изъ низшей школы поступить въ среднюю, а затѣмъ въ университетъ, — и значитъ, государство теряетъ способныхъ работниковъ. Для того, чтобы такой потери не было, необходимо согласовать *программы* пред-

метовъ низшихъ и среднихъ школъ и *возрастъ* поступленія въ школы. Тогда школа будетъ похожа на машину, такъ хорошо устроенную, что при ея ходѣ зубецъ колеса попадаетъ въ зубецъ безъ потери времени и силъ. Мать-природа всѣмъ дѣтямъ даетъ разныя силы и дарованія. Школа должна обезпечить каждому ученику возможность развить всѣ свои силы и дарованія до высшей полноты и достигнуть такого образованія, которое соотвѣтствуетъ дарованіямъ, трудолюбію и настойчивости каждаго ребенка. Такова школа въ Америкѣ, гдѣ изъ низшей можно безъ задержекъ переходить въ среднюю школу, а отсюда въ высшую. И эту выгоду также поняли нѣмцы. Ихъ лучшій профессоръ педагогики Рейнъ заявилъ, что такая школа есть дѣло мудрой и дальновидной государственности. Чтобы достичь такого выгоднаго школьнаго устройства и не ломать сразу тѣхъ порядковъ, къ которымъ нѣмцы уже издавна привыкли, Рейнъ предлагаетъ слѣдующее устройство школъ. Всѣ дѣти 6—7 лѣтъ поступаютъ въ народную школу. Здѣсь они учатся шесть лѣтъ. Тѣ изъ школьниковъ, кто обнаружитъ особыя способности къ ученью, начинаютъ съ 4-го года изучать французскій языкъ для того, чтобы потомъ безъ задержки перейти въ среднюю школу. На седьмомъ году обученія ученики расходятся по разнымъ школамъ. Одни хотятъ окончить полную народную школу и переходятъ поэтому въ два старшіе класса этой школы: 7 и 8. Если захотятъ, они переходятъ потомъ въ особый дополнительный (9) классъ. Если не хотятъ, — переходятъ въ низшую спеціальную школу.

Другія дѣти изъ 6-лѣтней основной школы переходятъ въ реальную школу, гдѣ учатся еще 4 года. Потомъ они поступаютъ изъ реальной школы въ среднія спеціальныя училища. Третьи — изъ 6-лѣтней основной школы двигаются впередъ иначе: они поступаютъ въ высшее реальное училище или въ гимназію и учатся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ 6 лѣтъ. Отсюда они могутъ поступать въ высшія спеціальныя училища, т.-е. въ университеты, институты и академіи. Этотъ проектъ уже отчасти выполненъ въ Германіи и настолько удобенъ, что заслуживаетъ нагляднаго изображенія.

Эта таблица наглядно показываетъ, что спеціальныя школы у нѣмцевъ пдутъ вслѣдъ за общеобразовательными, и что нѣмцы стремятся сдѣлать легкимъ переходъ изъ низшихъ школъ въ среднія и высшія.

Въ-третьихъ, школа должна быть обязательной и безплатной, по крайней мѣрѣ, хоть на низшей ступени [1]).

[1]) Болѣе подробно объ этомъ слѣдуетъ прочитать въ Народной Энциклопедіи, томъ X, стр. 141—150.

ОРГАНИЗАЦІЯ ШКОЛЪ:

Общая народная школа съ французскимъ языкомъ (на 4-мъ году обученія) для тѣхъ учениковъ и учениць, которые намѣрены перейти въ реальную школу, высшее реальное училище или гимназію.

Наконецъ, *въ-четвертыхъ*, многіе считаютъ очень полезнымъ, чтобы и въ народной, и въ средней, и въ высшей школѣ дѣвочки и мальчики учились вмѣстѣ. Объ этомъ слѣдуетъ сказать подробнѣе, потому что есть и враги совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ.

Изъ всѣхъ странъ совмѣстное обученіе первая признала Америка. Переселяющіеся туда европейцы селились небольшими городками. Открывать отдѣльную школу для мальчиковъ и отдѣльную для дѣвочекъ такіе маленькіе городки не могли, такъ какъ на двѣ школы не хватало денегъ. Дешевле было содержать одну школу, куда посылали вмѣстѣ дѣтей обоего пола. Потомъ американцы увидѣли, что для дѣтей очень полезно учиться вмѣстѣ, и стали открывать совмѣстныя школы даже тогда, когда сдѣлались богатыми. Въ настоящее время изъ 628 американскихъ городовъ 587 городовъ учатъ въ своихъ школахъ *во всѣхъ* классахъ вмѣстѣ и дѣвочекъ, и мальчиковъ; 28 городовъ учатъ дѣвочекъ и мальчиковъ вмѣстѣ только въ *нѣкоторыхъ* классахъ; только 13 городовъ, расположенныхъ въ восточной, болѣе отсталой во всемъ части Америки, учатъ во *всѣхъ* классахъ *отдѣльно* мальчиковъ отъ дѣвочекъ.

Одинъ весьма извѣстный американскій педагогъ и руководитель школьнаго дѣла г. Гаррисъ перечислилъ всѣ выгоды совмѣстнаго обученія: оно больше всего подходитъ къ природѣ человѣка и къ семьѣ, въ которой сестры и братья живутъ вмѣстѣ; оно стало въ Америкѣ дѣломъ привычнымъ, и всѣ родители одобряютъ его; оно открываетъ одинаковую дорогу къ работѣ и заработку и мужчинѣ, и женщинѣ; оно выгоднѣе для общества въ денежномъ отношеніи; оно выгодно для учителя потому, что улучшаетъ дисциплину и порядокъ въ школѣ; оно очень хорошо дѣйствуетъ на душу дѣтей и дѣлаетъ ихъ болѣе нравственными.

Америкѣ стали подражать и другія страны. Первая гимназія для дѣвочекъ и мальчиковъ вмѣстѣ была открыта въ Стокгольмѣ. Учителя этой школы въ одинъ голосъ говорятъ, что совмѣстное обученіе оказалось очень полезнымъ не только для учащихся, но и для учителей. Учителя гордятся тѣмъ, что воспитываютъ не дѣвочекъ *только* и не мальчиковъ, а *дѣтей*. Имъ ввѣряютъ *не половину*, а *весь* человѣческій родъ. А кому много довѣрено, съ того много и взыщется. Поэтому учителя въ этой школѣ особенно преданы своему дѣлу и очень требовательны къ себѣ.

Дѣвочки стали допускаться не только въ низшія, но и въ среднія мужскія школы Норвегіи, Даніи, Швеціи, Голландіи, Швейцаріи, Португаліи. Очень довольны пользой совмѣстнаго обученія

и въ Италіи. Въ Англіи оно очень распространено. По отчету 1897 года изъ 6.209 среднихъ англійскихъ школъ въ 1.078 учатся вмѣстѣ дѣти обоего пола. Нѣмцы тоже вводятъ мало-по-малу совмѣстное обученіе. Въ Баденѣ, напримѣръ, въ среднихъ школахъ 1.202 дѣвочки обучаются вмѣстѣ съ мальчиками. Недавно дѣвочки допущены въ мужскія средне-учебныя заведенія въ Саксоніи. Но нѣмцы вводятъ подобныя реформы очень осторожно и послѣ подробнаго разсмотрѣнія. У нихъ являются въ настоящее время три сомнѣнія въ пользѣ совмѣстнаго обученія:

1) Не нарушаетъ ли совмѣстное обученіе нравственнаго развитія учащихся?

2) Можно ли совершенно *одинаково* обучать дѣвочекъ и мальчиковъ, если они такъ *отличаются* другъ отъ друга въ строеніи тѣла и въ другихъ отношеніяхъ? При этомъ надо еще прибавить, что періодъ возмужалости у дѣвочекъ начинается и кончается раньше, чѣмъ у мальчиковъ. А въ этотъ періодъ дѣтямъ надо давать меньше умственной работы. Выходитъ, что, при совмѣстномъ обученіи, то мальчиковъ надо меньше учить, потому что дѣвочки переживаютъ опасный періодъ, то задерживать ученіе дѣвочекъ, потому что опасный періодъ созрѣванія начинается у мальчиковъ. Не лучше ли, поэтому, имѣть отдѣльныя школы для дѣвочекъ и мальчиковъ?

3) Наконецъ, третье сомнѣніе состоитъ въ томъ, что программы мужскихъ школъ больше и труднѣе, чѣмъ программы женскихъ. При совмѣстномъ обученіи мы заставляемъ дѣвочекъ проходить болѣе трудные курсы. Является вопросъ: не будетъ ли это вредно вліять на здоровье дѣвочекъ.

Изъ этихъ трехъ вопросовъ самый трудный *второй*. Нужно много времени и много наблюденій и изученія, чтобы правильно рѣшить этотъ вопросъ. Можно сказать только, что лучшіе педагоги въ настоящее время считаютъ совмѣстное обученіе полезнымъ. Профессоръ педагогики Рейнъ думаетъ, что пока вопросъ не рѣшенъ окончательно, лучше всего дать возможность *свободно развиваться* и совмѣстному обученію, и обученію отдѣльно. Тогда скорѣе видно будетъ, какова выгода обученія дѣвочекъ и мальчиковъ вмѣстѣ, и каковы недостатки.

Итакъ, важный вопросъ о томъ, какой должна быть организація школы, — педагогика рѣшаетъ слѣдующимъ образомъ: каждый народъ долженъ имѣть хорошую и для всѣхъ безъ исключенія равно доступную единую *общеобразовательную* школу (низшую и среднюю). На этомъ фундаментѣ надо построить *спеціальныя* школы — низшія, среднія и высшія. Обученіе должно быть обязательнымъ и безплатнымъ. Наконецъ, осмотрительно

проведенное въ жизнь совмѣстное обученіе полезно и желательно.

Подробнѣе о затронутыхъ здѣсь вопросахъ можно прочесть въ слѣдующихъ (звѣздочкой обозначены важнѣйшія) **книгахъ**: *) *Народная Энциклопедія*, томъ X, Народное образованіе въ Россіи. М, 1910. *) *В. П. Вахтеровъ*. «Спорные вопросы образованія». Цѣна 25 к. *Н. Карѣевъ*, «Идеалы общаго образованія». Ц. 40 к. *Чарнолусскій, В. П.*, «Организація школы». Цѣна 70 к. *Музыченко, А. Ѳ.* «По поводу новой книги Рейна», въ журналѣ Мин. Нар. Просв., 1908, № 4. *Мюнстербергъ, Г.*, «Американцы», томъ II. 1907, *Музыченко, А. Ѳ.* «Реформа средняго женскаго образованія и его исторія въ Германіи». Журналъ М. Нар. Просв. 1909, № 8.

3. Чему должно учить въ общеобразовательной школѣ?

(Теорія учебнаго плана.)

Общеобразовательная школа должна, какъ выяснилось изъ предыдущей статьи, воспитать характеръ ученика и дать ему ясное міросозерцаніе. Для того, чтобы выполнить такую важную задачу, школа должна задать себѣ вопросъ: чему же нужно учить дѣтей въ школѣ? Вѣдь знаній и наукъ много. Всѣ ли эти знанія и науки нужны въ общеобразовательной школѣ или только нѣкоторыя? Если нужны только нѣкоторыя, то надо рѣшить, какія же именно нужны и какія не нужны. Надо выбрать самыя важныя, а для этого надо сравнить между собою всѣ предметы, которымъ можно обучать въ школѣ, и выбрать тѣ предметы, которые лучше всего помогутъ воспитать человѣка и дать ему правильный взглядъ на окружающій міръ и на себя самого. Такой выборъ предметовъ для прохожденія въ школѣ иначе называется *выработкой учебнаго плана*.

Изъ сказаннаго видно, что учебный планъ есть главная составная часть школьной жизни и долженъ быть очень обдуманно составленъ такими людьми, которые хорошо знаютъ различные предметы, а также природу и душу дѣтей. Несмотря на такое важное значеніе учебнаго плана, надъ нимъ очень рѣдко трудятся педагоги, т.-е. именно тѣ люди, которые могли бы выработать самый лучшій учебный планъ. На Западѣ есть всего двѣ-три попытки составить полный учебный планъ, въ Америкѣ — одна.

Не трудно объяснить, почему такъ мало педагоговъ берутся за такое важное для нихъ дѣло. Главная причина въ томъ, что учителей меньше всего спрашиваютъ объ этомъ. Когда государствомъ рѣшается важный вопросъ объ учебномъ планѣ въ школахъ, то государственные люди не призываютъ къ большому участію въ этомъ учителей и педагоговъ. Послѣдніе же,

зная, что этотъ вопросъ рѣшится безъ нихъ, и они мало повліяютъ на рѣшеніе, не занимаются учебнымъ планомъ, а тратятъ свои силы на другіе вопросы, которые больше зависятъ отъ рѣшенія и слова учителей. Очень интересно то обстоятельство, что самый подробный, самый ясный и весьма практичный учебный планъ выработанъ однимъ нѣмецкимъ профессоромъ педагогики Рейномъ, который завѣдуетъ народной школой, гдѣ практикуются молодые учителя. Эта школа находится въ зданіи и вѣдѣніи Іенскаго университета, и потому учебный планъ въ ней зависитъ не отъ министровъ, а отъ самихъ учителей школы и отъ завѣдующаго ею профессора Рейна.

Выходитъ, что больше всего поработали надъ составленіемъ разумнаго учебнаго плана тамъ, гдѣ это дѣло было отдано въ руки самихъ учителей и завѣдующаго школой педагога. Значитъ, было бы больше обдуманныхъ, трудолюбиво, педагогично и съ любовью составленныхъ учебныхъ плановъ, если бы чаще это важное дѣло рѣшалось, главнымъ образомъ, самими учителями.

Составить учебный планъ трудно потому, что при этомъ дѣлѣ необходимо не упускать изъ виду очень многихъ обстоятельствъ.

Прежде всего должно внести въ учебный планъ такіе предметы, которые развивали бы *всѣ* человѣческіе интересы (см. таблицу интересовъ въ предыдущей статьѣ). При этомъ надо помнить, что разные интересы у дѣтей развиваются въ разные годы жизни. Поэтому нѣкоторые предметы надо начинать изучать раньше, а другіе — позже.

Во-вторыхъ, при составленіи учебнаго плана надо имѣть въ виду, что для выработки стройнаго міровоззрѣнія юноша долженъ понимать и знать, прежде всего, природу, ея жизнь и законы; затѣмъ — себя, человѣка, свои чувства, мысли и желанія; наконецъ,— отношеніе человѣка къ природѣ. Поэтому въ учебный планъ общеобразовательной школы непремѣнно должны войти предметы о природѣ и о человѣкѣ.

Въ-третьихъ, чтобы правильно составить учебный планъ, надо хорошо знать тѣхъ, для кого планъ составляется, т.-е. дѣтей. Надо знать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы рѣшить слѣдующіе вопросы, необходимые для учебнаго плана: какой предметъ легокъ ученику, какой труденъ? Какой скорѣе утомляетъ ученика, какой медленнѣе? Какой предметъ требуетъ для себя только памяти, какой требуетъ и соображенія? Какой предметъ развиваетъ умъ ребенка, какой чувство, и какой укрѣпляетъ волю? пробуждаетъ въ ученикѣ самодѣятельность и творчество? и т. д.

Словомъ, это тѣ вопросы, на которые отвѣчаетъ психологія дѣтскаго возраста, — а также экспериментальная педагогика.

Итакъ, общеобразовательная школа должна имѣть въ своемъ учебномъ планѣ предметы, знакомящіе съ *человѣкомъ* и съ *природой*. Такъ именно и выработанъ планъ въ школѣ проф. Рейна при университетѣ въ г. Іенѣ. Въ этомъ планѣ три группы предметовъ относятся къ изученію человѣка, а три другія группы — къ изученію природы. Въ первую группу предметовъ, съ которыми непремѣнно надо познакомить школьника, входятъ такіе предметы, которые вліяютъ на *нравственность* человѣка и его *волю*, а именно: религія, постепенное развитіе религіи среди людей, исторія человѣчества, исторія родного народа и литература, т.-е. знакомство съ произведеніями и дѣятельностью великихъ писателей, а также умѣніе сильно, красиво и съ пониманіемъ произносить вслухъ литературныя произведенія.

Вторая группа знаній о человѣкѣ состоитъ изъ такихъ предметовъ, которые научаютъ дѣтей замѣчать, понимать и чувствовать всякую *красоту* въ окружающей ихъ жизни, и которые заставляютъ любить все *прекрасное*, художественное и стремиться къ нему. Сюда относится, прежде всего, лѣніе, затѣмъ рисованіе, лѣпка изъ глины, гимнастика и игры. Пѣніе должно быть очень важнымъ предметомъ, потому что въ пѣніи есть опредѣленный размѣръ, отбиваніе такта или, какъ иначе говорятъ, ритмъ. Ритмъ же имѣетъ большое вліяніе на настроеніе и поступки человѣка. Напримѣръ, во время молотьбы цѣпами работа идетъ ловчѣе и веселѣе оттого, что молотильщики отбиваютъ равномѣрно и громко тактъ. Каждый молотильщикъ по такту знаетъ, когда наступаетъ его очередь ударить, и онъ можетъ даже съ закрытыми глазами бить такъ, что не задѣнетъ цѣпа сосѣда. Если бы при молоченіи цѣпы не отбивали равномѣрнаго такта, то работать было бы не такъ удобно.

То же самое замѣчается при работѣ въ кузницѣ, когда бьютъ въ нѣсколько молотовъ на одной наковальнѣ. При работѣ одного человѣка инструментъ часто издаетъ звукъ въ тактъ, и этотъ звукъ опять-таки облегчаетъ работу. Тактъ отбиваетъ рубанокъ столяра, пила и другіе своимъ звукомъ, издаваемымъ при работѣ. Не такъ давно въ наукѣ появилось даже мнѣніе, что народная пѣсня появилась оттого, что нѣкоторыя работы первобытныхъ людей не имѣли звука и такта. Тогда дикари отбивали себѣ въ помощь тактъ собственнымъ голосомъ, т.-е. начинали пѣть. Такъ и произошла на свѣтѣ пѣсня, которая потомъ стала пѣться и безъ работы, во время праздниковъ. Выходитъ, что корни работы, труда, дѣятельности и пѣсни одина-

ково глубоко заложены въ человѣческой природѣ. Не будь въ мірѣ работы, труда, — не было бы и веселья, пѣсни. Работа и пѣсня (поэзія) одного происхожденія. Если пѣсня такъ близко связана съ движеніями и поступками человѣка, то понятно, почему пѣніе дѣйствуетъ на нашъ характеръ и волю. Слѣдовательно, пѣніе является важнымъ предметомъ въ школѣ. Въ пѣснѣ не только находитъ себѣ выходъ душевная сила человѣка, если много накопилось этой силы и нѣтъ ей выхода, но часто пѣсня подбадриваетъ и придаетъ силы слабымъ людямъ.

Рисованіе помогаетъ человѣку самому творить что-нибудь новое. Оно полезно и для развитія воли, потому что при рисованіи ученикъ пріучается быстро дѣлать руками то, что придумываетъ его умъ. Отъ этого получается привычка не отдѣлять мысли отъ дѣла, сразу приводить въ дѣйствіе и исполненіе всякое обдуманное желаніе. Къ этому же ведетъ и лѣпка различныхъ фигуръ и вещей изъ мягкой глины.

Дѣтскія игры въ школѣ полезны тѣмъ, что пріучаютъ учениковъ къ товариществу и помощи другъ другу.

Третья группа предметовъ о человѣкѣ должна научить дѣтей умѣнью владѣть *рѣчью*. Сюда относится, прежде всего, родной языкъ, а затѣмъ — иностранные: новые (французскій, нѣмецкій) и древніе (греческій и латинскій). Изучить основательно и новые, и древніе языки въ общеобразовательной школѣ трудно. Поэтому одиѣ школы полнѣе изучаютъ древніе языки. Такія школы называются классическими гимназіями. Другія — полнѣе проходятъ новые языки и естественныя науки. Такія школы называются реальными училищами.

Перечисливъ всѣ знанія, нужныя для ознакомленія *съ человѣкомъ*, его душою, вѣрою и языкомъ, перейдемъ къ группамъ предметовъ, необходимыхъ для ознакомленія *съ природою*. Къ первой группѣ этого отдѣла относится географія. Это — одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ въ учебномъ планѣ Рейна. Географія весьма выгодна при обученіи потому, что въ нее входитъ и изученіе природы, и изученіе человѣка, а именно: географія изучаетъ человѣка не во всѣхъ отношеніяхъ, а только то, какъ онъ устроился на землѣ, въ зависимости отъ тѣхъ *природныхъ* (климатическихъ, устройства поверхности и др.) условій, въ которыхъ человѣку пришлось жить. Такимъ образомъ, географія служитъ какъ бы мостомъ отъ наукъ о *человѣкѣ* къ наукамъ о *природѣ*. Безъ географіи эти двѣ половины нашего міросозерцанія остались бы не связанными другъ съ другомъ. Географія ихъ связываетъ и является поэтому въ общемъ учеб-

номъ планѣ самымъ важнымъ для выработки міровоззрѣнія предметомъ.

Ко второй группѣ знаній о природѣ относится естествознаніе. Въ него входятъ такіе предметы, которые больше *описываютъ* окружающую природу (ботаника, минералогія, зоологія), и такіе, которые больше *научно объясняютъ* ее (физика, химія).

Третья группа знаній о природѣ состоитъ изъ математики: ариѳметики съ алгеброй и геометріи.

Въ каждой группѣ знаній есть такіе отдѣлы, гдѣ можно заставить ученика что-нибудь дѣлать своими руками (вырѣзать фигуру, вылѣпить, выпилить, нарисовать, выжечь, сдѣлать географическую карту). Такой ручной трудъ очень нуженъ ученику, такъ какъ заставляетъ его не только *на словахъ* выучить что-нибудь, но и *на дѣлѣ* измѣрить или осязать или сдѣлать модель. Такое изученіе, гдѣ участвуетъ и собственный ручной трудъ ученика, не только интереснѣе, но и полезнѣе, глубже, прочнѣе, толковѣе. Этотъ ручной трудъ имѣетъ не ту цѣль, какую преслѣдуютъ профессіональныя школы. Профессіональныя хотятъ научить какому-нибудь ручному труду для заработка, а общеобразовательная школа на ручной трудъ смотритъ, какъ на воспитательное средство—заинтересовать ученика и пріучить его къ точности и ясности.

Представимъ теперь въ таблицѣ учебный планъ, который выработанъ профессоромъ Рейномъ и годенъ для всякой общеобразовательной школы.

Учебный планъ можетъ быть одинаковымъ въ разныхъ странахъ. Но въ разныхъ странахъ должна быть выработана разная программа для каждаго предмета. Напримѣръ, только что приведенный примѣрный планъ Рейна годится и для нѣмецкихъ, и для русскихъ, и для французскихъ школъ. Но во Франціи программа, напримѣръ, по религіи или по исторіи будетъ непохожа на программу Закона Божія и исторіи въ Германіи и въ Россіи. Исторія у нѣмцевъ на первое мѣсто ставитъ свою родную исторію, у французовъ — родную французскую. Словомъ, *учебный планъ* школы не зависитъ отъ націи, религіи и страны, а *программы предметовъ* зависятъ отъ всего этого.

Если внимательно вдуматься въ приведенный учебный планъ, то окажется, что въ немъ выполнены всѣ условія, необходимыя для плана. Такъ, напримѣръ, *прежде всего*, видно, что школа съ такимъ планомъ развиваетъ всѣ человѣческіе интересы: религіозный (главнымъ образомъ религія и ея исторія), соціальный (главнымъ образомъ исторія), симпатическій (главнымъ образомъ литература), художественный, эмпирическій и спекулятивный (см. ученіе объ интересѣ въ предыдущей статьѣ).

Учебный планъ (Рейна).

ЧЕЛОВѢКЪ.

Предметы о человѣкѣ, историко-гуманитарныя знанія.

I. Предметы, вліяющіе на *нравственность* и *волю*.	II. Предметы, вліяющіе на чувство *красоты*.	III. *Языкъ*.
1. Религія (и ея исторія). 2. Исторія. 3. Литература (съ декламаціей).	1. Пѣніе. 2. Рисованіе. 3. Лѣпка. 4. Гимнастика (игры, ихъ постановка).	1. Родной языкъ. 2. **Иностранные:** а) древніе, б) новые.

Ручной трудъ (гдѣ только можно).

ПРИРОДА.

Предметы о природѣ, естественно-историческія знанія.

I. Географія.	II. Естествознаніе.	III. Математика.
1. Математическая географія. 2. Физическая географія.	1. Естественная исторія: а) Ботаника. б) Минералогія в) Зоологія. 2. Естественныя науки: а) Физика. б) Химія.	1. Ариѳметика и алгебра. 2. Геометрія.

Ручной трудъ.

Во-вторыхъ, приведенный планъ удѣляетъ много времени знакомству какъ съ человѣкомъ, такъ и съ природой, т.-е. онъ можетъ помочь выработкѣ міровоззрѣнія.

Въ-третьихъ, этотъ учебный планъ построенъ такъ, что при его выполненіи можно принять во вниманіе силы дѣтей и ихъ возрастъ. Пояснимъ это примѣромъ. Въ школѣ Рейна, гдѣ этотъ планъ принятъ, учатся дѣти отъ 6 лѣтъ до 14. Дѣти 6 — 7 лѣтъ видятъ и понимаютъ только то, что имъ близко, что ихъ окружаетъ. Они еще не могутъ себѣ представить, что *прежде* люди жили, думали и чувствовали совсѣмъ иначе, не такъ, какъ теперь. Иначе говоря, дѣти 6—7 лѣтъ не знаютъ, что все имѣетъ свой вѣкъ, свою «исторію». Дѣтей надо еще научить, что раньше было многое иначе, чѣмъ теперь. Вотъ почему нельзя съ дѣтьми сразу проходить далекую отъ насъ по времени исторію Ветхаго и Новаго завѣта. Ихъ надо постепенно подготовить къ знанію, что въ Палестинѣ и въ Аравіи, на далекомъ востокѣ, люди и ихъ жизнь и чувства были совсѣмъ другіе, чѣмъ теперь. Поэтому изученіе Ветхаго завѣта переносится въ школѣ Рейна на 5-й годъ обученія, а первые четыре года Закона Божія не проходится. Дѣти только подготовляются постепенно и серьезно къ такому важному и нелегкому предмету, который переноситъ дѣтей изъ теперешней родной обстановки въ очень древнее время. Это древнее время дѣти только тогда поймутъ, когда узнаютъ, что такое «исторія» и «историческія событія». Для того, чтобы научить ихъ этому, школа *постепенно* переходитъ отъ того, что ближе и понятнѣе дѣтямъ, къ тому, что дальше. Понятнѣе и ближе всего дѣтямъ — *сказки*, гдѣ очень тонко и просто выясняются первоначальныя *нравственныя* понятія. Поэтому на первомъ году дѣтямъ читаютъ и съ ними изучаютъ народныя сказки. Во второмъ классѣ отъ сказокъ переходятъ къ тому, какъ жило человѣчество въ самое древнее время. Для этого цѣлый годъ проходятъ на урокахъ родного языка Робинзона. Робинзонъ именно и показываетъ въ простой формѣ, какъ первый человѣкъ былъ безпомощенъ, какъ онъ зависѣлъ отъ природы, какъ постепенно побѣждалъ природу, сдѣлалъ одежду, построилъ жилище, добылъ огонь, приручилъ животныхъ и т. д. Все это въ увлекательномъ видѣ разсказано въ книгѣ о Робинзонѣ. Въ третьемъ классѣ переходятъ отъ Робинзона къ вещамъ, болѣе близкимъ и національнымъ, которыя учатъ уже не тому, что дѣлали *всѣ люди*, но тому, что совершали *нѣмцы*. Для этого цѣлый годъ проходятъ областныя нѣмецкія сказанія (о Гудрунѣ). Затѣмъ приступаютъ къ дѣяніямъ всего нѣмецкаго народа, и

для этого весь четвертый классъ посвящаютъ изученію сказанія о Нибелунгахъ.

Лишь послѣ такой подготовки, когда дѣти постепенно научились понимать, что и все человѣчество имѣетъ свою длинную исторію (изображенную въ Робинзонѣ), и родной народъ тоже имѣетъ исторію (изображенную въ Нибелунгахъ), — тогда только переходятъ къ исторіи Ветхаго завѣта. Начинаютъ изучать ее на пятомъ году обученія въ школѣ. Такъ дѣлаютъ со всѣми предметами въ учебномъ планѣ, т.-е. приступаютъ къ предмету только тогда, когда и по возрасту, и по подготовкѣ дѣти могутъ съ полнымъ пониманіемъ и самостоятельно изучать

Все для другихъ—для себя ничего!

Картина изображаетъ главныхъ дѣятелей народной школы: посрединѣ и направо — *Песталоцци* среди своихъ питомцевъ. На него издали смотрятъ его послѣдователи *Гербартъ* и *Дистервегъ*.

его, а не заучивать по памяти со словъ учителя или изъ книги.

Раньше было указано, что въ дѣтяхъ очень важно выработать сильный характеръ и сдѣлать твердой волю. Въ томъ планѣ, который выше былъ приведенъ, есть цѣлая группа предметовъ, которые дѣйствуютъ на волю ребенка. За послѣднее время въ школѣ — сперва въ Англіи, затѣмъ въ Германіи и во Франціи, — стали обращать особое вниманіе на тѣ предметы, которые вліяютъ на чувство красоты, иначе говоря, на художественное, эстетическое чувство. Художественное воспитаніе особымъ образомъ дѣйствуетъ на волю ребенка. Если ребенокъ увидѣлъ что-нибудь красивое и умѣетъ передать это, дѣйствуя своими руками, на рисункѣ, то онъ незамѣтно привыкаетъ къ самостоя-

тельности, къ дѣйствію. Такой ребенокъ пріучается всякую мысль переводить въ работу, дѣйствіе, пріучается къ творчеству. Далѣе: если ученикъ умѣетъ почувствовать красоту показанной ему картины, то такой ученикъ *переживаетъ*, чувствуетъ въ душѣ то самое, что пережилъ художникъ, когда рисовалъ эту картину. А художникъ, когда переживалъ и рисовалъ пережитое,— творилъ. Поэтому показываемая ученику и понимаемая имъ картина пробуждаетъ и развиваетъ творческія силы ученика, т.-е. вліяетъ на самодѣятельность и волю ученика. Вотъ почему педагоги считаютъ *художественное переживаніе* очень важной и цѣнной душевной дѣятельностью ученика. Такое переживаніе не должно быть рѣдкимъ въ школѣ. Для этого во многихъ нѣмецкихъ школахъ существуютъ особыя, недорогія и въ то же время прекрасно исполненныя стѣнныя картины[1]), которыя разсматриваются учениками и объясняются учителемъ въ классѣ. На это отводятся особые уроки, въ родѣ нашего объяснительнаго чтенія, но только объясняется не стихотвореніе, а картина. Цѣль такихъ уроковъ состоитъ въ томъ, чтобы научить дѣтей видѣть и понимать то, что нарисовано на картинѣ, пережить это и наслаждаться прекраснымъ. Для достиженія такой цѣли учениковъ сперва пріучаютъ вглядываться въ то, чего всѣ мы, обыкновенно, не замѣчаемъ: въ окружающую насъ природу, въ краски этой природы, въ сочетанія свѣта, тѣни и т. п. Пріучивъ дѣтей нѣсколько наблюдать красивое въ природѣ, учитель показываетъ картину, на которой замѣчаются и объясняются всѣ подробности. Обращается большое вниманіе на то, чтобы ученики открыли въ картинѣ какую-нибудь особенность, которая показываетъ, какъ самъ художникъ *по-своему* понимаетъ природу. При бесѣдѣ о картинѣ ученики вспоминаютъ то, что сами они видѣли въ природѣ во время прогулокъ и экскурсій. Послѣ объясненія картины дѣти при первомъ удобномъ случаѣ опять наблюдаютъ природу и ея красоты. И если они при этомъ второмъ (первое было *до* показыванія картины) наблюденіи живой природы замѣчаютъ въ ней такія красоты и такія подробности, какихъ они не видѣли раньше, то это означаетъ, что на урокахъ они научились лучше видѣть, чувствовать, понимать красоту и наслаждаться ею.

Надо замѣтить, что у нѣмцевъ не только школа и педагоги хотятъ дать ученикамъ правильное художественное воспитаніе. Техники и мастера также заявляютъ, что теперь вездѣ на-

[1]) Картины эти въ краскахъ, цѣною отъ 70 коп. за одну, издаются двумя фирмами въ городѣ Лейпцигѣ: фирмою Teubner и Voigtländer. Выписывать можно черезъ русскую фирму Кнебеля.

ходятъ себѣ сбытъ не только доброкачественные, но и красивые товары и издѣлія. Поэтому они по экономическимъ соображеніямъ требуютъ, чтобы всѣ нѣмецкія дѣти въ общеобразовательной школѣ получали художественное воспитаніе.

О нѣкоторыхъ вопросахъ. затронутыхъ въ этой статьѣ, можно прочесть подробнѣе въ книгахъ:

У. Друммондъ. «Введеніе въ изученіе ребенка». Москва, 1910 г., 385 стр. Ц. 2 р. (Прекрасная книга и не трудно читается. Особенно полезна для чтенія въ семьѣ. гдѣ есть дѣти, и для учителя).

Б. Перэ. «Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели». М., 1909. 1 р. 50 к. (Тоже нетрудная и интересная книга).

Д. Колоцца. «Дѣтскія игры. Ихъ психологическое и педагогическое значеніе». М., 1910 г.

К. Гроосъ. «Игра и ея жизненная цѣнность». Ц. 20 к.

К. Гроосъ. «Душа ребенка». Спб., 1906 г. Ц. 1 р. (Книга болѣе трудна для чтенія).

П. Наторпъ. «Соціальная педагогика». Спб.. 1911 г., 360 стр. Ц. 2 р. 50 к. (Книга эта строитъ цѣлый планъ воспитанія и обученія. Она разбираетъ и вопросы учебнаго плана. Читается съ трудомъ).

4. Историческій очеркъ педагогіи въ Россіи.

Наши предки — славяне, можно думать, воспитывали своихъ дѣтей такъ же, какъ и другіе народы столь же ранней ступени культурнаго развитія: это воспитаніе заключалось, по преимуществу, въ физическомъ уходѣ, въ стремленіи сдѣлать человѣка сильнымъ и выносливымъ въ борьбѣ съ врагами. Что касается духовнаго развитія человѣка, то на него почти не обращали вниманія.

Въ концѣ X столѣтія на Руси распространяется христіанство, а вмѣстѣ съ нимъ и грамотность. Одновременно съ этимъ зарождаются на Руси и первыя педагогическія идеи. Грамотность въ теченіе весьма длиннаго періода русской исторіи носила церковный характеръ; само собою понятно, что такимъ же характеромъ были проникнуты и воспитательныя идеи древней Руси: онѣ были заимствованы изъ Священнаго Писанія и изъ твореній святыхъ отцовъ Церкви. Однимъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ памятниковъ древне-русской письменности, отразившимъ наиболѣе полно педагогическія идеи древней Руси, является Поученіе князя Владимира Мономаха дѣтямъ (1053—1125).

Составляя «Поученіе», Владиміръ Мономахъ имѣлъ въ виду не только своихъ дѣтей, но и «иныхъ» людей. Въ этомъ поученіи рисуется идеалъ человѣка, какъ его тогда понимали лучшіе и образованные люди, къ какимъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ Мономахъ. Главныя свойства этого идеала — страхъ

Божій, человѣколюбіе и трудолюбіе. Не постъ, не уединеніе, не монашество, по словамъ Мономаха, спасутъ людей, а добрыя дѣла. Наиболѣе важнымъ мѣстомъ въ педагогическомъ отношеніи является въ поученіи указаніе на необходимость и важность пріобрѣтенія знаній: «Добрыхъ знаній, которыя имѣете, не забывайте, притомъ учитесь тому, чего не знаете, какъ отецъ мой, который, сидя дома, зналъ пять языковъ, и была ему за то честь отъ другихъ народовъ. Лѣность — мать всякаго зла, она заставитъ забыть извѣстное и не научитъ новому». Въ поученіи Мономаха заключены тѣ начала, которыя впослѣдствіи предстояло расширить и углубить русской педагогіи.

Завоеваніе Руси татарами и продолжительное владычество ихъ остановили надолго русское просвѣщеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе педагогическихъ идей. Грамотность сосредоточилась въ это время почти исключительно въ монастыряхъ, гдѣ развилась и особая, монастырская, педагогія; главныя особенности этой педагогіи — усердная молитва, постъ, братолюбіе, послушаніе, терпѣніе въ трудахъ, готовность отдать себя на служеніе общему дѣлу.

Послѣ освобожденія отъ татарскаго ига мало-по-малу начинаетъ проявляться стремленіе раздвинуть рамки чисто церковнаго образованія, и педагогическія идеи Московской Руси въ нѣкоторой мѣрѣ проникнуты уже свѣтскимъ элементомъ. Эти идеи нашли себѣ наиболѣе яркое и полное выраженіе въ «Домостроѣ», имѣвшемъ въ свое время большое педагогическое значеніе (ср. IX т.).

Изъ «Домостроя» мы узнаемъ,— «Како дѣтей своихъ воспитати въ наказаніи и страсѣ Божіи», «како дѣтей учити и страхомъ спасати». Прежде всего, «Домострой» излагаетъ житейскія правила. Основаніе этихъ правилъ — страхъ Божій, вѣжество и всякое благочестіе.

Далѣе указывается на необходимость обученія домоводству, ремесламъ. Обученіе сыновей «Домострой» возлагаетъ на отца, дочерей—на мать. Излагая правила обученія, «Домострой» придаетъ большое значеніе наказанію [1]). «Наказывай сына твоего въ юности, и онъ успокоитъ тебя въ старости и принесетъ себѣ честь. Не будь скупъ на удары дитяти, ибо отъ палочныхъ ударовъ онъ не умретъ, а поздоровѣетъ; нанося удары тѣлу, спасаешь душу отъ смерти. Воспитай дѣтище въ страхѣ, и обрѣтешь въ немъ покой и благословеніе. Не улыбайся ему, не играй съ нимъ... Не дай ему власти въ юности и сокруши ему

[1]) Извлеченія изъ «Домостроя» приводятся въ переводѣ на современный русскій языкъ.

ребра, пока онъ растетъ, чтобы, возмужавъ, не переставалъ повиноваться тебѣ». Предписывая суровыя правила по отношенію къ дѣтямъ, «Домострой» въ то же время совѣтуетъ родителямъ любить дѣтей и беречь ихъ, хранить отъ всякаго грѣха, какъ зѣницу ока, какъ свою душу.

Въ «Домостроѣ» отразились родовыя понятія объ отношеніи главы семейства ко всѣмъ членамъ семьи. «Хотя въ основаніи этихъ отношеній, — говоритъ историкъ русской литературы Галаховъ, — полагается любовь, но это не устраняетъ, съ одной стороны, грознаго господства владыки дома, а съ другой — самаго рабскаго ему подчиненія... Здѣсь воля признается только за нимъ; за прочими — неволя и работа».

Древняя русская школа.

При такомъ характерѣ «Домостроя», изложенныя въ немъ педагогическія правила не могли способствовать развитію личности, наоборотъ, они часто подавляли ее. Въ этомъ заключается важный недостатокъ древне-русской школы-семьи, идеалъ которой очерченъ въ «Домостроѣ».

Къ концу XVII столѣтія въ Московской Руси начинаетъ весьма замѣтно возрастать вліяніе иностранцевъ, которое затѣмъ приводитъ къ реформамъ Петра Великаго. Взглядъ Петра на задачи воспитанія и образованія былъ по преимуществу практическій. Петру нужны были моряки, инженеры, доктора и проч. Соотвѣтственно этому Петръ открывалъ цѣлый рядъ спеціальныхъ школъ: навигацкихъ, цыфирныхъ, артиллерій-

скихъ и т. п. «Образованіе умственныхъ силъ человѣка и воли не входило въ задачу школы того времени, понятія службы и образованія смѣшиваются [1]). «Петръ нашелъ въ одномъ ученіи средство воспитывать своихъ подданныхъ сообразно съ своимъ идеаломъ. Въ инструкціяхъ вновь заводимымъ школамъ изрѣдка только встрѣчаются намеки на нравственную сторону и то для сохраненія общаго порядка» [2]).

И во время Петра Великаго, и въ послѣдующій за нимъ довольно продолжительный періодъ развитіе собственно педагогическихъ идей шло весьма слабо, почти незамѣтно. Рѣзкій поворотъ въ этомъ отношеніи начинается только со времени Екатерины II. Будучи весьма образованной женщиной своего вѣка, Екатерина сама очень интересовалась педагогическими вопросами и посвящала немало времени на знакомство съ сочиненіями выдающихся педагоговъ и на разработку различныхъ воспитательныхъ теорій. Главнымъ сотрудникомъ Екатерины въ этомъ дѣлѣ былъ И. И. Бецкій, выработавшій, на основаніи знакомства съ педагогическими сочиненіями иностранныхъ писателей, особенно Монтаня и Локка, весьма обширный и цѣльный планъ воспитанія. Сущность этого плана заключается въ слѣдующемъ. Наблюдая низкій нравственный уровень современнаго общества, оказавшаго дурное вліяніе на подрастающія поколѣнія, Бецкій напалъ на мысль о томъ, чтобы устранить дѣтей отъ всякаго общественнаго вліянія и воспитывать ихъ по извѣстнымъ правиламъ, вкореняя въ нихъ все истинное, доброе и прекрасное. Образовавъ такимъ образомъ юношей и дѣвицъ и стараясь, чтобы они, по возможности, вступали въ бракъ, Бецкій надѣялся, что они будутъ воспитывать въ томъ же духѣ своихъ дѣтей и составятъ такимъ образомъ «новую породу отцовъ и матерей», въ которыхъ Россія такъ нуждалась. Эта идеальная мысль Бецкаго нашла при Екатеринѣ II, раздѣлявшей его педагогическіе взгляды, практическое осуществленіе въ устройствѣ цѣлаго ряда воспитательныхъ домовъ. Говоря о созданіи «новой породы людей», Бецкій указывалъ въ то же время на особенное значеніе нравственнаго воспитанія юношества, а также на необходимость предпочесть общее образованіе спеціальному, дѣлающему человѣка крайне одностороннимъ.

Смѣлая мысль Бецкаго о созданіи «новой породы людей» не могла, конечно, осуществиться, такъ какъ трудно совершенно отдѣлить воспитанниковъ отъ общества, изъ котораго они берутся и куда

---

[1]) Демковъ. Исторія русской педагогики.

[2]) В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. Спб., 1892.

опять возвращаются, но, тѣмъ не менѣе, воспитательные планы Бецкаго во всемъ ихъ цѣломъ оказали большое вліяніе на развитіе педагогическихъ идей въ Россіи и положили начало женскому образованію, а также распространенію грамотности.

Кромѣ Бецкаго и самой Екатерины, педагогическіе вопросы въ серьезной степени занимали въ то время такихъ людей, какъ Н. И. Новиковъ, митрополитъ Платонъ и др. Педагогическіе вопросы нашли себѣ также яркое выраженіе и въ литературныхъ произведеніяхъ Екатерининскаго времени,— достаточно указать комедіи Фонвизина «Бригадиръ» и «Недоросль», въ которыхъ безпощадно осмѣиваются недостатки тогдашняго воспитанія и указываются въ то же время идеалы воспитанія.

Вообще, нужно замѣтить, что вѣкъ Екатерины II былъ весьма важною эпохою въ исторіи педагогическихъ идей въ Россіи: эти идеи были при Екатеринѣ выражены въ цѣльныхъ и послѣдовательныхъ теоріяхъ и въ значительной мѣрѣ осуществлены на практикѣ.

Въ послѣдующій затѣмъ періодъ царствованія Александра I и Николая I интересъ къ педагогическимъ вопросамъ сильно падаетъ. Въ эпоху сороковыхъ годовъ вопросы воспитанія затрогивались нѣкоторыми видными писателями этого времени; особенно они останавливали вниманіе извѣстнаго критика В. Г. Бѣлинскаго, высказавшаго въ различныхъ мѣстахъ своихъ горячихъ статей цѣлый рядъ педагогическихъ мыслей, заслуживающихъ большого вниманія. Но это были, собственно говоря, лишь небольшія отступленія въ область педагогіи. Одинъ изъ русскихъ педагоговъ такъ говоритъ о состояніи педагогическаго дѣла въ Россіи къ началу пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія: «Несмотря на значительные успѣхи, которые сдѣлала въ послѣднее 20-лѣтіе наша литература, подарившая насъ замѣчательными произведеніями почти по всѣмъ отраслямъ знанія, по какому-то странному случаю она не только не разрабатывала вопроса о воспитаніи и обученіи, но даже и не касалась его»... Я. К. Гротъ по тому же поводу замѣчаетъ: «Наша педагогика еще въ пеленкахъ, наша педагогическая литература—новорожденный младенецъ» [1]).

Съ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія начинается новый и самый замѣчательный періодъ русской педагогики, имѣющій тѣсную и непосредственную связь съ послѣдовавшими въ шестидесятыхъ годахъ того же столѣтія реформами императора Александра II. Главнѣйшею изъ этихъ реформъ, какъ извѣстно, было освобожденіе крестьянъ, послужившее фундаментомъ и для

[1]) См. П. Каптеревъ. Новая русская педагогія, стр. 8.

цѣлаго ряда другихъ и измѣнившая взглядъ на воспитаніе и образованіе. «Насилію полагались границы, закрѣпощенные освобождены отъ многовѣковыхъ путъ. Человѣческая личность свободна, каждый обитатель русской земли есть гражданинъ, имѣющій всѣ гражданскія права и обязанности» [1]). На воспитаніе начали смотрѣть, какъ на приготовленіе къ служенію общечеловѣческимъ идеаламъ истины, добра и красоты, въ духѣ христіанской религіи. Въ этомъ направленіи началась работа цѣлаго ряда русскихъ педагоговъ.

Въ 1856 году въ «Морскомъ сборникѣ» появилась статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», въ которой авторъ выступаетъ рѣшительно на защиту общечеловѣческаго идеала воспитанія. «Нѣтъ ни одной потребности, — писалъ Пироговъ, — для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность въ истинныхъ людяхъ».

Будучи однимъ изъ самыхъ даровитыхъ спеціалистовъ своего времени [2]), Пироговъ, тѣмъ не менѣе, указывалъ на огромную важность предварительнаго общечеловѣческаго образованія. «Истинные спеціалисты, — по словамъ Пирогова, — никогда не нуждались такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ».

Исходя изъ приведенныхъ положеній, Пироговъ придаетъ огромное значеніе устройству общеобразовательныхъ школъ, предшествующихъ спеціальнымъ. «Всѣ готовящіеся быть гражданами, — говоритъ онъ, — должны сначала научиться быть людьми».

Въ той же статьѣ Пироговъ указываетъ на огромную важность женскаго воспитанія и образованія. «Только близорукое тщеславіе людей, строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку, какъ на второстепенный, подвластный классъ. Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность видитъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя»... Въ воспитаніи женщины, по мнѣнію Пирогова, заключается воспитаніе всего человѣчества.

Статья Пирогова, названная «вопросами жизни», касалась самыхъ основныхъ вопросовъ тогдашняго русскаго воспитанія и образованія Мысли, изложенныя въ этой статьѣ, были не только продуманы, но и глубоко прочувствованы авторомъ, какъ объ этомъ замѣчаетъ другой педагогъ В. Я. Стоюнинъ. Спокойствіе и разсудительность, которыми была проникнута

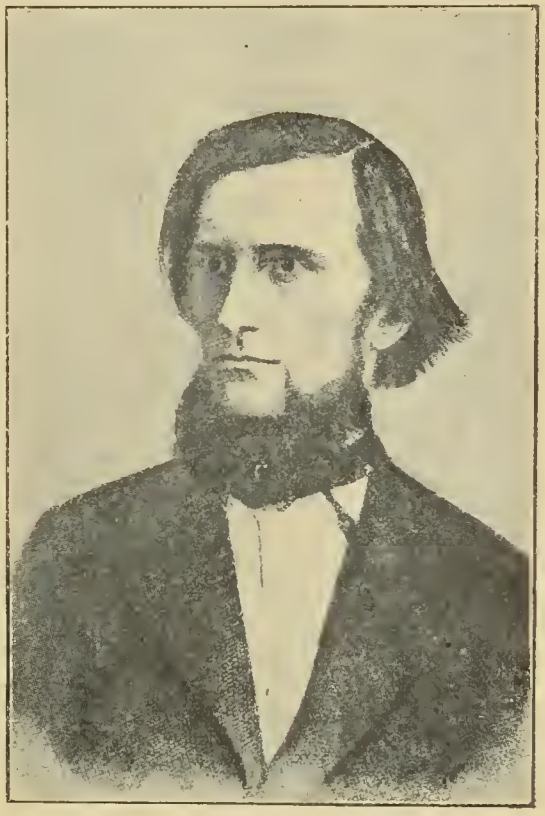
---

[1]) П. Каптеревъ. Новая русская педагогія.

[2]) Н. И. Пироговъ былъ знаменитымъ хирургомъ.

статья, произвели сильное впечатлѣніе на общество, и самая статья послужила какъ бы серьезнымъ введеніемъ къ новой русской педагогіи.

Въ русскомъ обществѣ пробуждалась въ это время крайняя нужда въ педагогическихъ знаніяхъ, но этихъ знаній не было, чему виною, какъ мы видѣли, предшествующія эпохи. При такихъ обстоятельствахъ русскіе педагоги, естественно, обратились къ западно-европейскимъ теоріямъ и по преимуществу — нѣмецкимъ, при чемъ было обнаружено немало излишняго увлеченія въ смыслѣ широкаго и огульнаго заимствованія методовъ, программъ, учебниковъ и проч. Такое заимствованіе педагогическихъ идей съ Запада вскорѣ должно было породить вопросъ о національномъ направленіи въ педагогіи; главнымъ представителемъ этого направленія былъ К. Д. Ушинскій (1824 — 1870). К. Д. Ушинскій имѣлъ возможность широко изучать педагогическое дѣло и теоретически, и практически онъ былъ руководителемъ Гатчинскаго сиротскаго института и Смольнаго института, изучалъ постановку учебно-воспитательнаго дѣла за границей, посѣщая школы, учительскія семинаріи и тщательно присматриваясь къ нимъ. Надѣленный крупнымъ педагогическимъ талантомъ и проникнутый горячей любовью къ педагогическому дѣлу, Ушинскій посвятилъ себя педагогическимъ вопросамъ. Въ 1857 году онъ напечаталъ статью «О народности въ общественномъ воспитаніи», въ которой очертилъ положеніе учебно-воспитательнаго дѣла у различныхъ народовъ и доказывалъ невозможность воспитываться по чужой педагогической системѣ, какъ бы она ни была стройна: каждый народъ въ этомъ отношеніи долженъ прокладывать свои собственные пути. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для созданія національной школы Ушинскій считалъ возбужденіе обще-



К. Д. Ушинскій.

ственнаго мнѣнія въ дѣлѣ воспитанія. «Общественное воспитаніе, — говоритъ онъ, — не рѣшаетъ само вопросовъ жизни и не ведетъ за собою исторіи, но слѣдуетъ за нею. Не педагогика и не педагоги, но самъ народъ и его великіе люди прокладываютъ дорогу въ будущее; воспитаніе только идетъ по этой дорогѣ и, дѣйствуя заодно съ другими общественными силами, помогаетъ итти по ней отдѣльнымъ личностямъ и новымъ поколѣніямъ... Возбужденіе общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ воспитанія есть единственно прочная основа всякихъ улучшеній по этой части: гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія о воспитаніи, тамъ нѣтъ и общественнаго воспитанія, хотя можетъ быть множество общественныхъ учебныхъ заведеній».

Въ другой статьѣ «О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи» Ушинскій ратуетъ за необходимость развитія и укрѣпленія нравственнаго чувства — «того общественнаго цемента, который связываетъ людей въ честное дружное общество». «Вліяніе нравственное, — по словамъ Ушинскаго, — составляетъ главную задачу воспитанія, гораздо болѣе важную, чѣмъ развитіе ума вообще».

К. Д. Ушинскій выступилъ на педагогическое поприще въ то время, когда въ Россіи повсюду начали открываться народныя школы. «Теперь именно настаетъ пора, — писалъ Ушинскій, — когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные — и много, много школъ нужно! Иначе и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, которую могли бы принести эти истинно великіе шаги впередъ».

Желая прійти на помощь нарождавшейся народной школѣ, Ушинскій принялся за составленіе книгъ для первоначальнаго обученія дѣтей. Результатомъ работъ его въ этомъ направленіи было созданіе «Родного слова» годъ I и II, «Дѣтскаго міра» ч. 1-я и 2-я, «Родного слова» годъ III и «Руководства къ преподаванію по «Родному слову». Этими трудами Ушинскій оказалъ неоцѣненную услугу дѣлу школьнаго и домашняго воспитанія и образованія. Названныя книги, выдержавшія небывалое у насъ количество изданій [1]), написаны съ глубокимъ знаніемъ педагогическаго дѣла и проникнуты горячей любовью къ дѣтямъ. Одного этого труда было бы достаточно, чтобы обезсмертить свое имя.

Въ концѣ 1867 года Ушинскій издалъ первый томъ своего труда «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагоги-

[1]) «Родное Слово», годъ 1-й, болѣе 100 изданій, «Родное Слово», годъ 2-й, 84 изданія.

ческой антропологіи». Этотъ трудъ, потребовавшій пять лѣтъ усиленныхъ занятій, представляетъ систематическое собраніе всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній о природѣ человѣка и указанія, на какихъ основахъ нужно строить истинно-человѣческое воспитаніе. «Чтобы воспитать человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, нужно прежде узнать его тоже во всѣхъ отношеніяхъ» — вотъ принципъ, которымъ руководился Ушинскій въ своей педагогической дѣятельности вообще и при созданіи «опыта педагогической антропологіи» въ частности.

Ушинскій много ратовалъ о созданіи у насъ педагогическаго факультета, разрабатывалъ проектъ учительской семинаріи и вообще горячо откликался на всѣ возникавшіе въ его время педагогическіе вопросы. Изъ отдѣльныхъ статей его необходимо упомянуть еще «Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи», въ которой Ушинскій проводилъ слѣдующую мысль: «матеріальные плоды трудовъ составляютъ человѣческое достояніе, но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности и счастья».

Педагогическая дѣятельность Ушинскаго продолжалась всего 15 лѣтъ, но и за этотъ небольшой періодъ онъ принесъ громадную пользу русской педагогіи: онъ разъяснилъ всю важность и отвѣтственность педагогическаго дѣла, возвелъ это дѣло на степень сознательнаго искусства, положилъ прочный фундаментъ новой русской педагогіи, за что, по справедливости, считается отцомъ этой педагогіи.

Пробужденіе интереса къ педагогическимъ вопросамъ, вызванное реформами шестидесятыхъ годовъ, выдвинуло въ теченіе истекшаго сорокалѣтія, кромѣ Ушинскаго, и другихъ педагоговъ, которые и теоретически и практически содѣйствовали развитію педагогическаго дѣла въ Россіи. Изъ числа этихъ педагоговъ наиболѣе извѣстны: В. Я. Стоюнинъ, В. П. Водовозовъ, баронъ Н. А. Корфъ, Л. Н. Модзалевскій, Н. Ѳ. Бунаковъ, В. П. Острогорскій, Л. Н. Толстой, П. Д. Покровскій, Д. И. Тихомировъ, П. Ѳ. Каптеревъ, В. П. Вахтеровъ и др.

Раньше нами было уже отмѣчено, въ какомъ состояніи находилась наша педагогія въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія. Состояніе это было самое печальное; на долю русскихъ педагоговъ преобразовательной эпохи выпала необходимость создавать почти все сначала, и они совершили громадный подвигъ. Въ продолженіе сорока лѣтъ, протекшихъ со дня освобожденія крестьянъ, у насъ создана солидная педагогическая литература, появилось множество учебниковъ, составлен-

ныхъ на основаніи новѣйшихъ педагогическихъ данныхъ, начали издаваться педагогическіе и дѣтскіе журналы, получила значительное развитіе школьная статистика, издано множество всевозможныхъ учебныхъ пособій и т. п. «Въ послѣднія 40—50 лѣтъ, — говоритъ П. Ѳ. Каптеревъ, — теоретическая и практическая педагогія сдѣлала у насъ такіе огромные успѣхи, какихъ она не сдѣлала въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ столѣтій. Причина успѣха заключается въ томъ, что воспитаніе перестало быть дѣломъ лишь одного государства, но стало живымъ и общественнымъ дѣломъ. До эпохи освобожденія образованіе вѣдалось канцеляріями и государствомъ, а потому было поставлено односторонне, безжизненно и отвлеченно. Съ эпохи освобожденія общество глубоко заинтересовалось имъ, и въ участіи общества образованіе почерпнуло великую живительную силу. Общество выставило цѣлый рядъ дѣятелей по образованію, для которыхъ педагогическіе вопросы стали дѣломъ жизни, дѣломъ свободнаго избранія, которые разрабатывали ихъ не по казенной надобности и за жалованье, а въ силу призванія» [1]).

Къ приведенной характеристикѣ успѣховъ русской педагогіи за послѣднія 40—50 лѣтъ необходимо добавить, что успѣхи эти были достигнуты далеко не при благопріятныхъ условіяхъ.

Начала общественной самодѣятельности, положенныя въ основу реформъ шестидесятыхъ годовъ, проводились съ большими колебаніями, а порою подвергались явному гоненію. При такихъ условіяхъ русская педагогія не имѣла возможности показать себя во весь свой ростъ; фундаментъ ея, заложенный Ушинскимъ, не покоитъ еще на себѣ стройнаго зданія, сооруженіе котораго было бы возможно только при полномъ просторѣ общественной самодѣятельности.

Въ послѣднее время въ русской педагогіи, вслѣдъ за западно-европейской, намѣчается новое весьма важное теченіе.

Однимъ изъ общепризнанныхъ положеній современной педагогіи является то, что выводы педагогической науки должны быть построены на психологическихъ основаніяхъ. Это положеніе развивали всѣ выдающіеся педагоги. На ряду съ этимъ нѣкоторые представители педагогіи, каковы, напримѣръ, Локкъ и Руссо на Западѣ, Пироговъ, Ушинскій и Каптеревъ у насъ, указывали на необходимость и важность изученія *душевнаго міра дѣтей,* во многомъ отличнаго отъ міра взрослыхъ. Въ концѣ XIX, и въ особенности въ XX вѣкѣ, ученіе о духовномъ

---

[1]) П. Каптеревъ. Новая русская педагогія. Спб., 1898, стр. 9.

мірѣ дѣтей сдѣлало крупные успѣхи и породило новую отрасль педагогіи — *педологію* (ученіе о дѣтяхъ) (см. 1-ю ст.).

Ученіе о дѣтяхъ, или педологія, развившееся въ концѣ прошлаго и въ особенности въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Западной

Современная русская школа.

Европѣ и Америкѣ, перешло затѣмъ и къ намъ въ Россію. Первые труды въ этой области принадлежатъ у насъ И. А. Сикорскому и А. П. Нечаеву. Въ 1901 году въ С.-Петербургѣ, при музеѣ военно-учебныхъ заведеній, А. П. Нечаевымъ была основана первая въ Россіи лабораторія экспериментальной педагогической психологіи. Въ томъ же 1901 году А. П. Нечаевъ вы-

пустилъ въ свѣтъ первое русское оригинальное изслѣдованіе въ указанной области: «Современная экспериментальная психологія въ ея примѣненіи къ вопросамъ школьнаго обученія». При военно-медицинской академіи существуетъ психологическая лабораторія, которою руководятъ академикъ Бехтеревъ и А. Ф. Лазурскій.

Кромѣ перечисленныхъ лицъ, въ области экспериментальной педагогики извѣстны у насъ: Н. Е. Румянцевъ, А. С. Грибоѣдовъ, А. А. Крогіусъ, А. Л. Щегловъ, Д. А. Дриль и др.

Наиболѣе солидные педагогическіе журналы, каковы «Русская школа» и «Вѣстникъ воспитанія», начали удѣлять значительное мѣсто педологіи. Вообще, необходимо замѣтить, что педологія дѣлаетъ крупные успѣхи, открывая новые горизонты, неизвѣстные прежней педагогіи. «При помощи психологіи дѣтства, — говоритъ нѣмецкій педагогъ К. Гросъ, — должна создаться новая наука о воспитаніи».

Пособія: *М. П. Демковъ.* «Исторія русской педагогіи». Ч. I. «Древне-русская педагогія» и ч. II, «Новая русская педагогія» (XVIII в.). Ц. за 2 т. 6 р. *М. П. Демковъ.* «Русская педагогика въ ея главнѣйшихъ представителяхъ». «Опытъ педагогической хрестоматіи». Спб., 1898 г. Ц. 2 р. 50 к. *В. Я. Стоюнинъ.* «Педагогическія сочиненія». Спб., 1892 г. Ц. 3 р. *П. Каптеревъ.* «Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели». Спб., 1892 г. Ц. 80 к. *М. Л. Песковскій.* «К. Д. Ушинскій, его жизнь и педагогическая дѣятельность». Спб., 1892 г. Ц. 25 к. *Н. Румянцевъ.* «Педологія, ея возникновеніе, развитіе и отношеніе къ педагогикѣ», (статья въ журн. «Русская школа» 1908 г. Кн. 1, 2 и 3).

Алфавитный и предметный указатель.

А.

Абсолютный вѣсъ мозга.—12.
Августинъ, блаженный.—109.
Автоматизмъ тѣла, теорія.—16.
Автономная теорія.—100.
Альтруизмъ.—119.
Альтфатеръ.—16
Анализъ психологическій.—4.
Анализъ.—54.
„ причинный.—55.
Аристотель.—61.
Аскетизмъ.—102.
Ассимиляція представленій.—44.
Ассоціація „ —5, 36
Атавизмъ.—51.
Атомъ матеріальный.—64.
Аффектъ.—115.

Б.

Бахъ Себастіанъ.—47.
„Безсмысленные слоги".—41.
Бентамъ Іеремія.—100.
Беркли.—37, 65.
Бернулли.—47.
Бетховенъ.—31, 47.
Бехтеревъ, академикъ.—192.
Бецкій И. И.—184.
Біологическая психологія. 9.
Благо общее.—128.
Борьба за существованіе.—115.
Броунъ-Секаръ.—46.
Бруно-Джордано.—108.
Бунаковъ, Н. Ѳ.—189.
Бѣлинскій, В. Г.—185.
Бэнъ.—37.
Бюхнеръ.—64.

В.

Ванъ-Дайки, братья.—47.
Ванъ Остаде.—47.
Вахтеровъ. В. П.—189.
Вашингтонъ Бookеръ.—134.
Введенскій.—60.
Вейсманъ, его гипотеза.—52.
Взаимопомощь, ея значеніе.—117, 118, 128.
Виндельбандъ.—85.
Владиміръ Мономахъ, его поученіе дѣтямъ.—181.
Водовозовъ, В. И.—189.
Возрастъ дѣтей школьный.—168.
Воля дѣтей.—148.
„ ея развитіе.—161.
„Воля" Канта.—82.
„Воспитывающее обученіе".—147.
Воспитаніе характера.—160.
Воспріятія.—21.
Время.—77.
Врожденные механизмы нервной системы.—18.
Высшее благо.—100.

Г.

Галилей.—66, 108.
Гальтонъ.—31, 46, 47.
Гансбергъ.—148.
Гаррисъ.—170.
Гауптъ Отто.—99.
Гегель.—61.
Геккель, Э.—140.
Географія, ея значеніе въ педагогикѣ.—175.
Гербартъ.—146.
Гербартіанское направленіе.—147.
Гертли.—37.
Гефдингъ (65).—65.
Гершель.—47.
Гёте.—47.
Гольбахъ.—64.
Городскія школы.—144.
„Государство" Спенсера.—98.
Грибоѣдовъ. А. С.—192.

Гроссъ, К.—192.
Гротъ, Я. К.—185.
Гумбольдтъ.—47.
Гюйо.—107.

Д.

Дальтонизмъ.—46.
Дарвинъ.—9, 47.
Дедукція.—59.
Дезинтеграція.—90.
Декартъ.—73.
Декартолъ.—61.
Демковъ, М. П.—187.
Демокритъ.—64.
Детерминизмъ.—109.
Джемсъ (35).—35.
„Динамика“ Конта.—71.
Дифференціація.—87.
Діамандиди.—31.
Добродѣтель, понятіе.—102.
„Долгъ“ Канта.—81.
„Долгъ“ Спенсера.—95.
„Домострой“.—182.
Достоинство человѣческое.—123, 124.
Дриль, Д. А.—192.
Друммонъ, У.—181.
Дуализмъ, какъ система.—65.
Духовныя силы, ихъ значеніе.—140.
Духовный міръ дѣтей.—190.
Душа.—11.
Душевныя способности.—2.
„Душевная слѣпота“.—34.
„Дѣтскіе суды“.—152, 158.
Дѣти: больные, преступники.—152.

Е.

Екатерина II.—184.

Ж.

Жалость.—121.
Жюссье.—47.

З.

Законы ассоціаціи: по смежности, сходству.—38.
„ по контрасту.—39.
Законъ Божій, какъ предметъ.—178.
Законъ Вебера.—26.
Законы наслѣдственности.—50, 51.
Закономѣрность душевныхъ явленій.—1.
Законъ равной свободы.—97.
Законъ развитія.—106.
Законъ сохраненія энергіи.—15.
Злая воля.—131.
Знанія, ихъ значеніе.—155.
Зоологическая психологія.—9.
Зрительная память.—32.

И.

„Идеи“ Канта.—79.
„Идеи“ Платона.—63.
„Идея справедливости“.—130.
Идіосинкразіи.—46.
Идіотизмъ.—12.
Измѣреніе явленій.—8.
Иллюзія.—34.
„ аристотелевская, корректурная.—35.
Индетерминизмъ.—108.
Индивидуализмъ Спенсера.—95.
Индивидуальныя особенности организма:
физіологическія.—45.
психическія.—46.
Индукція.—55.
Индукція полная.—58.
Иноди.—31.
Инстинктъ.—91.
Интеграція, какъ процессъ.—87.
Интересъ: объективный, субъективный.—161.
„ эмпирическій, спекулятивный, религіозный, художественный, симпатическій, соціальный.—162.
Интересъ многосторонній.—163.
Исторія, какъ предметъ.—170.
Исторія педагогики.—142.

К.

Каліардп.—47.
Кальвинъ.—109.
Кантъ.—61, 66, 72.
Канто-Лапласовская гипотеза.—88.
Каптеревъ, П. Ѳ.—189, 187.
Караччи.—47.
Категоріи Канта.—77.
Качества ощущеній.—26.
Качество удовольствія.—104.
Кеплеръ.—66.
Классификація наукъ Конта.—69.
Классовая борьба.—122.
Колоцца, Д.—177.

Коменскій, Янъ Амосъ.—146.
Контъ, Огюстъ.—66.
Концентрація, какъ процессъ.—89.
Коперникъ.—66.
Корфъ, Н. А., баронъ.—189.
Критонъ.—139.
Крогіусъ, А. А.—192.
Куно Фишеръ.—81.
Кювье.—66.
Кюльпе.—65.

Л.

Лабораторія психологическая.—88.
Лавуазье.—66.
Лазурскій, А. Ф.—192.
Ламетри.—64.
Лейбницъ.—61, 73.
Линней.—66.
Локкъ.—37, 61, 66, 73, 184.
Лѣпка.—175.
Любовь.—120.

М.

Макъ-Кендрикъ.—27.
Максимилизація счастья.—101.
Малолѣтніе преступники.—152.
Маннгеймская система.—150.
Маркъ Твэнъ.—37.
Математика, какъ предметъ.—176.
Матеріализмъ.—64.
Метафизика.—60.
„ идеалистическая.—63.
„ спиритуалистическая, формалистическая, матеріалистическая.—64.
„ дуалистическая, монистическая.—65.
Метафизическая теорія.—14.
Методы логическіе.—54.
Методы Милля; совпаденія.—56.
„ различія, сопутствующихъ измѣненій и остатковъ.—57.
Милль, Джонсъ Стюартъ.—37, 104.
Мипто.—60.
Міровоззрѣніе, его выработка.—166.
Модзалевскій, Л. Н.—189.
Мозгъ, его функціи.—11.
Молешотъ.—64.
Монастырскія школы.—144.
Монизмъ.—65.
Монтань.—184.
Моральная арѳметика.—103.
Мотивы нравственнаго дѣйствія.—99.
Моцартъ.—31, 47.
Мюнстербергъ.—42.

Н.

Народныя школы.—144.
Наслѣдственность.—44.
„ болѣзненная.—49.
Наслѣдственность характера.—48.
Наторпъ, П.—146, 177.
Національное чувство.—121.
Національный характеръ.—48.
Некрасовъ, Н. А.—138.
„Непознаваемое“ Спенсера.—86.
Нервные механизмы.—18.
Нервныя раздраженія.—23.
Нервная система.—18.
Нервы чувствующіе.—24.
Нечаевъ, А. П.—191.
Нравственность человѣка.—174.
Нравственный законъ Канта.—81.
Новиковъ, П. П.—185.
Ньютонъ.—66.
Нѣмецкія народныя школы.—168.

О.

Образованіе, его значеніе.—164.
Общеобразовательная школа.—160, 172.
Общество, его значеніе.—115.
Общечеловѣческое чувство.—121.
Ограниченіе свободы.—127.
Опытъ личный, понятіе.—20.
„ его значеніе.—136.
Острогорскій, В. П.—189.
Осязаніе.—46.
Ощущеніе.—5, 21.
„ общія органовъ движенія.—27.
„ полукружныхъ каналовъ уха.—28.

П.

Память.—3, 36, 92.
Панпсихизмъ.—14.
Патологическая психологія.—10.
Паульсенъ.—14, 75.
Педагогика, понятіе.—134.
Педологія.—146, 191.
Педологическая психологія.—10.

Персеверація представленій.—36.
Перцепціи.—33.
Перэ, Б.—177.
Песковскій, М. Л.—187.
Песталоцци.—146.
Петръ Великій.—183.
Пироговъ, Н. И.—186.
Піэтизмъ Канта.—75.
Плазма-соматическая, зародышевая.—52.
Платонъ.—61, 145.
Платонъ, митрополитъ.—180.
Племенное чувство.—121.
Подвижное равновѣсіе.—89.
Подражаніе.—136.
Позитивизмъ.—66.
Покровскій, П. Д.—189.
Полезность общественная.—103.
Политическая экономія.—142.
Полукружные каналы уха.—28.
Понятіе, опредѣленіе.—54.
Попечители дѣтскіе въ Америкѣ.—157.
Постулатъ Канта.—84.
Представленіе.—5, 28.
„ общія.—29.
Принужденіе.—132.
„Природа“ Канта.—78.
Приспособленіе, какъ способность.—9.
Причина, понятіе.—56, 113.
Причинная зависимость.—77.
Право.—133.
Программы школъ.—167, 176.
Продолжительность репродукціи.—42.
Происхожденіе нравственности.—100.
Пространство.—77, 92.
Профессіональныя школы.—164.
Процессы психическіе.—4, 5.
Психическія состоянія мозга.—13.
Психологія.—2.
„ житейская, научная.—2, 4.
Пѣніе.—174.

Р.

Равноправіе.—130.
Раздражители внѣшніе.—21.
„Разумъ“ Канта.—76.
Раціонализмъ.—72.
Ребенокъ.—157.
Рейнъ.—168, 171.
Религія.—174.
Религія Канта.—71.
Репродукція образовъ.—36.
Рефлексы.—18, 91.
Рибо.—53.
Рингъ.—75.
Рисованіе.—175.
Ритмъ, его значеніе.—174.
Робинзонъ.—178.
Родовое чувство.—121.
Рубнеръ.—16.
Румянцевъ, Н. Е.—191, 192.
Ручной трудъ.—176.
Рѣчь, владѣніе ею.—175.
Рыцарскія школы.—144.
Рюйсдаль.—47.

С.

Самоотверженность.—119.
Самосохраненіе.—122.
„Самоцѣль“ Канта.—126, 129.
Самочувствіе физическое.—27.
Свобода воли.—108.
Свобода индивидуальная, естественная.—127.
„ физическая.—114.
„ нравственная.—115.
Семья.—158.
Сенсуалисты.—92.
Сенъ-Симонъ.—66.
Сикорскій, И. А.—191.
Сила.—2.
Сила государственная.—132.
Сила ощущеній.—25.
Силлогизмъ.—59.
Симпатія.—102.
Синтезъ.—55.
Система научная.—53.
Сказки.—178.
Скептицизмъ.—73.
Сліяніе представленій.—5.
Слово, его значеніе.—30.
Снодграсъ.—27.
Соборныя школы.—144.
Совмѣстное образованіе.—170.
Сократъ.—61, 139.
Сотрудничество, его значеніе.—117, 118.
Соціальная педагогика.—148.
„ психологія.—10.
Соціологія Канта.—70.
„ Спенсера.—96.
Спенсеръ, Г.—37, 86, 105, 122.
Спеціальныя школы.—160.
Спиноза.—14, 61, 65, 73.
Спиритуализмъ.—64.

Способности, опредѣленіе.—2.
Статика Конта.—70.
Статическое чувство.—28.
Стоюшинъ, В. Я.—186. 189, 187.
Страданіе.—101.
Струве.—47.
Субъективность ощущеній.—23.
Сущность, понятіе.—61.
„Сущность“ Канта.—79.
Счастіе.—100.
Сѣрая мозговая корка.—12.

Т.

Температурное чувство.—46.
Теорія взаимодѣйствія души и мозга.—13.
Теорія наслѣдственности.—51.
„ нравственности.—99.
— параллелизма.—14.
Тихомировъ, Д. И.—189.
Тиціанъ.—47.
Толстой, Л. Н.—189.

У.

Уваженіе.—123, 124, 126.
Угнетеніе психическихъ явленій.—5.
Удовольствіе.—101.
Умственныя способности.—47.
Умъ ученика.—117, 147.
Упражненіе душевное.—5, 6.
Утомленіе психическое.—5, 6.
Учебный планъ.—172.
Утилитаризмъ.—100.
Ушинскій, К. Д.—146, 187, 189.

Ф.

Факторы наслѣдственности:
консервативный.—136.
приспособленія, прогрессивный.—137.
Фехнеръ.—14.
Физическія явленія мозга.—13.
Фихте.—61.
Физіологическая психологія.—8.
„Формы“ Аристотеля.—64.
Фохтъ.—64.
Фонвизинъ, его комедіи.—185.
Функціональныя предрасположенія.—33.

Х.

Характеръ.—160.
Хромозомы.—51.
Художественное переживаніе.—180.

Ц.

„Церковь позитивистовъ“.—67.
Цѣнность удовольствія.—103.

Ч.

Человѣкъ, понятіе.—125.
Челпановъ.—60, 65.
Чувство свободы.—110.
Чувства у дѣтей, ихъ развитіе.—148.
Чувство прекраснаго.—174.

Ш.

Шарко, д-ръ.—32.
Шаррельманъ.—148.
Шеллингъ.—61.
Шиллеръ.—81.
Школа, понятіе.—136.
Школа, ея организація.—169.
Шопенгауэръ.—61.
Штрикеръ, проф.—32.

Щ.

Щегловъ, А. Л.—192.

Э.

Эббингаузъ.—14.
Эволюція.—86.
Эгоизмъ.—104, 119.
Экспериментальная педагогика.—149.
Экспериментъ въ психологіи.—6.
Эмоціи.—5.
Эмпиризмъ.—72.
Энергія, опредѣленіе.—15.
Эпикуръ, эпикурейцы.—64, 100.
Этика Канта.—80.
„ Спенсера.—93.

Ю.

Юмъ.—37, 61, 66, 73.

Я.

Явленіе психическое, понятіе.—3.
Янжулъ.—138.

Списокъ рисунковъ IX тома.

Стр.

Школа у австралійскихъ дикарей. 135
Монастырская школа въ средніе вѣка 143
Школа въ XVI вѣкѣ 144
Великій педагогъ—Песталоцци 145
Школа XVIII вѣка 147
Современная нѣмецкая школа (Маннгеймъ) 149
Песталоцци у императора Александра I. 165
Все для другихъ—для себя ничего 179
Древняя русская школа 183
Ушинскій, К. Д. 187
Современная русская школа 191

Оглавленіе IX тома „Народной Энциклопедіи“.

Психологія.

Стр.

1. Задачи психологіи 1
   1) Экспериментъ въ психологіи. 6
   2) Физіологическая психологія. 8
   3) Біологическая психологія. 9
   4 и 5) Педологическая (относящаяся къ ребенку) и патологическая (относящаяся къ больному) психологія. 10
   6) Общественная (соціальная) психологія. . . . . —
2. Душа и мозгъ. 11
3. Ощущенія. 21
   Внѣшніе раздражители. . . . . —
   1) Общія или органическія ощущенія. 27
   2) Ощущенія органовъ движенія тѣла. . . . . —
   3) Ощущенія полукружныхъ каналовъ уха или статическое чувство. . 28
4. Представленія и перцепціи. . . . . —
   Перцепціи. 33
5. Ассоціація представленій и память. 36
6. Психическая наслѣдственность. 44

Логика.

7. Логическіе методы: анализъ и синтезъ, индукція и дедукція. 53
   1) Анализъ понятій. 54
   2) Синтезъ 55
   3) Методы усовершенствованія сужденій: а) индукція. . . . . —
   4) Методы усовершенствованія сужденій: б) дедукція. 59

Философія.

8. Метафизика. 60
   1) Идеологія Платона. 63
   2) Формалистическая метафизика Аристотеля. . . . . —
   3) Матеріалистическая метафизика. 64
   4) Спиритуалистическая метафизика. . . . . —
   5) Дуалистическая метафизика. 65
   6) Монистическая метафизика. . . . . —

Стр.
9. Позитивная философія. 65
Огюстъ Контъ. 66
Классификація наукъ. 69
Соціологія Конта. 70
10. Критическая философія Канта. 72
1) Отношеніе философіи Канта къ предшествующимъ направленіямъ. . —
2) Эммануилъ Кантъ. 75
3) Критика чистаго разума. 76
4) Нравственная философія Канта. 79
11. Эволюціонная философія. Г. Спенсеръ. 86

Этика.

12. Утилитарная теорія нравственности. 99
1) Іеремія Бентамъ. 100
2) Джонъ Стюартъ Милль. 104
3) Гербертъ Спенсеръ. 105
13. Свобода воли и ея детерминизмъ. 107
14. Этика гражданской жизни. 116

Педагогика.

1. Что такое педагогика и чему она учитъ? 134
Вопросы, которые изучаетъ наука-педагогика. 141
Маннгеймская система обученія. 153
2. Какой должна быть школа. 157
Многосторонній интересъ. 163
Организація школъ. 169
3. Чему должно учить въ общеобразовательной школѣ? (теорія учебнаго плана). 172
Учебный планъ (Рейна). 177
4. Историческій очеркъ педагогіи въ Россіи. 181

Указатели пособій и литературы по спеціальнымъ вопросамъ помѣщены послѣ каждой статьи.

Алфавитный и предметный указатель 193
Списокъ рисунковъ. 198

Duke University Libraries
D02057140J